

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

11 (2017)

Екатеринбург 2017

УДК 81:39
ББК Ш100.63
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Выпускающий редактор:

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

кандидат филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА

кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Л59 **ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ** [Текст] : ежегодный сборник научных трудов / Урал.гос.пед.ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов — Екатеринбург : [б. и.], 2017. — Выпуск 11. — 154 с.

ISBN 5- 978-5-7186-0950-9

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Журнал предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

УДК 81:39
ББК Ш100.63

Научное издание
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 11

ISBN 978-5-7186-0950-9

© ФГБОУ «УрГПУ», 2017
© Лингвокультурология, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вершинина И. А. <i>Екатеринбург, Россия</i> Формирование мотивации у школьников при обучении английскому языку.....	5
Ильина Е. В. <i>Тюмень, Россия</i> Манифестации лингвокультурного концепта МОРЕ в лексикографическом дискурсе.....	12
Калинин С. С. <i>Кемерово, Россия</i> О различных подходах к моделированию процесса лингвокультурного трансфера	24
Катермина В. В. <i>Краснодар, Россия</i> Гастрономическая картина мира в английской неологии: лингвокультурологический аспект	33
Кирилова И. В. <i>Екатеринбург, Россия</i> Психолингвистическое значение демонологемы	48
Кисткина Ю. М. <i>Саранск, Россия</i> Гибридность в романе Нила Геймана «Американские боги» и его переводе на русский язык	58
Клюева А. Н. <i>Ростов-на-Дону, Россия</i> К вопросу пространственной организации рассказов Дж. Апдайка (на примере визуального образа города Олинджер)	78

Мищенко А. Н., Сегал Н. А. <i>Симферополь, Россия</i>	
Песенный дискурс как источник метафорического моделирования	85
Николина Н. Н. <i>Екатеринбург, Россия</i>	
Роль фоновых знаний в условиях межкультурной коммуникации	99
Рогожникова Т. П. <i>Омск, Россия</i>	
К истории документной коммуникации: от прошения к заявлению	108
Попова Л. В. <i>Миасс, Россия</i>	
Неполноценность номинации юридической лжи в истории русского законодательства: этнолингвокультурный аспект	117
Сосипатрова А. В. <i>Кемерово, Россия</i>	
Прецедентность как способ осмысления феномена коррупции в российских средствах массовой информации	123
Усланова Е. М. <i>Кемерово, Россия</i>	
Фитоморная метафорика в религиозном дискурсе (на материале «Сокровища духовного, от мира собираемого» Тихона Задонского)	132
Шестеркина Н. В., Белоусова Е. С. <i>Саранск, Россия</i>	
Деревенский пейзаж в переводе на немецкий язык романа Л. Н. Толстого «Война и Мир»	146

И. А. Вершинина
Екатеринбург, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ У ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

АННОТАЦИЯ. *Мотивация является одним из основных компонентов учебной деятельности. Автор рассматривает определение мотивации и считает, что благодаря мотивации ученик осознает мотивы и цели учебной деятельности, развивает свою мотивационную сферу. Рассмотрены различные виды мотивации, игровая деятельность выделяется как один из способов повышения мотивации учащихся к изучению иностранного языка. Определяется, какие функции выполняет игровая деятельность в процессе обучения. Автор считает, что использование игровых технологий при обучении иностранному языку особенно актуально на раннем этапе и предлагает план-конспект урока с использованием этой технологии в различных видах.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *иностраннный язык; мотивация; игровые технологии; учебная деятельность; процесс обучения.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Вершинина Ирина Андреевна, магистрант кафедры межкультурной коммуникации, риторики русского языка как иностранного, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.*

*Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
e-mail: irishagoldova@mail.ru*

I. A. Vershinina
Ekaterinburg, Russia

FORMATION OF MOTIVATION OF PUPILS IN TEACHING ENGLISH

ABSTRACT. *Motivation is one of the main components of learning activity, the definition of motivation is considered. The author considers that due to motivation, the student understands the motives and aims of educational activity, developing his motivational sphere. The article describes the different types of motivation, gaming techniques*

stand out as one of the ways to increase the motivation of students to study a foreign language. It determines which functions are performed by gaming techniques in the learning process. The author believes that the use of gaming techniques in teaching a foreign language is especially important at an early stage. The author offers a plan abstract of the lesson using these techniques in various forms.

KEY WORDS: *foreign language; motivation; gaming techniques; educational activities; learning process.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vershinina Irina Andreevna, Student of master's program, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication. Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University.*

Большинство образовательных учреждений стали особо тщательно и интенсивно изучать способы повышения эффективности образовательной деятельности. Из года в год меняются школьные программы, основываясь на определенные психологические и педагогические аспекты, чтобы учащийся смог освоить учебный материал успешно в полном объеме. Методические разработки направлены на поиск особых методов и форм образовательного процесса, при которых учащиеся смогут развивать свою самостоятельность. Но главной целью всех инноваций является формирование устойчивых познавательных интересов у школьников. Именно поэтому высокий уровень учебной мотивации является одним из составляющих эффективного процесса обучения.

Мотивация является одним из важнейших компонентов любой деятельности и представляет интерес для многих дисциплин. В. Г. Асеев отмечает, что «динамика формирования личности скрывает в себе те устойчивые закономерности, раскрытие которых является основной целью психологии. Самыми важными из них являются закономерности развития мотивации как высшей формы регуляции психических процессов и движущей силы человеческой деятельности» [Асеев 1976]. В педагогике мотивации уделяется пристальное внимание: она является одним из основных компонентов организации учебной деятельности и важной характеристикой самого субъекта этой деятельности [Зимняя 2000].

Понятие «мотивации» «выступает тем сложным механизмом соотношения личностью внешних и внутренних факто-

ров поведения, который определяет возникновение, направление, а также способы осуществления конкретных форм деятельности» и является шире понятия «мотива» [Джидарьян 1974]. Можно сказать, что мотивация – это система психологически разрозненных факторов, определяющих поведение и деятельность человека.

Главной проблемой современных школ является формирование учебной мотивации. Ее значимость связана с обновлением школьных программ и содержания обучения, использованием методов, при которых школьники учатся самостоятельно искать новую информацию и получать знания. Мотивация формируется, когда у ученика появляются свои внутренние мотивы, цели и эмоции к учебной деятельности, ученик осознает свои побуждения и саморазвивает свою мотивационную сферу. Учитель в данном процессе является направляющим вектором, а не наблюдателем, используя различные педагогические приемы и методы. Учебно-познавательная мотивация отражается непосредственно в деятельностном подходе к обучению, реализует желание успешно добиваться поставленных целей.

Можно выделить следующие виды мотивации при обучении иностранному языку:

1. Целевая мотивация – определение целей обучения и практической значимости получаемых знаний, помогает осознано изучать материал, что повышает вероятность получения хорошего результата.

2. Мотивация успеха – создание ситуации успеха на уроках, создание перспективы использования полученных знаний на практике, в реальной жизни, а не только на уроках.

3. Страноведческая мотивация – язык является отражением обычаев, менталитета и социальных устоев страны, изменения в социальной жизни быстро отражаются в языке. Социальная культура языка имеет большую значимость при обучении.

4. Эстетическая мотивация – когда обучение проходит в удовольствие, результат обязательно будет успешным.

5. Инструментальная мотивация – учет индивидуальности и темперамента учащихся, возможность реализации себя в том деле, которое ближе обучающемуся, помогает ему выполнить эту деятельность на должном уровне [Искрин 2004: 95].

Существует огромное количество различных методик и способов повышения мотивации учащихся к изучению иностран-

ного языка. Игровая деятельность является сильным фактором мотивации, она соответствует запросам учащихся к учебному материалу, который им необходимо освоить.

Изучив научно-исследовательскую литературу, многие ученые считают, что в процессе обучения игровая деятельность выполняет различные функции:

1. Обучающая функция – получение и развитие умений и навыков, когнитивных возможностей обучающихся, развитие навыка владения иностранным языком.

2. Воспитательная функция – развитие умения работать в сотрудничестве, уважать, помогать и поддерживать своего партнера. Овладение речевым этикетом на иностранном языке.

3. Развлекательная функция – урок проводится в интересной и увлекательной форме, дети увлечены, создается положительная атмосфера для обучения.

4. Коммуникативная функция – создание ситуации иноязычного общения, использование разных форм работы, которые помогают создать различные коммуникативные отношения, учащиеся взаимодействуют друг с другом на иностранном языке.

5. Релаксационная функция – создание благоприятной атмосферы снижает внутреннее напряжение, которое часто присутствует при интенсивном обучении.

6. Психологическая функция – внутренняя подготовка к интенсивной деятельности, настрой на работу с большим объемом информации.

7. Развивающая функция – развитие личностных качеств, направленных на раскрытие скрытых индивидуальных возможностей.

Применение игровых технологий на начальном этапе изучения иностранного языка особенно актуально. Игровая форма занятий побуждает учащихся к активной деятельности на уроке, стимулирует к получению новых знаний.

Предлагаем план-конспект урока с использованием игровых технологий на начальном этапе изучения языка. Использование интерактивных технологий на уроке, таких как проектор, видео- и аудиоматериалы, позволяют активизировать обучающихся и пробуждают интерес к образовательной деятельности, благодаря которым реализуются обучающая, развлекательная и релаксационная функции. Также использование элементов наглядности, различные формы работы (индивидуальная, групповая, парная), способствуют раскрытию индивидуальных возможностей каждого,

также учащийся осознает свою личную значимость в учебном процессе, что позволяет ему повысить свою мотивационную сферу. Благодаря сочетанию различных видов учебной деятельности и форм работ на уроке, мы реализуем воспитательную, коммуникативную и развивающую функцию.

План-конспект урока английского языка по теме «Школьные принадлежности» 3 класс.

Тема урока: Школьные принадлежности.

Класс: 3А.

Цели: научить называть школьные принадлежности, развивать навыки аудирования, говорения, чтения.

Задачи:

- Обучающие: познакомиться с новой лексикой, научиться правильно произносить слова.
- Развивающие: развивать навыки, чтения, говорения и аудирования.
- Воспитательные: формировать навык работы в сотрудничестве, уважительно относиться к напарнику.

Планируемые результаты:

- Личностные:
 1. Развитие мотивов учебной деятельности, формирование личностного смысла обучения.
 2. Формирование навыков самоконтроля.
 - Метапредметные:
 1. Умение понимать цели и задачи учебной деятельности, находить средства ее осуществления.
 2. Умение строить речевые высказывания в соответствии с задачей коммуникации.
 - Предметные:
 1. Формирование лексического запаса по теме «Школьная жизнь».
 2. Развитие навыков аудирования, чтения и говорения.
- Оборудование: карточки со звуками, картинки с изображением школьных принадлежностей, учебник Spotlight 3, компьютер, проектор, экран.

Ход урока:

I. Организационный момент (1 минута).

Учитель приветствует учащихся.

T: Good afternoon, children!

P: Good afternoon, teacher!

T: Nice to see you today! Sit down, Please!

II. Фонетическая разминка (5 минут).

T: Look at the whiteboard. You can see the tongue-twister.
Let's read it together.

Ученики хором читают скороговорку: A fat cat sat on a mat.

T: What is the main sound in this tongue-twister?

Учитель переводит свой вопрос, если возникли трудности с пониманием.

P1: Sound [æ]

P2: Sound [t]

T: Let's try to read it faster.

Затем ученики читают хором и индивидуально.

T: Let's make the transcription! Take your cards with the sounds.

Ученики за столом составляют транскрипцию из звуков, которые были приготовлены заранее. Учитель проходит по рядам и проверяет.

T: Well done, children!

III. Постановка целей урока (2 минуты).

T: Open your books at page 9. We are going to start Module 1, the title of this Module "School days".

При необходимости учитель переводит и поясняет, что такое модуль.

T: Today we will learn and talk about school things, and listen and read about Larry and Lulu's first day at school.

IV. Работа по теме урока (10 минут).

1. Введение новой лексики.

T: Look at the whiteboard. This is a school/pen/pencil/pencil case/school bag/ rubber/ruler.

Учитель называет картинки с предметами, которые висят на доске, дети повторяют новые слова и записывают их словарь.

T: Let's read the dialogue in the exercises 2 and translate.

Ребята читают диалог на стр. 10 упр. 2 и переводят фразы, которые говорят герои.

T: Let's translate the phrases! "What's this?" "It's a..."

V. Закрепление нового материала (12 минут).

T: Now let's practice! Let's play with our cards!

Учитель расставляет детей в два кружочка (один внутри другого), так, чтобы дети стояли напротив друг друга и получились пары. Учитель раздает карточки внутреннему кругу и объясняет правила.

T: Сейчас ученики которые стоят с карточками, будут задавать вопрос *What's this?*, а ученики, которые стоят во внешнем кругу, будут на него отвечать *It's a...* Чтобы у Вас не возникало трудностей, слова на карточках подписаны. Затем, когда вы ответите, я буду хлопать в ладоши, и ребята, стоящие во внешнем кругу, делают один шаг на права, меняя свою пару. *Now we are ready to start! Let's go!*

Когда дети прошли один круг, внутренний и внешний круг меняются местами и проделывают все заново.

T: *Good job! Sit down, please!*

VI. Продолжение работы по теме урока.

T: *Now let's watch the video about Larry and Lulu's first day at school and say their new friends' names.*

Ребята смотрят видео на экране (*Spotlight 3 DVD*) и отвечают на вопрос учителя.

T: *What are their new friends' names?*

P: *Paco and Maya.*

Затем учитель распределяет роли в диалоге, и дети читают диалог.

VII. Инструктаж по выполнению домашнего задания.

T: *Your task is to make the cards with school things. Ваше задание сделать карточки со школьными принадлежностями и подписать предложения к ним *This is...**

VIII. Рефлексия. Подведение итогов.

T: *So, our lesson is over. Do you like the lesson?*

Учитель спрашивает, понравился ли детям урок, и что они нового узнали. Благодарит их и прощается.

T: *Thank you for our lesson, good bye!*

ЛИТЕРАТУРА

Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирования личности. – М. : Мысль, 1976. 158 с.

Быкова Н., Дули Д., Поспелова М., Эванс В. Английский в фокусе. 3 класс. – М. : Express Publishing : Просвещение, 2014. 178 с.

Джидарьян И. А. О месте потребностей, эмоций, чувств в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности / под ред. Е. В. Шороховой. – М. : Наука, 1974.

Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов ; изд. 2-ое, доп., испр. и перераб. – М. : Логос, 2000. 384 с.

Искрин С. А. Моделирование ситуаций общения в процессе обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2004. № 2. С. 95.

Е. В. Ильина

Тюмень, Россия

МАНИФЕСТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА МОРЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. *В данной статье приводятся результаты лингвокогнитивного анализа концепта МОРЕ как элемента русской национальной языковой картины мира и субэтнической языковой картины мира поморов, объективирующегося в лексикографическом дискурсе. Выявлено, что структуру единого когнитивного пространства (концептосферы) вместе с концептом МОРЕ образует совокупность когнитивных ассоциатов-составляющих, тематически с ним связанных.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепт, море, поморы, дискурс, лингвокогнитивный анализ.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ильина Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий научно-исследовательским сектором, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, филиал Московский институт государственного управления и права в Тюменской области (г. Тюмень).*

Адрес: 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

E-mail: ekaterina_ilyina_tum@mail.ru

E. V. Il'ina

Tyumen, Russia

THE DEMONSTRATIONS OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT THE SEA IN THE LEXICOGRAPHIC DISCOURSE

ABSTRACT. *In this article results of the linguo-cognitive analysis of a concept the SEA as element of the Russian national language picture of the world and subethnic language picture of the world of Pomors, объективирующегося are given in a lexicographic discourse. It is revealed that structure of uniform cognitive space (sphere of concepts) together with a concept the SEA forms set of cognitive associates components, thematically with him connected.*

KEY WORDS: *concept, sea, Pomors, discourse, linguo-cognitive analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ilyina Ekaterina Vladimirovna, PhD in Philology, manager of the research sector, the associate professor of humanitarian and natural-science disciplines of The Branch of Moscow Institute of State Management and Law in Tyumen region (Tyumen).*

Для нашего исследования наиболее актуален лексикографический дискурс. Вопрос о текстовой / нетекстовой природе словаря на сегодняшний день можно считать решенным. Этот факт подтверждается употреблением по отношению к словарю таких терминов, как дискурс (лексикографический дискурс, словарная статья – мини-дискурс), коммуникация (словарная статья как особый способ коммуникации), сверхтекст (прочтение словарных статей, объединенных тематической и модальной целостностью как сверхтекст), прагматика лексикографического текста (выражаемая дефиницией слова и иллюстративным материалом к нему), идеологическая нагруженность. Специфика лексикографического текста заключается в том, что к нему применима характеристика не «речь», а «метаречь». Именно металингвистическая природа словарной статьи позволяет классифицировать ее как элементарную единицу лексикографического дискурса [Каламбет 2006: 78–80].

Основополагающим источником материала исследования послужил фундаментальный труд русского историка, этнографа, краеведа Ксении Петровны Гемп (1894–1998) «Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений». Книгу «Сказ о Беломорье» северный писатель Ф. А. Абрамов назвал «энциклопедией народной культуры Беломорья» [Гемп 2009]. К. П. Гемп одной из первых с присущей ей научной чуткостью оценила образность, точность, емкость поморского слова: «<...> до чего слово-то вкуснейшее, и в нем какая-то добрая ирония – “вездея”», «Есть здесь и рассказ о поморском Слове. Памятна краткая поморская речь, точно, образно и остро выражающая мысль. Поэтому-то беломорское Слово – великая сила, наше национальное сокровище» [там же]. Одним из ключевых концептов поморской этнокультуры, имеющих вербализацию в поморской паремии, является концепт МОРЕ (корреляты БЕЛОЕ МОРЕ, ГАНДВИК).

Задачей данного исследования является доказательство того, что структуру единого когнитивного пространства (концептосферы) вместе с концептом МОРЕ образует совокупность

следующих когнитивных ассоциатов-составляющих, которые были определены нами в соответствии с тематическими блоками «Словаря поморских речений» К. П. Гемп: «Море наше Белое», «Воды морские», «Ветры, что над морем гуляют», «Льды беломорские», «Поморский промысел», «Погода», «Природа». В качестве дополнительного источника был использован «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» 1885 года издания; автор-составитель – Александр Подвысоцкий. Корпус данных текстов является порождением лексикографического дискурса как ментального пространства коммуникативной реальности поморов в ее диахроническом аспекте [Гусев 2010].

Когнитивным фоном лексикографического дискурса, репрезентирующего коммуникативную реальность поморов, выступают социально-исторические, культурные, географические условия существования данного субэтнуса. Рассмотрим их подробнее.

Поморы – русский субэтнос, проживающий на беломорских берегах Русского Севера и в низовьях Мезени; потомки новгородских переселенцев, ассимилировавшихся с финно-угорскими племенами. Этимологически этноним «поморы» восходит к гидрониму «Поморский берег» (название берега Белого моря в границах от р. Онеги до г. Кемь). Известно, что в период с XII по XV век Поморье было колонией Новгородской республики, выходцами откуда и было большинство русских поселенцев [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Поморы>]. В конце XIX века поморами называли занятых на рыбных и зверобойных промыслах промышленников из Архангельского, Мезенского, Онежского, Кемского и Кольского уездов Архангельской губернии, ходивших на Мурман и север Норвегии [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона]. Как исторических преемников традиционной поморской культуры, в настоящее время поморами называют население, проживающее по берегам Белого моря и в низовьях Мезени [Плюснин 2003].

Поморы издавна занимались рыболовством, торговым мореплаванием и судостроением. На парусных судах (кочах) они посещали полярные земли и острова (Колгуев, Новая Земля), впервые достигли архипелага Шпицберген (его поморское название Грумант), на восток доходили до северной Сибири, где основали город Мангазея. В XVI–XVII века выходцы из Поморья сыграли существенную роль в освоении Россией Сибири [Народы Европейской части СССР 1964: 145].

Этнограф Т. А. Берштрам отмечает: «Кроме указанных крупных этнографических групп и подгрупп, выделяются более мелкие своеобразные группы русского населения, имеющие особые названия или самоназвания. Крайний Север – побережье Белого моря – населяют поморы. Поморы – скорее географический, чем этнографический термин – и означает: 1) население берега Белого моря от р. Онеги до Кеми и 2) жителей северного морского побережья. Поморы, являющиеся потомками древних новгородских поселенцев, сходны по своей материальной и духовной культуре с остальным русским населением Севера и отличаются главным образом особенностями хозяйственного быта; издавна они слыли смелыми мореходами, охотниками на морского зверя и опытными рыбаками» [Бернштам 1978].

Жизнь помора была неразрывно связана с морем, что определялось и географическим местоположением, и прагматической составляющей – промысловой деятельностью, позволяющей добывать средства к существованию. Г. П. Гемп отмечает: «В Беломорье все – жизнь человека от начала до конца – связано с морем, живет им» [Гемп 2009]. Море для помора – аксиологическая категория и объект эстетического наблюдения.

Данные тезисы подтверждаются когнитивно-дискурсивным анализом концепта МОРЕ, позволяющим эксплицировать структуры знаний, стоящие за языковыми репрезентациями концептов, формирующих названное единое когнитивное пространство (концептосферу): одноименным концептом МОРЕ (как стихия), концептом ВОДА (как субстанция), концептом ВЕТЕР, концептом ЛЕД, концептом ПРОМЫСЕЛ, концептом ПОГОДА, концептом ПРИРОДА.

Для сопоставительной репрезентации заявленных концептов в рамках русского национального и поморского субэтнического языковых сознаний обратимся к их когнитивно-дискурсивному анализу.

На первом этапе исследования для наиболее полного представления о структуре и содержании концепта МОРЕ (коррелята БЕЛОЕ МОРЕ) в русском языковом сознании мы обратились к анализу словарных дефиниций разных видов словарей. На втором этапе был осуществлен когнитивно-дискурсивный анализ «Словаря поморских речений» К. П. Гемп для репрезентации концепта БЕЛОЕ МОРЕ в поморском субэтническом языковом сознании.

Энциклопедические словари русского языка фиксируют следующие толкования лексемы «море»:

1) часть водной оболочки земли, огромное углубление, впадина в земной поверхности, заполненная горько-соленой водой и соединенная проливом с океаном или образующая его прибрежную часть более или менее глубоко вдавшуюся в материк (концептуализируются следующие признаки: водная оболочка земли, впадина в земной поверхности, горько-соленая вода – содержимое впадины, соединено проливом с океаном или образующая прибрежную часть океана) – концептуальные признаки передают знания о фрагменте научной картины мира;

2) водная поверхность земного шара (океаны и моря) – народная картина мира;

3) (перен.) большое количество чего-нибудь (ритор.);

4) (перен.) обширное пространство чего-нибудь (поэт.). Ср.: Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали...;

5) некоторые крупные озера (напр., Каспийское, Мертвое, Онежское море – так называют озеро местные жители) – условное название;

6) некоторые заливы (Гудзонов, Мексиканский) – условно называются морем;

7) (перен.) обширное пространство чего-нибудь [Толковый словарь русского языка].

Таким образом, в словарных дефинициях концептуализируются следующие признаки: необозримое пространство, водоем, заполненность горько-соленой водой; не изолированный водоем, а соединенный с океаном.

Лексема «море» имеет общеславянскую этимологию, о чем свидетельствуют однокоренные эквиваленты в родственных языках: украинском, белорусском, польском, чешском и др. Индоевропейские языки других семей обнаруживают сходную звуковую оболочку (балтийские, латинские греческие и др. эквиваленты лексемы) [Фасмер, 1996: Т. 2, с. 653].

В народной фразеологии и верованиях море противопоставлено земле (по признакам «зыбкий – твердый», «мокрый – сухой») и небу (по признакам «глубокий – высокий», «нижний – верхний»). Морское дно осмысливается как вход в подземный мир [Словарь «Славянские древности»].

Синонимические и антонимические отношения рассматриваемой лексемы образуют лексико-фразеологический уровень (поле) концепта: в частности, синонимическое соответствие вы-

ражено переносным значением «большое количество» с помощью следующих градационных вербализаций: море, поток, прорва, пучина, бездна. Антонимические отношения лексемы «море» выстраиваются с помощью лексемы «суша».

Следовательно, в русском языковом сознании концепт МОРЕ (коррелят БЕЛОЕ МОРЕ) репрезентируется с помощью вербализаций: море, океан, вода, пространство, озеро, залив, бездна, пучина, прорва, поток. Для характеристики ядра полевой структуры концепта и анализа рефлексивного уровня русского языкового сознания приведем статистические данные ассоциативного словаря: всего реакций на стимул – 523, из них различных реакций – 187, одиночных реакций – 124, отказов – 1. Среди различных реакций наиболее популярные такие: синее – 72, Черное – 52, голубое – 18, вода – 15, волны – 13, соленое – 12, теплое – 12 [Словарь ассоциативных норм русского языка].

Таким образом, в сознании среднестатистического россиянина представления о море актуализируются посредством ассоциаций с определенным гидронимическим объектом (Черное, Балтийское, Средиземное). Лексема «море» включает в себе положительные, с точки зрения эмоционального восприятия, коннотации: «отдых», «отпуск», «радость», «релаксация».

Диахронический уровень анализа позволяет выявить такую составляющую понятийного уровня концепта, как «место промысла». Море исконно выступало в качестве рыболовного, китобойного, зверобойного, мореходного и других типов промысла. Обращение к малым фольклорным формам (паремическим жанрам) эксплицирует эмоциональный фон представлений о море как месте промысла, содержащий отрицательную оценку, объективно объясняющуюся потенциальной опасностью для моряка. (Хорошо море – с берегу. Тихо море, поколе на берегу стоишь. Жди горя с моря, беды от воды [Даль 1998: 903]). В данных паремиях концептуализируется ассоциативная связь моря и беды. В мифопоэтической традиции славян море осмысливалось как первичная и вечная природная стихия, символ безграничного пространства, отделенный от людей край земли, мифологизированный водный источник («отец всех рек, озер и ручьев»), чужой, опасный мир, граница между тем и этим светом [Славянские древности 2004: 299].

Картину деривационного поля концепта МОРЕ (коррелята БЕЛОЕ МОРЕ) дает «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова. Лексемы, входящие в словообразова-

тельное «место работы, промысла» (море, моряк, моряна, поморскому, военно-морской, воздушно-морской, помор, поморянин, море-океан, мореплавание, мореплаватель, морепродукт, мореход, мореходство, мореходный, беломор, североморец). Есть здесь и группа слов (поморье, приморье, лукоморье, взморье) несет в себе значение территории [Тихонов, 1985: 627–628]. В толковом словообразовательном словаре русского языка (автор – И. А. Ширшов) в гнезде представлены такие слова, как «мореходка» (разг. Мореходное училище), «мористый» (спец. удаленный от берегов в сторону моря).

Исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы о структуре и содержании концепта МОРЕ (корреляты БЕЛОЕ МОРЕ) в русском языковом сознании.

На понятийном уровне ядро коцептуализируется в двух значениях: «место промысла» (диахронический уровень), «место отдыха» (синхронический уровень). Приядерную зону составляют репрезентанты море, океан, вода, пространство, озеро, залив, бездна, пучина, прорва, поток (корреляты концепта МОРЕ). На образном уровне концепт МОРЕ получает объективацию через когнитивную метафору «необозримое пространство». В результате происходит метафоризация на основе вторичного концептуального признака «необозримое пространство, занимаемое морем» (море цветов, улыбок, слез и т.п.).

На ценностном уровне:

– амбивалентная эмоциональная оценка: как положительная, так и отрицательная;

– структура ассоциативного поля выстраивается с помощью вербализаций: безработное, бескрайнее, буря, бухта, вдохновение, волнистое, глубокое, голубое, грязное, зеленоватоголубое, зеленое, злое, корабли, красивое, ласковое, лохматое, нежное, опасность, отдых, пена, песок, поглощающее, прозрачное, прохлада, разное, рыба, свежесть, серое, синее, смерть, соленое, спокойное, стихия, суровое, темное, теплое, холодное, цунами, Черное, шторм, штормящее и др.

Представления поморов о¹ море в «Словаре поморских речений» К. П. Гемп вербализуются посредством следующих лексем: простор, ширь морская, волна, вода, воды, морюшко, море Белое, Морюшко, наше Белое, распрекрасное, рябь, взводни, волнышки, шторм, штормяга, батюшко, пролив [Гемп, 2004: 280–306].

Приведем анализ ассоциативных рядов, репрезентирующих парадигматические связи концепта БЕЛОЕ МОРЕ.

1. МОРЕ – ассоциатив жизни, судьбы в онтологическом смысле.

Анализ: Концептуализируется образная парадигма: море – жизнь.

1.1. Средство концептуализации – паремия: Без моря помору не жить. Структура знаний, стоящая за паремией, – presupпозиция: море для помора – источник жизни.

1.2. Средство концептуализации – оппозиция: Вся наша жизнь тут – и радости, и горяшко.

Структура знаний, стоящая за оппозицией, – концептуальный признак амбивалентности моря: обладает как созидательной, так и разрушительной энергией.

1.3. Средство концептуализации – устойчивое словосочетание: Вся наша жизнь тут.

Структура знаний, стоящая за¹ устойчивым словосочетанием, – мотив моря как локализованности существования помора: и¹ физического, и духовного.

1.4. Средство концептуализации – метафора: морем живем.

Структура знаний, стоящая за метафорой, – пропозиция: море – объективный, материальный источник средств к существованию.

2. МОРЕ – ассоциатив живого существа.

Анализ: концептуализируется антропоморфный признак: образная парадигма море – человек (друг, помощник, батюшко, кормилец, враг и т.п.), вступающего в определенные отношения с людьми:

2.1. Средство концептуализации – оппозиции: друг, помощник – вражина; затоскует, загуляет, удержу ничто не дает, своенравно оно – оно нас кормит [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за оппозициями, – концептуальный признак амбивалентности моря: море может быть как сопутствующей промыслу и мореходству средой, так и скрытой или явной опасностью для жизни помора.

2.2. Средство концептуализации – образное поле: батюшко – кормилец – друг – помощник [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за образным полем, – концептуальный признак антропоморфности моря: море осмысливается поморами как живое существо, вступающее в определенные отношения с человеком.

2.3. Средство концептуализации – лексемы с семантикой антропоморфности: дыхание его – на Земле живет – затоскует, загуляет, удержу ничто не дает – своенравно оно [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за лексемами, – концептуальный признак антропоморфности моря: море осмысливается поморами как живое существо, способное к осознанным действиям, обладающее характером.

2.4. Средство концептуализации – паремии: Морюшко и в ласке, и в сердце, Живут поморы с ним в согласии, по-семейному, Уважение ему всех жителей Беломорья [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за паремиями, – пресуппозиция: море воспринимается поморами позитивно; осмысливается как живое существо, к которому предполагается родственное, доверительное, уважительное отношение.

2.5. Средство концептуализации – устойчивые словосочетания: взвонь рыдат (рыдает – от шума и гула, производимого порывами ветра); взвонь ходит, бродит, гуляет по морю; взвонь укладывается – волнение стихает (Взвонь, звонь – сильное волнение в море, высоко вздымающиеся волны [Подвысоцкий, 1885: 18]).

Структура знаний, стоящая за паремиями, – концептуальный признак антропоморфности: море в состоянии сильного волнения осмысливается поморами как живое существо, способное к осознанным действиям, ассоциирующимся у поморов с поведением человека.

2.6. Средство концептуализации – метафора: море вздохнуло, то есть находится в полном приливе (Вздохи моря – переход от прилива морского к отливу и обратно. Отсюда: вздохнуть [Подвысоцкий, 1885: 18]).

Структура знаний, стоящая за метафорой, – концептуальный признак антропоморфности: море обладает способностью к дыхательной активности, подобно живому существу.

3. МОРЕ – ассоциатив аналога суши.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – путь.

3.1. Средство концептуализации – когнитивные метафоры: море – широкий дальний путь, путь-дорога, обратный путь, пути [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за метафорами, – мотив пути: по морю ходят, как по пути, дороге.

3.2. Средство концептуализации – паремия: испытаны все эти пути [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за паремией, – пропозиция: море как путь поморского морехода является надежным, проверенным, проложенным предками, закрепленным на поморских картах и в лоциях.

4. МОРЕ – ассоциатив бесконечного пространства.

Анализ: Концептуализируется образная парадигма море – бесконечное пространство:

4.1. Средства концептуализации – паремии: неоглядно море наше Белое, нет тебе конца-краю, Кажется море неоглядным [Гемп, 2004: 280–306], устойчивое словосочетание: простор океанский [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за паремиями и устойчивым словосочетанием, – концептуальный признак бесконечности, неохватности моря: море осмысливается поморами как безграничное пространство, которое невозможно охватить взглядом.

5. МОРЕ – ассоциатив среды обитания.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – место жизни, обитания.

5.1. Средство концептуализации – паремии: Помор с детства с морем знакомится, познает его, дружит с морем, У моря, на морских бережках поселяемся, На его морских просторах трудимся [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за паремиями, – пропозиция: естественным, а потому единственным местом обитания помора является море (морские берега).

6. МОРЕ – ассоциатив незыблемого закона, распорядка жизни, бытового уклада.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – закон.

6.1. Средства концептуализации – метафора по морю живем, паремии: У его закон твердый, человеку его не изменить, Наша Лоция – закон помору [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за метафорой и паремиями, – пресуппозиция: море неизменно определяет распорядок жизни помора; кодификатором этого закона выступает поморская Лоция – непреложный для каждого помора свод правил, от которых зависит и выживание и которым определяются ценностные ориентиры.

7. МОРЕ – ассоциатив рыболовного и зверобойного промысла как средства к существованию.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – источник существования (кормилец).

7.1. Средства концептуализации – паремии: На его морских просторах трудимся, оно нас кормит, Всех поморов кормит промыслом [Гемп, 2004: 280–306]; устойчивое словосочетание кормилец наш [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за паремиями и устойчивым словосочетанием, – пропозиция: море является источником средств к существованию, обеспечивает поморов пропитанием.

8. МОРЕ – ассоциатив природной красоты, предмет эстетического наблюдения.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – красота.

Средства концептуализации – эпитет распрекрасное; метафора: море – любование; паремии: лучше тебя нет, Морюшко – любование наше, Морюшко и в ласке, и в сердце – все нам распрекрасное [Гемп, 2004: 280–306].

Структура знаний, стоящая за средствами концептуализации, – пресуппозиция: море осмысливается поморами как аксиологема, эстетическая ценность.

9. МОРЕ – ассоциатив горя от гибели моряков; промысловиков, жизнь которых забрала морская пучина.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – горе.

9.1. Средство концептуализации – пословица: Море – горе, а без него – вдвое [Подвысоцкий, 1885: 92].

Структура знаний, стоящая за пословицей, – оппозиция: море может быть причиной гибели помора, но без него жизнь для помора невозможна (хуже смерти).

10. МОРЕ – ассоциатив коварства, скрытой опасности.

Анализ: концептуализируется образная парадигма море – коварство.

10.1. Средство концептуализации – метафора: море – измена лютая [Подвысоцкий, 1885: 92]; паремия: Морю имя дано – измена, потому на его надеяться нельзя [Подвысоцкий, 1885: 92].

Структура знаний, стоящая за метафорой и паремией, – пресуппозиция: море осмысливается поморами как символ изменчивости в силу своей амбивалентной сущности и природной стихийности, соответственно, помор должен учитывать эту особенность моря и быть к ней готовым.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. – Л., 1978. 158 с.

Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений; вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова; науч. ред. В. Н. Булатов; подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп.. – М. : Наука, 2004. 637 с.

Гусев Д. В. Анализ политической речи как концептуально-дискурсивного конструкта [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы V Общероссийской научно-практической конференции с международным участием (1 сентября – 31 октября 2010 г.) – Красноярск, 2010. – Режим доступа: <http://war.zaочно.forum24.ru/?1-15-0-00000025-000-0-0-1288116940> (дата обращения: 15.05.2017).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М., 2001. 4472 с.

Каламбет Е. В. Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.) : труды и материалы : в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань, 2006. Т. 1. С. 78–80.

Народы Европейской части СССР // Серия : Народы мира. Этнографические очерки АН СССР. – М. : Наука, 1964. Т. 1. С. 145.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. – СПб. : Изд. 2-го Отд-ния Акад. наук, 1885. 197 с.

Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. 143 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995. 529 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. : ок. 145000 слов. – М. : Русский язык, 1985. 885 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – СПб. : Азбука, 1996. 576 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : МГУ, 1977. 191 с.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона (1890–1907 гг.) [Электронный ресурс] : в 82 тт. и 4 доп. тт. – М. : Терра, 2001. 40 726 с. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html> (дата обращения: 16.08.2017).

С. С. Калинин
Кемерово, Россия

О РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПРОЦЕССА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА

АННОТАЦИЯ. *В работе рассматриваются различные подходы к моделированию процесса лингвокультурного трансфера. Рассматриваются как первичные структурные и кибернетические модели этого процесса, так и новые подходы к его моделированию, основанные на антропоцентрической парадигме языкознания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лингвокультурный трансфер, образ, концепт, структуральные модели, процесс перевода, антропоцентрическая парадигма языкознания, оязычивание мира.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Калинин Степан Сергеевич, аспирант кафедры переводоведения и лингвистики, Кемеровский государственный университет.*

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: rage_of_gods@inbox.ru

S. S. Kalinin
Kemerovo, Russia

TOWARD THE DIFFERENT APPROACHES OF MODELLING THE LINGUISTIC-CULTURAL TRANSFER PROCESS

ABSTRACT. *The aim of the article is to observe some different approaches to the analysis of the linguistic-cultural transfer process. The objects of this work are both the traditional structural and cybernetic models and the anthropocentric paradigm-based models.*

KEY WORDS: *linguistic-cultural transfer, image, concept, structural models, translation process, anthropocentric paradigm of linguistics, world wording.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinin Stepan Sergeevitch, graduate student of department of translation studies and linguistics, Kemerovo State University.*

В настоящее время процесс лингвокультурного трансфера активно изучается с различных точек зрения. Лингвокультурный трансфер начал впервые рассматриваться систематически во Франции в 80-х годах XX века как с позиций структуральной поэтики, так и с позиций традиционного литературоведения [Фещенко Бочавер 2016: 18–19]. Между тем, сам термин «трансфер» был введен гораздо ранее. Впервые этот термин появляется в работе З. Харриса о грамматике трансфера, созданной в 50-х годах XX века [Harris 1954]. Здесь данное понятие рассматривалось как заимствование информации, перенос информации из одной семантической сфере в другую. Приблизительно в то же время выходит работа У. Вейнрейха «Языковые контакты: проблемы и современные достижения» [Weinreich 1968], в которой понятие культурного трансфера вводилось в связи с изучением языковых контактов, гибридизации языков, явления билингвизма и многоязычия. Определение трансфера как процесса переноса, взаимообмена информацией прослеживается и в работах современных исследователей. Так, В. А. Маслова определяет (лингво)культурный трансфер именно как процесс взаимообмена, взаимообогащения культур различной информацией [Маслова 2017: 146–147]. При этом информация из одной культуры (будем называть ее культурой-донором) не просто заимствуется, но проникает в ту культуру, которая ее воспринимает, интерферирует с ней, в некоторой мере накладывается на нее. Культуру, которая воспринимает получаемую информацию, будем называть культурой-реципиентом.

Ряд исследователей французской культурологической школы указывает на то, что процесс (лингво)культурного трансфера никогда не протекает непосредственно из культуры-донора в культуру-реципиент [Espanne 2013]. Он всегда опосредован некоей третьей культурой, которую можно назвать культурой-посредником. Именно такая трехчастная схема, по мнению французских исследователей, наиболее адекватно передает процесс трансферизации, переноса культурной информации, (лингво)культурных констант из одной культуры в другую.

Рассмотрим на нескольких примерах, что для процесса трансфера необходимо действительно три (лингво)культуры). В работе «Культурные трансферы» под редакцией С. Г. Проскурина подробно рассматривается вопрос о происхождении латин-

ской письменности в результате заимствования одного из средиземноморских алфавитов (а именно, финикийского) через посредство греческой культуры [Культурные трансферы 2015: 6–7, 25]. Однако, в греческой культуре произошло не просто заимствование этой системы письменности, но ее адаптация согласно особенностям строя древнегреческого языка [Фридрих 2010: 127–129]. Позднее древнегреческая письменность подверглась трансферу в латинскую культуру, что представляло собой гораздо более мягкий процесс адаптации, в частности из-за близости грамматических систем этих языков [Фридрих 2010: 135, 137–138]. Кроме того, на адаптацию финикийской системы письма к древнегреческому языку влияло еще и то, что в семитских языках формообразованию традиционно подвергается трехсложный (реже двухсложный) корень посредством внутренней флексии. Помимо этого, как в древних, так и в современных семитских языках гласные звуки на письме обычно не отображаются. Это также создавало определенные сложности в процессе трансферизации финикийской письменности в древнегреческую культуру и ее адаптации к данной культуре, поскольку строение именных и глагольных основ в индоевропейских языках принципиально иное.

Аналогичным образом можно объяснить и происхождение древнегерманской рунической письменности. Как указывает И. Фридрих, истоки данного типа письменности следует искать в одном из италийских алфавитов [Фридрих 2010: 142–143]. Возможно, процесс трансфера данного типа письменности протекал через этрусский либо через какой-то иной италийский алфавит, что можно видеть из графемного отображения структуры слова в лингвокультурах – возможных донорах и лингвокультуре-реципиенте. Несмотря на то что письменных памятников италийских языков сохранилось не очень большое количество, можно уже сейчас сказать о том, что данные языки принадлежали к индоевропейской группе языков. Именно этот фактор облегчал трансфер и адаптацию италийской письменности к древнегерманским языкам (возможно даже, к общегерманскому языку-основе). Интересно, что после процесса трансферизации в древнегерманские языки полученная алфавитная система (Старший Футарк) обладала в основном магической и религиозной функциями в отличие от алфавитных систем лингвокультур-доноров, где, судя по сохранившимся письменным памятникам, присутствовали также и бытовая, и посвятельная функция надписей.

Теперь рассмотрим процесс лингвокультурного трансфера применительно к семиотической системе языка. Материалом для данного анализа будут служить концептуальные единицы (образы) ряда литературных произведений Средневековья и Нового Времени. В данном случае образы, согласно данным В. В. Колесова [Колесов Пименова 2011: 39], мы можем считать когнитивными и концептуальными единицами. Именно данные единицы литературного произведения подвергаются процессу трансферизации.

В процессе трансферизации именно семантическая структура образа как концептуальной единицы подвергается преобразованиям. Семы, определяющие те или иные признаки образа, могут как актуализироваться (семиотическое усиление признака), так и наоборот, ослабляться и элиминироваться (семиотическое ослабление признака по С. Г. Проскурину [Культурные трансферы... 2015: 18–19]). В семантической структуре экспликации того или иного образа могут появляться дополнительные признаки, которых данный образ не содержал в исходной лингвокультуре. Тем самым семантическая структура образа трансформируется в процессе трансфера, адаптируясь под условия лингвокультурной среды культуры-реципиента. В этом проявляется эколингвистический аспект процесса трансфера.

На примере трансфера известных из «Старшей Эдды» образов Сигдривы / Брюнхильд и Гудрун – героинь сигурдовского цикла – в германо-немецкую средневековую культуру (а именно, в «Песнь о Нибелунгах» (*das Nibelungenlied*)) рассмотрим, как проявляются принципы семиотического усиления и семиотического ослабления признаков на конкретном языковом материале. Согласно данным М. И. Стеблина-Каменского [Стеблин-Каменский 1979: 52–53, 2013: 147–152], сигурдовский цикл, в образной системе которого присутствуют образы двух вышеупомянутых героинь, возник в первые века нашей эры где-то на территории Скандинавии (возможно, в южной части полуострова). Позднее, согласно его же анализу, он был заимствован южногерманскими племенами, в том числе предками носителей средневековой германо-немецкой культуры. Несмотря на языковую близость между данными народами, женский образ в их лингвокультурах принципиально различается по своей семантике. В скандинавской (а именно, в древнеисландской) лингвокультуре-доноре анализируемые женские об-

разы в своей семантической структуре имеют в качестве одного из наиболее актуализированных компонентов сему «сверхъестественное существо / существо с магическими способностями». Это явно отражается и на особенностях сюжетологии анализируемых произведений: в сигурдовском цикле героини представлены как женские полубожества – валькирии, в то время как в «Песни о Нибелунгах» они рассматриваются уже как обычные женщины, не наделенные сверхъестественными способностями. Правда, героини как первого, так и второго литературных произведений связаны с семантикой военной сферы, что явно отображается уже на уровне их имен: компонент двн. *hiltia* / дисл. *hildir* в структуре имени героинь «Песни о Нибелунгах» Брунгильды и Кримхильды можно перевести как «битва». Вообще, следует заметить тот интересный факт, что, по сведениям М. М. Маковского [Маковский 2004: 145], некоторые номинации женских образов в индоевропейских культурах имели отношение к сфере войны и военных действий. К. Джонс-Блэй указывает на то, что согласно ряду археологических и мифологических данных женщины древних индоевропейцев принимали непосредственное участие в битве [Джонс-Блэй 1997: 69]. Они могли идти перед войском и своими воинственными кличами возбуждать «боевой экстаз» в воинах (отсюда, вероятно, и появился образ валькирии, известный из древнегерманской мифологии). С таким образом древней праиндоевропейской женщины сопоставим образ «диких жен» из одного древнеанглийского заговора, приводимого Т. В. Топоровой [Топорова 1996: 127–128].

Вернемся к разговору о процессе культурного трансфера. Его можно представить в виде перекодирования, своеобразного аналога перевода из одной кодовой системы в другую. Как упоминает об этом М. Ю. Лотман [Лотман 1995: 218–219], этот процесс является процессом перевода с одного «семиотического языка» на другой. При этом исходная и итоговая кодовые системы не являются полностью изоморфными, даже если перевод осуществляется внутри одной языковой системы, внутри одной лингвокультуры (например, из одного типа модальности в другую, из одного типа семиотической системы в другую). В частности, это касается процесса «перекодирования» произведений словесного творчества на другие «семиотические языки» – язык живописи, скульптуры, музыки, театра и т.д. в частности, процесс адаптации художественного произ-

ведения на языки других семиотических систем также можно считать аналогом перевода и, соответственно, процессом трансфера¹.

Таким образом, исторически первые модели культурного трансфера были построены в рамках структурального взгляда на язык. Эти модели восходили к кибернетическим моделям передачи информации К. Шеннона и У. Уивера, были линейными по своей структуре: это означает, что в них был один входной канал, один канал передающий и один выходной канал. Такие модели трансфера можно сопоставить с известной схемой Р. О. Якобсона [Якобсон 1975: 198], в которой имеется передаваемое сообщение, адресант и адресат.

Графически такую линейную кибернетическую модель можно представить в виде схемы 1.

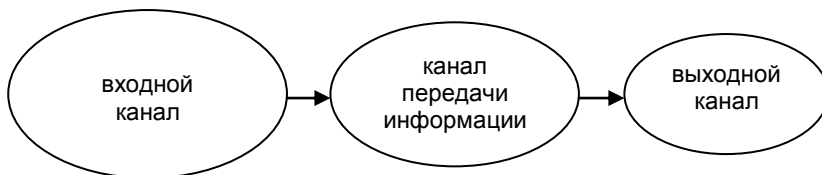

Схема 1

Со времени становления антропоцентрической парадигмы в языкознании становится необходимым и создание антропоцентрической модели лингвокультурного трансфера. Это исходит не только из очевидного факта о взаимосвязи языка и культуры, но и из тезиса о том, что в центр такой модели необходимо поставить человека говорящего. Также необходимо учитывать двойственную материально-идеальную природу языка: язык существует не только как особая метафизическая реальность, в которую индивид проникает, «погружается» по мере ее освоения, но и как социальный факт, основная функция которого в таком аспекте – освещение коммуникации между членами общества. Необходимо также заметить тот факт, что при помощи языка осуществляется «ословливание», «озыачивание» мира [Weisgerber 2004: 171–172], его воссоздание посредством слова. Таким образом язык как метафизическая реальность творит мир в себе самом и затем, через

¹ Вопрос о взаимосвязи процесса перевода и процесса лингвокультурного трансфера освещен в работе Ю. Найды [Nida 1964].

индивида-его носителя, начинает самоподдерживающийся процесс воссоздания мира через язык. Графически это может быть представлено в виде схемы 2.

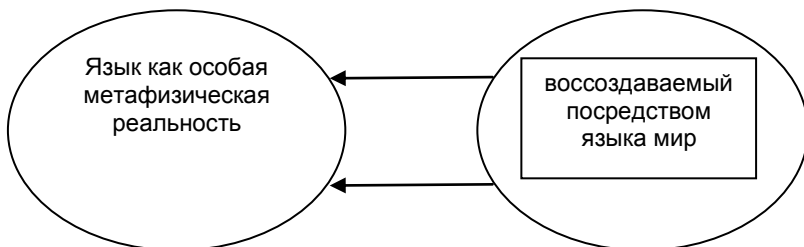

Схема 2

Таким образом, из анализа этой схемы мы можем видеть, что процесс воссоздания мира посредством языка является аутопозным процессом, то есть процессом самосозидания, самоподдерживания создаваемой системы.

Процесс лингвокультурного трансфера также можно считать аутопозным процессом, поскольку при нем происходит воссоздание лингвокультурных констант одной лингвокультуры в другой лингвокультуре посредством слова. Особенно ярко это проявляется в процессе перевода, передачи произведений с одного языка на другой. Так, в частности, при переводе произведений немецкого средневекового миннезанга (мы рассматриваем ранний и классический миннезанг) на современный русский язык средствами современного русского языка передаются лингвокультурные константы (концепты) куртуазного направления средневековой литературы, существовавшие в средневехненемецкий период истории немецкого языка. При этом содержание уже существующих концептов (например, концепт ЛЮБОВЬ, концепта ЖЕНЩИНА) дополняется новой лингвокультурной информацией, в некоторых случаях «переписывается», таким образом, эти лингвокультурные константы находятся в постоянной динамике, постоянном развитии и эволюции. Содержание данных концептов русской лингвокультуры при трансфере соответствующих средневехненемецких концептов также дополняется новыми признаками, которых до этого не было в русской лингвокультуре. Так происходил трансфер концептов средневековой куртуазной культуры в русскую лингвокультуру.

Подобным же образом в саму германо-немецкую культуру были заимствованы концепты куртуазной лингвокультуры провансальского происхождения. Лингвокультурой-посредником в данном случае послужила старофранцузская лингвокультура. При этом для германских лингвокультур данная система концептов ранее не была характерна, поэтому новая семантика была органично включена в старую концептосферу германских языков. Так, например, лексема *frouwa / frouwe*, восходящая к общегерманскому корню со значением «первая / первый, господин / госпожа» (ср. с именем женского божества Фрея германо-скандинавской мифологии) позднее стала применяться в поэзии миннезанга для обозначения возлюбленной главного героя. Лексема *mine / minna*, имевшая в древневерхне-немецкой период развития языка значение «воспоминание», «память», под влиянием старофранцузской куртуазной лингвокультуры получила значение «любовь». Аналогичным образом изменилось и значение лексемы *liebe* (первоначально – «радость»), репрезентирующей концепт ЛЮБОВЬ в германо-немецкой средневековой культуре.

Итак, мы рассмотрели различные подходы к моделированию процесса лингвокультурного трансфера, показали ранее использовавшиеся модели, основанные на идеях и принципах структуральной лингвистики. Была отмечена также необходимость создания новых моделей лингвокультурного трансфера, основанных на антропоцентрической парадигме языкознания, что послужит дальнейшим исследованиям как самого рассматриваемого процесса, так и изучению человека говорящего, человека в языке.

ЛИТЕРАТУРА

Джонс-Блэй К. Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. – СПб.: «Нестор», 1997. С. 67–72.

Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. – Изд. 3-е, доп.; Серия: Концептуальные исследования. Вып. 14. – СПб.: СПбГУ, 2011. 136 с.

Культурные трансферы: проблемы кодов: коллективная монография / под ред. С. Г. Проскурина. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 224 с.

Лотман М. Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (статья первая) // Лотмановский сборник. Вып. 1. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 214–222.

Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. – М.: Азбуковник, 2004. 632 с.

Маслова В. А. Трансфер: от слова и термина к новому мировоззрению // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXII (69) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов : в 2 томах. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. С. 146–148.

Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. – М. : Высшая школа, 1979. 192 с.

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. – Изд. 2-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 248 с.

Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. – М. : Эдиториал УРСС, 1996. 216 с.

Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии : коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. – М. : Культурная революция, 2016. С. 5–34.

Фридрих И. История письма. – Изд. 4-е. Пер. с нем., под ред., с предисл. и комм. И. М. Дьяконова. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 464 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.

Espagne M. La notion de transfert culturel [Electronic resource]. // Revue Sciences/Lettres. – 2013. № 1. – Mode of access: <http://rsl.revues.org/219>.

Harris Z. Transfer Grammar // International Journal of American Linguistics. – 1954. Vol. 20. № 4. Pp. 259–270.

Nida E. A. Toward a science of translating with special reference to principles and procedures involved in Bible translating. – Leiden : E. J. Brill, 1964. 335 pp.

Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. – The Hague – New York – Paris : Mouton Publisher, 1968. 160 pp.

Weisgerber J. L. Das Wort in der Welt // Л. А. Шарикова. Лингвистическая концепция Лео Вайсгербера. – Изд. 2-е. – Кемерово : Графика, 2004. С. 162–183.

В. В. Катермина

Краснодар, Россия

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В АНГЛИЙСКОЙ НЕОЛОГИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме определения ценностных аспектов исследования гастрономического дискурса как одной из форм коммуникации, представляющего систему доминант на основе анализа английских неологизмов. Наиболее ярко в языке представлены изменения, происходящие в общественной жизни на лексическом уровне, что приводит к созданию новых наименований. Подчеркивается важность рассмотрения языковых изменений в тесной связи с преобразованиями в обществе, особенностями менталитета и психологических установок современного человека.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *гастрономический дискурс, ценность, неология, язык, культура.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет.*

Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

E-mail: katermina_v@mail.ru.

V. V. Katermina

Krasnodar, Russia

GASTRONOMIC PICTURE OF THE WORLD IN ENGLISH NEOLOGY: LINGUOCULTURAL ASPECT

ABSTRACT. *The article deals with the problem of determining the axiological aspects of gastronomic discourse as one of the forms of communication based on the analysis of English neologisms. Gastronomic discourse is considered here as the system of dominants. The most vividly represented in the language are the changes occurring in public life at the lexical level which leads to the creation of new nominations. The importance of examination of linguistic changes in a close connection with the changes in a society, peculiarities of a mentality and psychological aims of a contemporary person is considered to be the basic idea.*

KEY WORDS: *gastronomic discourse, value, neology, language, culture.*

ABOUT THE AUTHOR: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar.*

Развитие языка протекает под знаком его постоянного совершенствования и обогащения функциональных возможностей, что особенно интенсивно и наглядно реализуется на лексическом уровне в постоянном двуедином процессе архаизации – обновлении лексики языка.

Ярким свидетельством динамики языка является процесс возникновения новых слов, движимый переменами в объективной действительности, так как общество всегда стремится найти средства для номинации новых реалий.

При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности. С одной стороны, происходит опредмечивание человеком объективного мира, связанного со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания. А с другой стороны – обозначение нового предмета через несущественные, второстепенные признаки другого предмета, отраженные в его наименовании [Катермина 2017].

Образование новых слов, появление новых значений обусловлено неустанной креативной работой человеческого сознания, бесконечным познавательным процессом, детерминированным предметно-практической и интеллектуальной деятельностью человека. Появление неологизмов знаменует собой важный этап в постижении объективной реальности, представляя вершину процесса обновления когнитивно-дискурсивного потенциала языка, важный этап дискурсивного освоения номинируемых предметов и явлений действительности, их признаков, важных для жизнедеятельности человека. Возникновение новых номинаций является своеобразным ответом на социальный запрос, результатом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности.

Гастрономическая лингвокультура представляет собой один из объемных и перспективных объектов исследования в современной лингвистике. В современную эпоху глобализации перед каждым этнокультурным сообществом стоит проблема сохранения национальной идентичности наряду с потребностью в лучшем понимании особенностей других этносов. Национальные гастрономические предпочтения сохраняют свою специфику и отражаются в культуре и языке. Ценностная картина мира строится в каждой лингвокультуре на основе концептуальной картины мира, которая актуализируется в языке народа. Первичной и основной областью появления и существования ценностей культуры является быт, в ядре которого как витально значимый феномен находится гастрономия, рассматриваемая как комплекс процессов добывания, приготовления и потребления продуктов питания [Чередникова 2013]. Ситуация потребления пищи национально обусловлена, отражает этнические, культурные, социально-религиозные особенности народов.

По мнению исследователей, сфера «пища» – есть не что иное, как «1) когнитивная система, представляющая собой конгломерат ценностных и культурных доминант, связанных между собой общей идеей глуттонии, то есть потребления и поддержания жизни Homo Connsummatus – Человека Потребляющего; 2) особая знаковая система, состоящая из достаточно четко иерархизованных знаков, имеющих свою особую лингвистическую интерпретацию» [Олянич 2004: 168].

Е. Добренко употребляет термин «кулинарная картина мира» [Добренко 2009 [www](#)], который трактуется следующим образом: концептуальная модель гастрономических пристрастий и глуттонических приоритетов, отражающаяся в специфике национальной номинации продуктов питания.

Гастрономический дискурс имеет знаковую природу и связан с семиотическими категориями кода, кодирования, декодирования. Пища семиотична по своему происхождению и является культурным кодом [Chandler [www](#)]. На связь пищевого знака, кода и этнокультуры прямо указывает М. Дворак: «Cultural ethnicity in terms of this key marker – food displays itself through the socio-political nature of food semiotics (food codes)» [Dvorak 1996: 15]. Ей вторит итальянская исследовательница С. Стано: «Food is not only a substance for survival and nourishment, but it is also part of a sign system as it is strictly involved in processes of signifi-

cation and interpretation. Specifically, it can be conceived as a language (code) expressing social structures and cultural systems» [Stano 2014: 21].

Тесное взаимодействие семиотики, кодированной коммуникации и гастрономии отмечается также в работах Л. Цивителло [Civitello 2008]; на лингвосемиотических основаниях, предполагающих «декодирование» культурных смыслов, связанных с питанием, построен совместный труд культурологов и антропологов «Encyclopedia of Food and Culture» [Solomon 2003].

Ролевая структура гастрономии значительно расширяется в связи с ценностной ориентацией общества на развитие эстетики кулинарной среды. Субъекты гастрономии оказываются носителями выработанных человечеством культурных ценностей в области потребления еды, связанных с формированием образа потребляемой пищи, способов ее потребления и формированием категории вкуса. Формирование ценностей происходит в социализированной среде (кухня, кафе, ресторан, бар, паб, закусочная) и вовлекает в коммуникативную среду повара как дизайнера, повара как конструктора и изобретателя нового кушанья, сомелье как знатока вин и их сочетания с видами еды, бармена как конструктора смешанных напитков (коктейлей) и как профессионального актера, виртуозно жонглирующего бутылками, бокалами и шейкером для смешивания напитков [Головницкая 2007].

В данной статье в общем виде рассматривается проблема определения места гастрономической лексики в системе языка, выявления связей между языковой картиной мира и гастрономическими объектами, прежде всего, на уровне номинативного фонда английского языка, основываясь на таком языковом материале, как гастрономические неологизмы, взятые из электронных словарей (Wordspy, Macmillan Buzzword Dictionary, Urban Dictionary, Cambridge Dictionaries Online Blog).

Номинации человека в гастрономическом дискурсе – это номинации гурманов с их предпочтениями:

gastrocrat – a wealthy foodie – богатый гурман;

haloodie – a foodie who only eats halal food – гурман, употребляющий только халальную пищу.

Номинации людей, ведущих особый образ жизни и употребления пищи:

vegivore – someone who particularly loves eating vegetables but is not vegetarian or vegan – человек, особо любящий потребление овощей, но не являющийся вегетарианцем или веганом;

reducetarian – someone who is making a determined effort to eat less meat (and often other animal-derived products) – человек, пытающийся употреблять меньше мяса и других мясных продуктов;

demitarian – someone who restricts by half or to a marked degree, the amount of meat and animal products that they consume, usually in order to reduce the environmental impact of their diet – человек, потребляющий определенное количество мяса и животных продуктов, для того чтобы уменьшить влияние данной диеты на окружающую среду.

Номинации людей, придерживающихся особой диеты:

gluten-freeegan – a person who consumes a gluten-free, vegan diet – человек, придерживающийся веганской диеты).

Номинации людей, употребляющих «особую» еду:

climatarian – one that excludes food transported a long way or meat whose production gives rise to CO₂ emissions – человек, исключающих из рациона пищу, которую транспортировали долгое время или мясо, производство которого влияет на выделение диоксида углерода.

Интересным случаем является единица *breakfastarian* – someone who has the practice of eating breakfast foods at any meal and not merely the morning meal – человек, употребляющий исключительно еду, предназначенную на завтрак. Образованная по аналогии с неологизмами *climatarian* [*climate* + *vegetarian*], *demitarian* [*demi* + *vegetarian*] и *reducetarian* [*reduce* + *vegetarian*], данная лексема дает старт новым понятиям, в которых подчеркивается важность завтрака.

Отметим профессии, связанные с гастрономическим дискурсом:

mixologist – a bartender who is very good at creating new drinks – бармен высокого класса; мастер составлять коктейли;

wine detective – someone whose job is to prove that wine is counterfeit – «винный» детектив – человек, чья работа заключается в том, чтобы доказать, что вино поддельно.

Виды еды в анализируемых английских неологизмах представляют собой следующие разновидности:

– «неправильная, нездоровая еда»:

dirty food – extremely calorific food with no nutritional value; junk food;

mobile food – prepared food sold from a truck on the street;

- еда, связанная с нанотехнологиями:
nanofood – food containing nanoparticles of silver to prevent spoilage and prolong shelf life;
- сирт-продукты:
sirtfood – a food that is high in sirtuins (a class of protein) and thought to be beneficial to weight loss;
- еда с повышенным содержанием сахара и соли:
hyperpalatable food – food with heightened levels of sugar and salt, intended to be extremely appealing;
- еда для мужчин:
dude food – food preferred by men (еда, которую предпочитают мужчины).

Обычно к данному виду еды относят фастфуд (гамбургеры, хотдоги, стейки). Данный неологизм берет начало из кулинарной книги Дэна Черчилля, выпущенной в 2015 году (*Dan Churchill DudeFood*). Его целью было вызывать у мужчин желание готовить. В его книге нет акцента на гамбургеры и хотдоги, но, тем не менее, именно этот бестселлер сыграл роль для активного употребления этого неологизма, который закрепился в сознании носителей языка в 2016 году.

Также следует отметить и следующую коннотацию неологизма – *testosterone-driven gluttony* («обжорство тестеронов»), что можно интерпретировать как «изобилие чего-либо».

Еда как основной компонент гастрономического дискурса выражена единицами, обозначающими мясные, рыбные, овощные и мучные блюда:

- rice'n'three – a meal consisting of rice with three types of curry;*
- hamdog – a hamburger and a hotdog together in a specially designed bun;*
- poke – a salad made with raw fish,*

Преобладание неологизмов, обозначающих хлебные и мучные изделия, показывает тенденции, существующие в сознании человека. С одной стороны – стремление к здоровой пище и здоровому образу жизни, что отражено в огромном количестве подобных гастрономических неологизмов, с другой – любовь к сладким и вкусным изделиям:

- bread pakora – a fried snack of bread slices;*
- bannock – a round flat loaf or biscuit made from oats;*
- cruffin – a kind of small cake that is shaped like a muffin but made of pastry layers like a croissant;*
- piecaken – a pie baked inside a cake;*

cheela – a savory pancake made from gram flour, vegetables and spices;

croloaf – a croissant loaf – a loaf made from croissant pastry.

Интересным, на наш взгляд, представляются неологизмы *meat fruit* и *salad cake*. Их названия – игра слов, оксюморон, направленный на привлечение внимания.

Мясной фрукт – это мясное блюдо, приготовленное таким образом, чтобы выглядеть как часть фрукта: *meat fruit* – a meat dish that is constructed to resemble a piece of fruit.

Салатный торт похож на сладкий торт, но на самом деле он сделан из сои и овощей: *salad cake* – a food that is designed to look like a sweet cake but is actually made of savoury ingredients such as soy and vegetables.

Также заслуживает отдельного внимания и лексема *демократия плюс сосиски*: *democracy sausage* – a sausage cooked on a barbecue and served on bread, sold at polling booths on election day in Australia, обладающая дополнительной «политической» коннотацией. Оно используется для обозначения приготовленных на гриле сосисок, которыми угощают избирателей, пришедших на участки для голосования. Именно эта единица стала словом 2016 года в Австралии и удостоится отдельной словарной статьи и пополнит справочник, в котором уже более 16 тысяч исключительно австралийских обозначений.

Среди гастрономических английских неологизмов можно выделить и единицы, обозначающие напитки: спиртные и безалкогольные.

К первым относятся *мартини* (*dirty martini* – a martini with added olive brine or juice and garnished with an olive), *алкогольный коктейль* (*old-fashioned* – a cocktail made of whiskey or another spirit, sugar or syrup, bitters, ice, and decorated with a slice of orange and a cherry), *винный алкогольный напиток* (*frosé* – a type of alcoholic drink made of frozen rosé wine mixed with sugar, lemon juice and sometimes other alcoholic drinks).

Безалкогольные напитки – это *молочные коктейли* (*freakshake* – a milkshake made with ice cream and other sweet foods including cream, chocolate and cake), *вода из запеченной фасоли, используемая как белок в веганской кухне* (*aquafaba* – the water from cooked beans, used as an egg white substitute in vegan cuisine), вид *чая*, который подают при комнатной температуре, обычно во время еды (*ambient tea* – a type of tea served at room temperature, usually with food), *золотое молоко* –

напиток, приготовленный из кокосового молока и куркумы (golden milk – a type of drink made with coconut milk, turmeric and sometimes other ingredients).

Учет культурологической и этноспецифической информации, выявление ассоциативных связей высказываний и их семиотического наполнения с этнолингвокультурными установлениями разных этносоциумов позволяют дать адекватное описание гастрономической картины мира носителей языка и соответствующей этнокультуры, иными словами, успешно декодировать информацию, полученную в результате гастрономического дискурсозавертывания [Олянич, Никишкова 2014: 78].

Национальная кухня отражает экосистему, в которой сформировался этнос, и в тесной связи с которой формируются национальные традиции питания.

Так, например, *китайский суп с клецками* состоит из небольшого шарика из теста, наполненного супом: *soup dumpling – a Chinese dish consisting of a small ball of dough filled with soup.*

Традиционное корейское блюдо – *кимчи* – приготовлено из приправленных квашеных овощей (капусты наппы, корейской редиски, а также чили, зеленого лука, чеснока и имбиря): *kimchi – a traditional Korean dish made of seasoned fermented vegetables.*

Южная Африка представлена в английской неологии блюдом *bunny chow* – a South African dish of curry served in a hollowed out loaf – блюдо из кэрри, завернутое в полую булку.

Ближнему Востоку англичане обязаны сладостям – именно так переводится слово *knafeh*. Это блюдо состоит из слоев теста и мягкого сыра в сахарном сиропе (*a dish, originally from the Middle East, consisting of layers of pastry and soft cheese, soaked in sugar syrup*).

Десерт из Японии – это полупрозрачный *пирог дождевая капля*, состоящий из минеральной воды и особого желатина: *raindrop cake – a translucent Japanese dessert made from mineral water and a type of gelatin.*

Япония также представлена зеленым чаем, популярным среди поклонников здорового образа жизни: *matcha* – a type of Japanese green tea, popular with health food enthusiasts.

Пища влияет на формирование идентичности человека – на ее телесные, национальные, коммуникативные, моральные характеристики. Современной культуре за счет предлагаемого человеку образа пищи (в рекламе, СМИ) обеспечивается опре-

деленная прогнозируемость его идентичности, ценностно-поведенческой ориентации.

Диета – важная составляющая гастрономического дискурса. Часть английских неологизмов, номинирующих виды диеты, описывают диету «палеолита» и ее разновидности:

Paleo diet (also Paleolithic diet; Paleo) – a diet that is based on what people were thought to eat during the Stone Age before the development of agriculture.

Ancestral health – diet based on the presumed diet of our Palaeolithic ancestors.

Ее основу составляет еда, которую, как считалось, употребляли в пищу люди в каменном веке.

Ключевые компоненты данных единиц *paleolithic – of or relating to the second period of the Stone Age (относящийся ко второму периоду каменного века)* и *ancestral – of or belonging to or inherited from an ancestor (принадлежащий или унаследованный от предков)*.

Pegan diet – a diet that is a vegan variation of the Paleo diet, which is based on foods available to our ancient ancestors, such as nuts, berries, eggs and meat

Данный вид диеты считается видом диеты палеолита и включает в себя орехи, ягоды, яйца и мясо.

Новая тенденция здорового питания отражена в неологизме *clean eating* (здоровое питание, чистое питание, осознанное питание) – *the dietary practice of avoiding processed, refined foods and eating fresh wholefoods.*

Имея своих сторонников и противников, данная диета существует в современном мире и вызывает множество споров на просторах Интернета.

Еще одним источником здорового питания является *кетогенная диета: ketogenic diet – a diet that aims at a high production of ketones (=substances that are produced when the body breaks down fat) in the body. It consists of a 4:1 ratio of fats to proteins and carbohydrates and is thought to control a number of serious illnesses.*

Согласно многочисленным исследованиям и экспериментам, данный вид диеты – один из самых хорошо изученных учеными систем питания.

Циклическое голодание (intermittent fasting) также считается системой питания (*intermittent fasting – eating nothing on some days and as normal on others, especially as an aid to weight loss*). Ее основные положения: голод 16 часов; трени-

ровка на голодный желудок, предварительно приняв ВСАА; по окончании тренировки 2–3 приема пищи, на протяжении 7–8 часов; повторять каждый день; особых ограничений в пище нет, есть можно что угодно, если это не противоречит вашей диете; результат сравним с безуглеводкой и ежедневными пробежками не менее часа [<https://fotopoisik.com.ua/blogi/blogi-modelei/o-sisteme-pitaniia-leangains-intermittent-fasting>].

В основе буддистской диеты лежит следующий план питания: необходимость приема пищи только в течение девятичасового периода каждый день для потери веса: *buddha diet – a type of eating plan in which someone eats only during a nine-hour period each day and not at any other time, in order to lose body weight*.

Еще один вид диеты – так называемая *диета 5:2* – диета интервального голодания. В отличие от более строгих диет она не требует ни полного воздержания от еды с утра и до самого ужина, ни строгого контроля состава пищи, ни – что особенно важно для тех, у кого душа не лежит к фитнесу, – сколько-нибудь серьезных тренировок (*the 5:2 diet – a modified and less extreme form of alternate day fasting, in which the dieter fasts on two days of the week and eats normally on the other five*).

Система питания IIFYM (если соответствуем вашим макросам) – *a type of a diet (often favoured by sportspeople) that allows people to eat what they want as long as their diet contains the right number of calories and macronutrients* – была придумана соревнующимися бодибилдерами. Позже IIFYM стала системой питания для многих фитнесистов, желающих всегда оставаться в прекрасной форме. Суть этой фактически философии питания сводится к тому, что можно худеть легко и вкусно, не отказываясь от любимой еды.

Чтобы придерживаться IIFYM, необходимо точно знать свою калорийность, а также потребности организма в белках, углеводах, жирах (макросах). Чтобы достигать своих фитнес-целей (набрать мышечную массу или сжечь жир), нужно знать калорийность, а также состав всей съедаемой пищи

Век новых технологий привел не только к доминированию в английском языке такого способа словообразования, как блендинг, но и сочетания кухонных принадлежностей или процессов в одном едином целом.

Так, неологизм *spork [spoon + fork]* – *a type of cutlery that has the properties of both a spoon and a fork* – обозначает столовый прибор, объединяющий в себе и ложку и вилку,

spoonula [*spoon + spatula*]– a cooking implement that is a combination of a spoon and a spatula – соединяет ложку и лопаточку (шпатель).

Кухонный процессор – (кухонный процессор – *cook processor* – a piece of kitchen equipment that both processes (e.g. by chopping or kneading) and cooks food) – дает возможность как обрабатывать, так и приготавливать пищу.

Следующий прибор – терка-шинковка – не обладает многофункциональной возможностью, но он позволяет нарезать овощи длинными спиральными лентами: *spiralizer* – a piece of kitchen equipment for cutting vegetables into long winding ribbons.

Среди неологизмов, входящих в гастрономический дискурс, можно также выделить место – супермаркет, кафе, вечеринка, даже письменный стол, за которым можно позавтракать.

Так, английский неологизм *social supermarket* обозначает магазин, рассчитанный на людей с низким социальным положением (*social supermarket* – a supermarket intended for people living in poverty where cut-price food is sold. The food is cheap because it has damaged packaging or incorrect labeling).

Britain's first 'social supermarket' opens its doors on Monday, offering shoppers on the verge of food poverty the chance to buy food and drink for up to 70 percent less than normal high-street prices [www.theguardian.com 09 December 2013].

Данную единицу можно отнести к разряду политкорректной лексики. Политкорректные слова и выражения, пришедшие на смену традиционным, отличаются «нейтральностью и смягченностью, они максимально свободны от негативных оттенков значения. Применение подобных языковых единиц в процессе коммуникации базируется на принципе вежливости и желании обеспечить эффективное взаимодействие между участниками коммуникативного акта, что также является основным побуждающим мотивом при эвфемизации языковой действительности» [Герасименко 2013: 20]. Политкорректная лексика обязательно затрагивает противоположные характеристики общей картины мира, поскольку она фокусируется на отношении людей к тому, что по общепризнанному мнению считается «положительным», то есть приемлемым, а что «отрицательным».

На наш взгляд, это способствует более глубокому осмыслению тех затруднительных, а порой и вовсе негативных ситуаций, с которыми мы ежедневно сталкиваемся сегодня. Более

того, некоторые сторонники политкорректности полагают, что употребление подобной лексики в некоторой степени даже помогает сглаживать различия и противоречия в обществе

Интересным представляется номинация кафе – *кафе кошек* (cat cafe – a cafe in which there are cats that the customers can pet as they enjoy their coffee, etc.) – кафе, в котором есть кошки, которыми посетители могут наслаждаться, а также пить кофе.

Кафе смерти (death café – a social gathering where people eat, drink, and discuss death) – место, где люди пьют, едят и обсуждают вопросы, касающиеся смерти.

Феномен *death cafe* возник в Европе в 1999 году по инициативе швейцарского социолога Бернарда Креттаза (Bernard Crettaz), который начал проводить публичные дискуссии на тему смерти в рамках кафе, полагая, что разговоры о смерти позволяют человеку лучше жить. Сейчас во всем мире существует около сотни Death cafe.

Вечеринка, на которой основным продуктом является пицца, получила название *вечеринка пиццы*: *pizza party – a party where pizza is served*.

Новым видом досуга можно назвать *food rave* (**food rave – a very large party where people eat, sell or share many different types of food, usually held outside or in a large public building**).

Название произошло от английского слова *rave* – *вечеринка*, используемое в 1960-х годах, и *food* – еда. Дословно можно перевести как *гурманская вечеринка*. Развлечение появилось в Европе и с каждым годом становится все популярнее во всех уголках Земли.

Смысл фуд рэйва в следующем: несколько команд собираются в одном помещении, оборудованном под кухню. У каждой имеется одинаковый набор продуктов и ограниченное количество времени. Помогает и подсказывает командам опытный шеф-повар.

Во время вечера, как правило, очень весело и часто рождаются настоящие кулинарные шедевры. В конце общим голосованием (на это зрелище обычно приходит много зрителей) определяется команда-победитель, и все пробуют приготовленные блюда. В завершении всех угощают блюдом от шеф-повара [<http://www.taynavkusa.ru/news/foodrave>].

Отдельно стоит выделить неологизм *food swamp* – *an area that has an abundance of fast food restaurants and other low-nutrition food options* – *болото еды*, обозначающее большую

площадь, на которой расположены рестораны фастфуда, а также *deskfast – breakfast eaten at one's desk at work* – завтрак, который съедается за рабочим столом.

Появление подобных неологизмов – отражение тенденций, существующих в англоязычном мире.

Идея о том, что прием пищи связан с нашей социализацией в обществе, совсем не нова. С древних времен большое значение имело участие в пиршестве или получение приглашения на званый ужин в компании высокопоставленного лица. Даже то, что вы едите, определяет ваш статус. В век социальных сетей очевидно, что еда должна быть не только вкусна, но и красиво подана, приготовлена в одном из лучших ресторанов, о чем будет свидетельствовать геолокация под вашим фото из заведения. Сегодня совместная трапеза стала еще и способом заводить новые знакомства, в том числе и романтические [https://formulalubvi.com/zhizn/a-vyi-uzhe-slyishali-pro-social-eating/].

Люди по всему миру устраивают ужины у себя дома и через социальные сети и специализированные сайты приглашают к себе незнакомцев – *social eating* – a practice that involves filming yourself while you eat and posting or streaming it on a social media website.

Еще одна единица – *селфи приема пищи (foodfie – a picture of what one eats, shared online; a blend of food and selfie)* — относится к теме влияния социальных сетей на гастрономический дискурс.

Тема налогов в гастрономическом дискурсе также получила свое развитие. Налоги платят не только супермаркеты (*tesco tax – a tax on large supermarkets*), но и «нездоровые» продукты питания (*hamburger tax – a tax on unhealthy food*).

Наука и технология также внесли свой вклад в образование гастрономических неологизмов.

Так, генетическая форма риса с улучшенным содержанием витамина А получила название *золотого риса: golden rice – a genetically engineered form of rice with enhanced levels of vitamin A*.

Вид съедобной упаковки еды называется *WikiCell – a type of edible food packaging*, а автобус, функционирующий при помощи биометана, основанного на переработке пищевых отходов, – это *биоавтобус (bio-bus – a bus that runs on biomethane gas generated through the treatment of sewage and food waste)*.

В связи с развитием прогресса возникло новое направление в физике – *гастрофизика*, занимающаяся едой, приготовлен-

нием пищи и потреблением пищи с позиции физики и экспериментальных методик: *gastrophysics – the physics and experimental methodologies of physics applied to food, cooking, or eating*.

Не менее интересным можно считать и явление, когда технологии, здания и другие искусственные источники холода используются для подготовки, распределения и хранения пищи: *coldscape – technologies, buildings and other artificial sources of cold used for the preparation, distribution, and storage of food*.

Таким образом, акты коммуникации, сопровождающие процессы добывания, приобретения, обработки и потребления пищевых продуктов, в их национально-культурном своеобразии образуют особую систему – гастрономический дискурс, квалифицируемый в терминах аксиологии, так как в нем отражаются и концентрируются нормы, ценности, как общечеловеческие, так и принадлежащие определенной культуре, а также субъективные, гендерные и социальные характеристики, стереотипы, традиции, признаки национальной самоидентификации [Чередникова 2011].

Языковая концептуализация сферы «пища» способствует более глубокому пониманию природы культурного смысла, закрепленного за определенным языковым знаком, а также всех культурных установок и традиций народа.

ЛИТЕРАТУРА

Герасименко Д. В. Политическая корректность как социокультурное явление и ее отражение в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. 24 с.

Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. 303 с.

Добренко Е. Гастрономический коммунизм : вкусное vs здоровое [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. С. 155-173. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/do9-pr.html>.

Катермина В. В. Культурно-интерпретирующий потенциал масмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. № 1. С. 84–90.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. – Волгоград : Парадигма, 2004. 507 с.

Олянич А. В., Никишкова М. С. Дискурсивная актуализация этнолингвокультурного кода // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 2, Языкозн. – 2014. № 4 (23). С. 70–83.

Чередникова Е. А. Аксиологические характеристики гастрономического дискурса // Вестник МГОУ. Серия : Лингвистика. – 2011. № 5. С. 78–82.

Чередникова Е. А. Экспликация аксиологической картины мира в гастрономическом интернет-дискурсе (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2013. 22 с.

Civitello L. Cuisine and Culture: a History of Food and People. – Hoboken : John Wiley & Sons, 2008. 170 p.

Chandler D. Semiotics for Beginners: Codes. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://users.aber.ac.uk/dgc/Documents/S4B/sem09.html>. Title from screen.

Dvorak M. The Ethno-Semiotics of Food: A. M. Klein's 'Second Scroll' as Recipe for Multiculturalism // Mosaic. – 1996. Vol. 29, iss. 3. P. 15–20.

Encyclopedia of Food and Culture / ed. By H. K. Solomon. – N. Y. : Thompson, Gale, 2003. 970 p.

Stano S. Eating the Other : A Semiotic Approach to the Translation of the Culinary Code. – Torino : Universitari Libra, 2014. 230 p.

<http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>.

<https://formulalubvi.com/zhizn/a-vyi-uzhe-slyishali-pro-social-eating>.

<https://fotopois.com.ua/blogi/blogi-modelei/o-sisteme-pitaniia-leangains-intermittent-fasting>.

<http://www.macmillandictionary.com>.

<http://www.taynavkusa.ru/news/foodrave>.

<http://www.urbandictionary.com>.

<http://www.wordspy.com>.

И. В. Кирилова

Екатеринбург, Россия

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕМОНОЛОГЕМЫ

АННОТАЦИЯ. *В статье приведены результаты психолингвистического эксперимента по методике прямого толкования, позволяющие выявить реальное отражение слова в сознании носителей языка, а также ведущие стратегии толкования демонологем.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *психолингвистический эксперимент, демонологема, методика прямого толкования, психолингвистическое значение слова.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кирилова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет.*

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: irishakuz@yandex.ru

I. V. Kirilova

Ekaterinburg, Russia

PSYCHO-LINGUISTIC VALUE OF THE DEMONOLOGY

ABSTRACT. *The article presents the results of a psycholinguistic experiment using the method of direct interpretation, which makes it possible to reveal the real reflection of the word in the minds of native speakers, as well as the leading strategies for interpreting demonology.*

KEY WORDS: *psycholinguistic experiment, demonologeme, direct interpretation technique, psycholinguistic meaning of the word.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kirilova Irina Vladimirovna, the candidate of philological sciences, associate professor of general linguistics and Russian language of the Ural State Pedagogical University.*

Психолингвистическое значение демонологемы объемнее, чем лексикографическое. Оно включает в себя не фиксируемые словарными дефинициями компоненты. «Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин, Рудакова 2011: 23–24]. Это значение выявляется экспериментальным путем.

Для того чтобы выявить психолингвистическое значение демонологемы в сознании современных носителей языка, был проведен эксперимент по методике прямого толкования, который предполагал, что слово-стимул, предлагаемое экспериментатором испытуемым, может быть объяснено любым способом.

«Толкование слова есть синонимический текст-перифраза, передающий ту же информацию, что и толкуемое слово» [Белянин 2003: 77]. Таким образом, цель данного эксперимента – выявить реальное отражение слова в языковом сознании испытуемых и ведущие стратегии толкования. Результаты позволили обнаружить психологическую реальность каждого слова-стимула в сознании носителей языка, выявляя актуальные смыслы и внутреннюю форму номинации.

В качестве стимульного материала использовались названия нечистой силы, в которых нашли отражение действия, совершаемые мифическими персонажами. В основе определения психологической реальности слова для респондента лежит определение способа толкования этого слова. Опираясь на классификацию, предложенную Т. А. Гридиной, среди полученных реакций можно выделить следующие способы толкования [Гридина 2013: 9]:

- 1) развернутое толкование или описательный способ;
- 2) мотивационный перифраз или отсылочный способ;
- 3) категоризация;
- 4) конкретизация (в нашем случае выделяем особый признак, который интересен нашему исследованию и какой могут выделить испытуемые, ссылаясь на внутреннюю форму слова – совершаемое действие);

- 5) прецедентная стратегия осмысления значения слова;
 6) толкование через однокоренное слово;
 7) смешанная стратегия.
 Продемонстрируем полученные результаты (таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1

<i>Крикса</i> – детская болезнь, сопровождающаяся раздражительностью и плаксивостью; существо, вызывающее плач ребенка; фантастическое страшилище, бука, которым пугают детей. [Власова 2000: 268-269].		
	Реакции	Способ толкования
1	Кричащая ультразвуком девочка	Толкование через однокоренное слово (<i>кричащая</i>) с конкретизацией (<i>ультразвуком</i>)
2	Вечно стонущее создание, выполняющее функцию негативного персонажа	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>создание, персонаж</i>)
3	Ребенок, который плачет от любого раздражителя, привлекает внимание, усиливает опасность	Категоризация по признаку отнесенности по возрасту (<i>ребёнок</i>) с развернутым толкованием функций и действий
4	Кричит так громко, что могут лопнуть перепонки	Толкование через однокоренное слово с конкретизацией в опоре на совершаемое персонажем действие
5	Женщина, имеющая способность перевоплощаться в других людей	Категоризация по гендерному признаку с конкретизацией совершаемого действия
6	Девочка лет 16-ти, которая очень любит болтать громко	Категоризация по гендерному признаку с подбором синонимичного узувального двухсловного эквивалента к мотивационному глаголу «кричать» – <i>болтать громко</i>
7	Фурия, что вводит в состояние гипноза / парализует с помощью голоса	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>фурия</i>) с конкретизацией совершаемого её действия

8	Девочка. Проказница. Любит приходить в дома без спроса и оставлять беспорядок.	Категоризация по гендерному признаку (<i>девочка</i>) с описательным элементом (<i>проказница</i>) и конкретизацией на совершаемом действии
9	Крыса, которая днем живет в канализации, а ночью охотится на маленьких детей, которые кричат и не спят	Развернутое толкование слова
10	Демон, мешающий детям спать	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с конкретизацией совершаемого действия
11	Коричневое худое существо, издающее страшные и невыносимые крики при прикосновении к нему	Развернутое толкование слова, содержащее описание внешности, а также конкретизирующее действие, которое выполняет персонаж
12	Существо, создающее крик в округе и пугающее путников	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с конкретизацией совершаемого действия
13	Существо, живущее в лесу под корнями деревьев. Если оно услышит приближение врага, то начинает издавать ужасный крик	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с конкретизацией совершаемого действия и места жительства персонажа
14	Существо, чей крик может погубить все живое, находящееся поблизости	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с конкретизацией совершаемого действия
15	Нечисть женского пола с длинными волосами, убивает криком	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» и по гендерному признаку, содержащая описательный элемент внешней атрибутики, с конкретизацией совершаемого действия

16	Существо, появление в доме которого, знаменуется криком, вызывает головную боль у всех жителей	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с конкретизацией совершаемого им действия и действий жильцов, в доме которых заводится <i>существо</i>
----	--	---

Таблица 2

<i>Лизун</i> – дух, обитающий за печкой или в подполье дома; домовый. Лизун – одно из табуистических наименований домового духа, который, по поверьям, лижет, зализывает по ночам волосы людей, шерсть скота, вылизывает оставленную где попало посуду. Он может напоминать мохнатого зверька. [Власова 2000: 306].		
	Реакции	Способ толкования
1	Мерзкое, неприятное существо, желёйного вида, ползает по стенам и потолку и оставляет пятна	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>существо</i>) с конкретизацией совершаемого им действия и описательных подробностей (<i>мерзкое, неприятное, желёйного вида</i>)
2	Помесь домового и кота, подъедает запасы провизии, выпивает молоко	Описание персонажа, включающее категоризацию по «нечисти» и конкретизацию по совершаемому действию
3	Зеленое скользкое существо	Описательный способ толкования слова. Испытуемый пытается выделить словостимул в конкретную категорию – «персонаж нечистой силы» (<i>существо</i>)
4	Живет на листьях дуба, выделяет ядовитую жидкость	Развернутое толкование с конкретизацией места обитания (<i>листья дуба</i>) и совершаемого действия (<i>выделяет жидкость</i>)
5	Не имеющее формы существо, не приносящее бед	Развернутое толкование слова с конкретизацией на форме и функции персонажа

6	Липкое и неприятное существо, выделяет мерзкую слизь. Характер неясен	Развернутое толкование с акцентом на совершаемом действии и характере персонажа
7	Что-то противное, склизкое, с длинным языком	Мотивационный перифраз с привлечением подробных описаний
8	Котенок, который втирается в доверие к людям и облизывает их, и они окаменевают	Подбор однословного синонима, который на взгляд респондента растолковывает незнакомое ему слово (<i>котенок</i>) с акцентом на совершаемых им действиях и их результатах
9	Небольшой червяк, который умеет принимать разные формы. Толстый. После себя оставляет слизь зеленого цвета	Подбор двухсловного синонима, который на взгляд респондента растолковывает незнакомое ему слово (<i>небольшой червяк</i>) с акцентом на его внешних характеристиках и на результатах его действий
10	Маленькое смешное приведение, которое похоже на желе	Подбор синонима, который на взгляд респондента растолковывает незнакомое ему слово (<i>маленькое смешное приведение</i>) с акцентом на его внешних характеристиках. Подобранный синоним относится к категории «персонаж нечистой силы»
11	Человек, который любит леденцы	Развернутое толкование слова
12	Может зализывать раны, лечить людей	Мотивационный перифраз, в опоре на производящий глагол «лизать»
13	Все то, к чему прикасается языком, портится	Конкретизация в опоре на симпраксический контекст
14	Существо, которое лижет детям пальчики, после	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы»

	чего они покрываются бородавками	(<i>существо</i>) с конкретизацией совершаемого им действия и его результате
15	Обманчивый персонаж, который кажется хорошим, но на самом деле просто конформист	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с конкретизацией его характера
16	Желе, которое слизывает лицо	Подбор однословного синонима, который на взгляд респондента растолковывает незнакомое ему слово (<i>желе</i>) с акцентом на совершаемом им действии

Таблица 3

<p><i>Обдері́ха</i> – другое название Банника. Обдериха может «задрать», задушить человека, содрать с него живьем кожу, если тот не соблюдает обычаев мытья в бане и не приносит жертвы Баннику. [Шуклин 1995: 241].</p>		
	Реакции	Способ толкования
1	Колючее создание, которое царапается	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>создание</i>) с конкретизацией совершаемого им действия
2	Старуха, которая обманывает и забирает вещи	Категоризация по гендерному признаку с конкретизацией совершаемого действия
3	Женщина в возрасте, которая может обворовать (похожа на ведьму)	Категоризация по гендерному признаку с конкретизацией совершаемого действия и описательным элементом (<i>похожа на ведьму</i>)
4	Баба-яга, заколдует, заворожит и оставит ни с чем	Подбор однословного синонима, который на взгляд респондента растолковывает незнакомое ему слово (<i>Баба-яга</i>) с акцентом на совершаемом ей действии. Также проявляется желание респондента привлечь к

		толкованию мотивационный перифраз с прецедентным персонажем устного народного творчества
5	Девочка, которая любит драться	Категоризация по гендерному признаку с конкретизацией совершаемого действия
6	Старая женщина, которая нашептывает продавцам / покупателям на базаре, чтобы один обманул другого	Категоризация по гендерному признаку и отнесенности к «персонажу нечистой силы» с конкретизацией совершаемого действия
7	Сестра Лихи (Лихо). Живет в лесу. С помощью магической силы грабит людей	Прецедентная стратегия (отсылка к мифологическому персонажу, фигурирующему в русской народной пословице) с конкретизацией места жительства и совершаемого действия
8	Толстая женщина, которая забирает к себе наивных людей, затем сдирает с них кожу, делает чучело, а тела съедает	Категоризация по гендерному признаку с конкретизацией совершаемого действия. Толкование включает в себя синонимичный производящему слову глагол, так, глаголу «обдирать», в одном из его значений, подбирается в данном толковании синоним «сдирать»
9	Демон, предстающий в виде жестокой, агрессивной старухи	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>демон</i>) с конкретизацией внешних данных
10	Знатное и внушительное существо в низшем мире. Имеет злобный характер и может нагонять мелкие проклятия	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>существо</i>) с конкретизацией совершаемого действия, описанием внешности и характера
11	Персонаж, приносящий вред деревьям	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» с

		конкретизацией совершаемого действия
12	Мистическое существо, приходящее в момент полной бедности	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>существо</i>) с конкретизацией совершаемого действия
13	Ведьма, отнимающая у путников все вещи	Подбор однословного синонима, который на взгляд респондента растолковывает незнакомое ему слово (<i>ведьма</i>) с акцентом на совершаемом ей действии. Подобранный синоним относится к категории «персонаж нечистой силы»
14	Нечисть женского пола, мелкого разряда. Любит «тралить» людей, превращая их одежду в лохмотья, запутывая гривы лошадям	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» и по гендерной отнесенности, содержащая конкретизирующий элемент совершаемых ей «злых» действий
15	Маленькое юркое существо, с появлением которого в доме пропадают ценные вещи, деньги	Категоризация по признаку «персонаж нечистой силы» (<i>существо</i>) с конкретизацией совершаемого действия и его результатах
16	Все время делает что-то с выгодой для себя	Конкретизация в опоре на симпрактический контекст

По результатам проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы: 1. В качестве толкования незнакомого слова испытуемые подбирают слова, относящиеся к категории «персонаж нечистой силы», обращаясь к обобщенным номинациям: *существо*, *демон*, *дух*, *нечисть* и т.п. 2. Преобладающими являются такие стратегии толкования, как: категоризация по какому-либо признаку с элементами конкретизации (гендерному, «персонаж нечистой силы» по совершаемому действию/месту жительства и др.). 3. Также испытуемые обращаются к своему опыту, растолковывая незнакомого персонажа через прецедентные образы, через сравнение с уже известными персонажами,

например: *Баба-Яга, домовой, дух-трикстер*. 4. В ряде толкований прослеживается тенденция к десакрализации. Это говорит о том, что некоторые испытуемые не находят в структуре значения демонологемы особого, мистического, сакрального компонента. Отобранный исследуемый материал входит в пассивный словарный запас, чем и объясняется отсутствие в сознании носителей языка знаний и представлений о предложенном к толкованию персонаже. 5. Наиболее важным компонентом толкования демонологемы является совершаемое персонажем действие, что объясняется прозрачной внутренней формой слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Белянин В. П. Психолингвистика. – М., 2003.
Власова М. Русские суеверия. – СПб., 2000.
Гридина Т. А. Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования // Уральский филологический вестник. Серия : Психолингвистика в образовании. – Екатеринбург, 2013. Вып. 4. С. 5–18.
Стернин И. А, Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. – Воронеж, 2011.
Шуклин В. В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург, 1995.

Ю. М. Кисткина
Саранск, Россия

ГИБРИДНОСТЬ В РОМАНЕ НИЛА ГЕЙМАНА «АМЕРИКАНСКИЕ БОГИ» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности передачи гибридности текста оригинала при переводе на русский язык. Приводится классификация уровней гибридности, где особое внимание уделяется лексическому уровню. Передача гибридности разбирается на материале лексики скандинавской, кельтской и славянской мифологий. В соответствии со степенью родства и взаимопроникновения культур, образующих гибрид, гибридность делится на «близкую» и «далекую».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридность, перевод, скандинавская мифология, кельтская мифология, славянская мифология, лексический уровень, уровень предложения, уровень смысла.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кисткина Юлия Михайловна, студент второго курса по магистерской программе «Переводоведение и практика перевода (романо-германские языки)», Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.

Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68.

E-mail: julia.kistkina@gmail.com

Y. M. Kistkina
Saransk, Russia

HYBRIDITY IN THE NOVEL “AMERICAN GODS” BY NEIL GAIMAN AND ITS RUSSIAN TRANSLATION.

ABSTRACT. The article deals with the ways of translation hybrid original text in Russian. The classification of hybridity based on its level is represented here. Particular attention is paid to lexical level. According to the historical and current relations between the hybrid cultures, the hybridity is divided into “close” and “distant”.

KEY WORDS: hybridity, translation, Norse mythology, Celtic mythology, Slavic mythology, lexical level, level of sentence, level of meaning.

ABOUT THE AUTHOR: *Kistkina Yulia Mihailovna, Master's Degree Student in the field "Translation and translational studies (Romance and Germanic languages)", Ogarev Mordovia State University, Saransk.*

1. Вводные замечания

В последние десятилетия процесс глобализации в сфере культуры значительно ускорился, и, по мнению некоторых исследователей, мы стремимся к миру, в котором не будет границ между языками и культурами. Процессы миграции и культурной глобализации также обеспечивают гибридизацию разных форм и явлений, а раздробленность национальных сообществ и смягчение границ между ними приводят к еще большему смешению различных народов и культур.

Гибридность – чрезвычайно многоплановое и разнонаправленное явление. На данный момент для понятия «гибридность» не существует однозначного определения. Согласно исследованиям М. М. Бахтина, гибридность – это всегда смешение: нового и старого, своего и чужого, высокого и низкого [Бахтин 1996]. В нашем исследовании мы остановились на гибридности, основанной на смешении языков и культур в современном обществе. На основании исследований И. Зауберги в области гибридности можно наблюдать, как гибридность на макроуровне (процессы глобализации, происходящие в мире) ведет к гибридности на микроуровне, в частности, гибридности в языке и культуре [Zaubergera 2001: 265–266].

Согласно М. Снелл-Хорнби, природа гибридного текста тесно связана с процессом глобализации. «Гибридные тексты, как в постколониальной литературе, так и в иных жанрах отражают современную действительность, гибридный мир... Гибридный текст естественен для нашего интернационального общества и интернациональной культуры» [Snell-Hornby 2001: 208].

Гибридность в тексте может быть представлена в двух различных категориях: культурной, то есть экстралингвистической, и текстовой, лингвистической.

Несомненно, перевод гибридного текста – сложный и многоплановый процесс.

Американская культура сама по себе является гибридной, что обусловлено историческими особенностями формирования американской государственности. Культура современной Америки

широко распространена практически по всему миру. Оба этих фактора затрудняют идентификацию американской культуры в целом и определение гибридных явлений в ней в частности.

Цель данной статьи – анализ романа Н. Геймана «Американские боги» (2001) и его перевода на русский язык с позиций гибридного текста: в нем широко представлены различные виды текстовой гибридности, а также безусловные признаки гибридности культурной. (О культурном пространстве художественного текста см. [Ивлева 2008: 121–126]). Действие романа, написанного британцем, разворачивается в современной Америке, а сюжет тесно связан с такими темами, как религия, мифология, иммиграция и смешение культурной идентичности.

При исследовании материала выяснилось, что в романе Н. Геймана широко представлены явления как массовой, так и высокой культуры. Множество примеров такой гибридности можно увидеть в эпиграфах к каждой главе, которые представляют собой цитаты из литературных произведений, песен и стихов (Ричард Дорсон «К теории американского фольклора», Томас Бэйли Олдрих, «Врата без стражи», Венди Дониджер О'Флагерли «Введение в Мифы индуизма», и др.). Гибридность присутствует и в основном тексте романа, таким образом, интертекстуальность является одной из основных черт «Американских богов». Помимо этого, основной темой романа являются различные политеистические религии, что обуславливает присутствие в романе понятий, относящихся к этим религиям и связанным с ними культурам. Поскольку данная лексика не входит в основной состав английского языка, она представляет собой гибридное явление.

Прежде чем приступить к анализу текста перевода, мы провели тщательный анализ текста оригинала. Поскольку текст оригинала является продуктом современной американской культуры, не всегда удается однозначно определить, какие явления уже укоренились в этой культуре, а какие еще являются заимствованными. Мы остановимся на наиболее явных случаях гибридности, которые мы выделили в соответствии с уровнями, на которых они представлены.

2. Уровни гибридности

А. Лексический уровень. Это иностранные слова, обозначающие названия мифологических существ, номинации богов, названия обрядов и артефактов, связанных с той или иной культурой, а также топонимы и антропонимы. (О последних см.

[Шестеркина, Кисткина 2017: 111–113]). Мы решили не учитывать лексику, связанную с христианством, поскольку задолго до основания США христианство являлось наиболее распространенной религией для большинства эмигрантов и в итоге поспособствовало формированию основ современной американской культуры. Таким образом, говоря о той или иной культуре, мы имеем ввиду ее языческую составляющую. Этот уровень чрезвычайно широко представлен в тексте. Он охватывает более десяти культур: скандинавскую, славянскую, египетскую, кельтскую, африканскую, индийскую, греко-римскую, культуру коренных народов Америки, а также общеиндоевропейскую культуру. Наиболее широко в произведении представлена скандинавская культура (58 лексических единиц).

Б. Уровень предложения. На этом уровне мы рассматриваем особенности построения предложений, передающие акцент персонажей, для которых английский язык не является родным. Поскольку все персонажи прожили на территории Америки долгое время, они достаточно хорошо владеют английским языком. Тем не менее, особенности речи формируют законченный языковой образ. Наиболее ярким примером в романе является речь славянских эмигрантов.

В. Уровень смысла. На этом уровне представлены отрывки мифов, цитируемых в тексте, описание религиозных обрядов, а также эпизоды, построенные на основе вышеуказанных текстов. Поскольку американская культура начала формироваться относительно недавно, языческие верования и обряды не могут являться ее первой ступенью, что характерно для большинства других культур. Таким образом, отрывки языческих текстов других народов и взятые из них мотивы представляют собой гибридность на уровне смысла.

В нашем исследовании мы уделим основное внимание первому уровню.

3. Уровень слова

В романе присутствуют 244 уникальные лексические единицы, так или иначе являющиеся гибридными. Эти единицы можно разделить на категории, руководствуясь различными критериями отбора. По культуре происхождения их можно разделить на скандинавские (58), славянские (8), древнеегипетские (14), кельтские, ирландские (35), африканские (30), индийские (10), греко-римские (23), исламские (8), индейские (16), общеиндоевропейские, китайские, японские. Все эти культуры являются

чуждыми американской, несмотря на то что они оказали частичное влияние на ее формирование. Также следует обратить внимание на то, что при переводе текст на некоторых уровнях становится менее гибридным, чем текст оригинала. Согласно М. М. Бахтину, гибридные конструкции (др. термин – «двуголовое слово») – сочетание «своего» и «чужого» в речи – являются естественной речевой формой («органическая гибридность»). Следовательно, она естественным образом присутствует и в художественном тексте. Однако М. М. Бахтин отмечает, что органическая гибридность может быть и свойством прозаического художественного слова, это так называемые «намеренные гибриды». Там, где в тексте оригинала представлена намеренная гибридность, в тексте перевода будет наблюдаться «органическая гибридность» [Бахтин 1975: 171].

Это объясняется тем, что божества, имеющие общее происхождение и сходные черты во всех индоевропейских культурах, остаются чуждыми для американской культуры, сформировавшейся уже в период господства христианства. В русском переводе гибридность текста также снижается за счет наличия славянских божеств среди персонажей романа. Несколько подчеркнутых случаев гибридности, например, неспособность главного героя запомнить славянские имена богов, неспособность проассоциировать эти имена с видом их деятельности, особенности английской речи славянских божеств полностью нивелируются в русском тексте перевода и в умах русскоязычных реципиентов. В тексте оригинала можно наблюдать феномен инонациональной языковой личности, в то время как в тексте перевода мы видим русскую национальную языковую личность в представлении иноязычного автора.

При этом некоторые гибридные слова и выражения воспринимаются русскоговорящим реципиентом как более чуждые и далекие. К ним относятся слова, понятия и явления, заимствованные из культур коренных народов Америки и Африки, такие как изложенные в романе мифы о Лисе и Волке и о Громптицах (thunderbirds). (О последних см. [Native languages URL]).

По характеру денотата лексические единицы можно разделить на имена и прозвища богов (88), названия, имена и прозвища существ (54), имена героев (16), названия и имена животных (11), названия артефактов (21), названия различных вымышленных локаций (7), реально существующие топонимы (14) и прочее (37). Первая категория наиболее обширна, поскольку

многие боги только упоминаются, в то время как локации и артефакты описываются лишь для главных героев.

Все эти иноязычные лексические единицы в тексте оригинала претерпели различные трансформации в процессе заимствования. В соответствии с этим их можно поделить на подвергшиеся транскрипции с элементами транслитерации, описательному переводу, калькированию, адаптации.

При переводе на русский язык все гибридные лексические единицы претерпели повторный перевод, на чем мы подробнее остановимся ниже.

4. Скандинавская мифология

В соответствии с авторским замыслом, одним из главных героев романа является инкарнация скандинавского бога *Одина*, *мистер Среда* (*mr. Wednesday*). Среди лексики, относящейся к иным культурам, наибольшее количество занимают скандинавские лексические единицы – 58 уникальных наименований. 24 из них – номинации богов, большинство из которых – различные имена *Одина*. Также присутствует значительное количество названий мифологических существ, упомянутых в романе, животных, несколько названий артефактов и топонимов, а также лексика, связанная с различными обрядами почитания *Одина*. Согласно роману, древние скандинавы, добравшись до берегов Америки и исполнив там ритуалы, связанные со своими божествами, «поселили» их на этой земле.

Среди современных жителей Америки процент неоязычников, исповедующих религию древних скандинавов, чрезвычайно низок, однако в силу значительного влияния скандинавской мифологии на германскую, мировую и современную культуру уровень гибридности между культурами довольно высок. Достаточно вспомнить, что происхождение англоязычных названий дней недели напрямую связано с германским пантеоном, что подробно обыгрывается в романе. Упоминается связь *Одина-Вотана* со средой (*Wednesday*), *громовника-Тора* с четвергом (*Thursday*) и *Фригг* (жены *Одина*) с пятницей (*Friday*). Например:

Well, seeing that today certainly is my day—why don't you call me Wednesday ? Mister Wednesday . Although given the weather, it might as well be Thursday, eh?"	Ну, учитывая, что сегодня определено мой день, почему бы тебе не называть меня Среда ? Мистер Среда . Хотя, учитывая погоду, с тем же успехом мог быть Торов четверг , а?
---	--

<p>“Friday today. Friday’s a free day. A woman’s day. Saturday tomorrow. Much to do on Saturday.” [Etextlib URL]</p>	<p>Сегодня пятница. Пятница – свободный день. День женщин. Завтра суббота. В субботу много работы. [RoyalLib.com URL]</p>
---	--

В русском языке, в отличие от германских языков, этот элемент гибридности полностью отсутствует, поскольку в русском языке названия дней недели имеют совершенно иную этимологию. Таким образом, с точки зрения языкового наследия, для русскоязычных читателей скандинавская лексика представляет собой куда более «далекую» гибридность, чем для англоязычных.

Однако с точки зрения истории мифологии, концепция пантеона скандинавских божеств, напрямую восходящих к общеиндоевропейскому пантеону, естественна и понятна для русскоязычного читателя. Концепты бога-судьи (*Ódin, Зевс, Варуна*), бога войны (*Arес, Марс*), бога-громовержца (*Зевс, Перун, Юпитер, Тор*) являются узнаваемыми для большинства современных индоевропейцев, вне зависимости от их языка и религиозных представлений. Поскольку значительный процент современного населения США составляют потомки выходцев из Европы, они также хорошо знакомы с этими мифологическими существами. Вследствие продолжительного господства христианства как на территории Европы, так и на территории России данные образы значительно утратили свой религиозный смысл, однако не лишились его окончательно. Это можно объяснить привнесенностью христианства и наложением религий, происходившим повсеместно. Можно сказать, что для США, государственность которых сложилась во время господства христианства, данные языческие образы культурно более далеки, чем для России. Однако следует помнить и о масштабном искоренении всех религиозных культов и связанных с ними суеверий на территории бывшего СССР. Таким образом, можно сделать вывод, что с точки зрения культурно-исторического наследия, данная гибридность является *равноудаленной* от современной культуры России и США, несмотря на то что это явление обусловлено различными историческими причинами.

Обратимся к особенностям перевода гибридной лексики скандинавского происхождения на русский язык. Следует отметить, что большая часть этой лексики имеет устоявшиеся экви-

валенты в русском языке, поскольку скандинавские мифологические произведения, а также работы по их изучению уже переводились на русский язык, например:

Lord of Asgard – властелин Асгарда. Вариантное соответствие, транскрипция.

Lord of the Gallows – Хозяин Виселиц. Вариантное соответствие.

Lord of the Aes – властитель асов. Вариантное соответствие, транскрипция. Во всех представленных выше сочетаниях при переводе даны различные варианты соответствия слова *Lord*. Это можно объяснить стремлением переводчика избежать тавтологии и добавить в роман художественной выразительности.

Valaskjalf – Валаскьяльв. Как оригинал, так и перевод представляет собой транскрипцию слова *Válaskjálf*, палаты *Одина*, помещения, где находится его трон.

Odin's Hall – Одинова Палата. Вариантное соответствие.

Norns – Норны. Транскрипция, устоявшееся соответствие. *Hórny* – в германо-скандинавской мифологии три женщины, способные определять судьбы мира, людей и богов. Являются гранью транскультурного образа богинь судьбы *моёр*.

Dwarf – гном. Устоявшееся соответствие.

Giants – гиганты. Устоявшееся соответствие.

Goblin – гоблин. Транскрипция, устоявшееся соответствие.

Troll – тролль. Транскрипция, устоявшееся соответствие.

Eight-legged horse – восьминогий конь. Вариантное соответствие. Восьминогий конь принадлежит *Одину*.

Ravens Huginn, Muninn (Thought, Memory) – Вороны Хугин и Мунин, Разум и Память. Транскрипция, вариантное соответствие, ранее зафиксирован при переводе скандинавских мифов.

Wolves Freki and Geri – волки Гери и Фреки. Транскрипция, перестановка имен, ранее зафиксировано при переводе скандинавских мифов.

Odin's Wain – Колесница Одина. Транскрипция, вариантное соответствие, ранее зафиксировано при переводе скандинавских мифов.

World tree – Мировое древо. Калька, устоявшееся соответствие.

Все вышеприведенные слова и понятия являются чуждыми как для американской, так и для российской культуры. Одна-

ко в обеих культурах существуют устоявшиеся варианты перевода, что свидетельствует о взаимопроникновении культур – несомненно, гибридном явлении.

5 Кельтская мифология

Теперь обратимся к персонажам ирландского фольклора. Большинство из них были только упомянуты в книге, в истории, посвященной жизни одной суеверной ирландской иммигрантки. Она искренне верила в реальность этих кельтских мифологических существ, соблюдала связанные с ними ритуалы, в результате чего в романе они действительно появились на территории Америки как живые люди. В лексике, в свою очередь, появились и обозначающие их номинативные единицы. Слова, понятия и топонимы, взятые из кельтской и ирландской культуры, представлены 35 уникальными понятиями и составляют 14% от общего числа гибридной лексики в романе. По количеству их превосходят только лексические единицы скандинавской мифологии. Такое количество ирландских заимствований можно объяснить ролью ирландцев в заселении Северной Америки. Ирландцы составляли почти половину всех иммигрантов в США в 40-е и треть в 50-е годы XIX века. Эти цифры примечательны с учетом того, что территория Ирландии сопоставима с территорией штата Мэн, а численность ее населения никогда не превышала 8,5 млн человек [Архив газеты «Континент» URL]. Многие ирландские иммигранты были чрезвычайно бедны и неблагополучны, что способствовало распространению среди них различных суеверий. Однако ирландцам удалось успешно интегрироваться в американское сообщество, сохранив собственную национальную идентичность. Католическая вера во многом способствовала сохранению их национального самосознания. Сегодня ирландцы – одна из самых процветающих этнических групп в Соединенных Штатах, значительно превышающая средние показатели в стране по уровню образования, профессиональному положению, доходу и домовладению [Архив газеты «Континент» URL]. В наши дни ирландская община намного менее замкнута, чем была ранее, что способствует еще большему сближению и смешению культур на территории США. Вышеперечисленные факторы позволяют нам лучше понять, почему в тексте оригинала столь высок процент гибридности с ирландской культурой.

Рассмотрим более подробно особенности ирландской веры и суеверий. Как и в большинстве европейских стран, христианство

в Ирландию было принесено извне и тесно переплелось с язычеством, исповедуемым коренными жителями острова. Об этом автор романа говорит устами своего героя, *Сумасшедшего Суини*:

А потом Суини пытался – обеими руками – разьяснить историю богов Ирландии, как одна их волна за другой приходили из Галлии и из Испании, из любого, черт побери, места на Земле, и как каждая следующая волна превращала богов предыдущих в троллей и фейри и тому подобных существ, пока не явилась сама святая мать церковь и без спроса трансформировала всех до единого богов в Ирландии в фейри, или святых, или мертвых королей... [Royallib.com URL].

Эта цитата во многом объясняет тот факт, что среди всех ирландских понятий в романе только одно является именем божества – *Мориган* (англ. *Morrigan*, богиня войны в ирландской мифологии), но количество наименований демонов и прочих мифологических существ, обладающих сверхъестественными способностями, превышает аналогичное во всех прочих культурах, представленных в романе.

Ирландский персонаж, играющий значительную роль в романе, – *Mad Sweeney* (рус. *Сумасшедший Суини*), восходит к *Suibne Geilt* (*Суибне-гельт*). *Суибне-гельт* – персонаж ирландского фольклора, король *Дал н-Арайде Суибне мак Колман*, сошедший с ума (или нечто подобное) вследствие проклятия святого *Ронана*. В романе персонаж достаточно далек от своего мифологического прототипа и представляет собой собирательный образ различных персонажей ирландского фольклора. Сам *Сумасшедший Суини* именуется себя *лепреконом* (*leprechaun*) (см. ниже), коим *Суибне-гельт* не являлся, и обладает способностями, характерными для данного существа. Персонаж представлен как стереотипный ирландец, воплощение представлений о народе и его мифологии. Это один из ключевых героев романа, и форма его имени в оригинале, а также его перевод представляют для нас значительный интерес. Уже в тексте оригинала мы сталкиваемся с передачей имени с ирландского на английский язык. Мы обратились к истории мифологического прототипа персонажа, а также к этимологии его имени, чтобы определить, насколько правомерны оба перевода.

В современном ирландском языке слово *gealt*, произошедшее от *geilt*, имеет значение «сумасшедший, психически больной». Однако в древности само понятие безумия более ассоциировалось с асоциальным поведением, чем с неестествен-

ными представлениями о мире, а асоциальное поведение, в свою очередь, обуславливалось не только психическими заболеваниями, но и исключением из системы существующих правил и норм, «социальной смертью» и другими подобными, не связанными с ментальными болезнями, факторами. Согласно исследованиям Т. А. Михайловой, наиболее близким русским эквивалентом к слову *geilt* является лексема «дикий», наиболее точно передающая состояние, в котором пребывает персонаж на момент своего проклятия. Также при анализе оригинального произведения становятся очевидными сверхъестественные способности, которыми обладал *Суибне-гельт*. [Михайлова 2001: 440] Следует отметить, что для персонажа романа характерны своеобразные черты поведения его прототипа, в том числе повышенная эмоциональность, демонстративность и асоциальное поведение, которые, однако, нельзя приравнивать к картине клинического безумия.

Поскольку герой романа значительно отличается от своего прототипа, имя *Mad Sweeney*, выбранное автором, можно считать уместным. Это обусловлено как различиями жанров романа и мифа – невозможно полноценно передать в романе мифологизированный образ со всеми его характерными особенностями – так и задумкой автора, в соответствии с которой персонажи представляют собой искаженное временем и пространством представление о своих прототипах. Под таким же именем персонаж фигурирует и в других англоязычных источниках, что позволяет говорить об устоявшемся варианте перевода.

Обратимся к русскому переводу. В случае с именем переводчик использует один из вариантов транскрипции, более благозвучный и популярный в современном переводе, чем другой возможный – *Свини*. Употребление слова *mad* неоднородно в британском и американском вариантах английского. В британском его основным значением является «безумный, сумасшедший или очень глупый», в то время как в американском преобладает «злой, некто, пребывающий в гневе». Переводчик, зная, какое именно качество имеется в виду, выбирает правильное вариантное соответствие. Таким образом, перевод теряет небольшую долю неоднозначности, с которой сталкивается читатель оригинала, но приобретает красиво звучащую анафору (*Сумасшедший Суини*), которая вызывает у читателя ассоциацию со сказкой, фольклором и высоким стилем. Таким образом, лексическая единица передана с использованием вариантного

соответствия и транскрипции, с учетом принципа благозвучия и вольным или невольным созданием фонетического средства выразительности, что в целом позволяет считать перевод чрезвычайно удачным.

Многочисленные персонажи ирландского фольклора несколько раз перечисляются в книге в контексте осведомленности о них того или иного персонажа. Понимание таких абзацев несколько затруднено для большинства как англоязычных, так и русскоязычных читателей, не имеющих ирландских корней.

Далее мы опишем некоторых из существ, упомянутых в романе и определим приемы, использованные переводчиком для передачи их названий на русский язык.

Как упоминалось выше, *Сумасшедший Суини* считает себя **лепреконом**. *Лепреконы* являются разновидностью *фэйри* (см. ниже) и обладают характерными чертами существ-трикстеров. Они сеют мелкий хаос, разыгрывая людей, прячут у основания радуги горшки с золотом и выполняют три желания в обмен на свободу в случае, если их поймают. В современной культуре образ *лепрекона* популяризирован и узнаваем. Тем не менее, он значительно отличается от оригинала (в том числе, и тем, что цветом традиционного *лепрекона* был красный, а не зеленый). *Лепрекон* – устоявшаяся в русском языке транскрипция, которую правомерно использует переводчик.

Фэйри (*Fairy*), в свою очередь, представляют собой существ метафизической природы, чей образ в сознании людей значительно менялся в различные эпохи. В настоящее время авторы вновь обратились к более традиционным образам *фэйри* как существ с иной, нечеловеческой моралью, потенциально опасных и не заслуживающих доверия. Этот образ был кардинально переосмыслен в эпоху романтизма и оставался таковым вплоть до недавнего времени. *Фэйри* представлялись исключительно положительными существами, тесно связанными с природой и обладающими сакральными знаниями. В английском языке существует множество созвучных слов (*fay, fae, fair folk; from faery, faerie*), обозначающих этих существ. В русском языке долгое время господствовал вариант перевода «фея», связанный, прежде всего, с вышеописанным положительным образом. Использование менее традиционного варианта, вероятно, обусловлено нежеланием переводчика вызывать у читателя ложные ассоциации.

Пикси (*piskies*, другая форма написания *pixie*) по своей природе достаточно близки к *фэйри*. Их происхождение также

связано с наложением христианства на язычество: по одним сведениям, это души друидов, не знавших христианства, по другим – души детей, умерших некрещеными. Пикси традиционно несколько более дружелюбны, чем *фейри*, могут помочь в быту или проучить человека за жестокость, но также склонны к озорству. Зная различные хитрости, можно получить от *пикси* помощь в бытовых и магических делах, тот же, кто не знает этих уловок или проявляет непочтительность, может пострадать от жестоких шуток «маленького народца». В романе их описание совпадает с традиционным мифологическим образом:

пикси: рыжеволосые курносые мужчины в зеленой одежде и с глазами, зелеными, как река, косоглазые шутники, которые, если захотят, поведут вас и закружат, заморочат и с пути собьют, если в кармане у вас не будет соли или краюхи хлеба. [RoyalLib.com URL].

Автор использовал менее распространенную форму написания *piskies* вместо традиционного *pixie*, вероятно, с целью подчеркнуть давность происхождения существ и неопределенность их образа. Переводчик же использует единственную устоявшуюся в русском языке форму транскрипции, что является справедливым, поскольку транскрипция оригинального *piskie* созвучна с формой русского слова и вызывает неуместные ассоциации, что затруднило бы чтение и без того сложного и насыщенного заимствованной лексикой участка текста.

Фейри, пикси и прочие подобные существа нередко выполняют схожие функции и являются взаимозаменяемыми в романе. Одним из их собирательных воплощений оказался **кузен Джек** (*Cousin Jack*). Именно он в романе является умирающей ирландке, «привезшей» его в Америку, и его внешний вид соответствует описанию *пикси*:

Незнакомец был одет во все зеленое: тускло-зеленые клетчатые панталоны, зеленую куртку и темно-зеленую пелерину. Волосы у него были морковно-рыжие, и усмехнулся он ей криво. Было что-то в этом незнакомце, от чего, раз на него взглянув, она почувствовала себя счастливой, и еще что-то нашептывало ей об опасности [RoyalLib.com URL].

Ниже представлены прочие персонажи ирландского фольклора и перевод их наименований.

***Spriggans* – древесные фейри.** Поясняющий перевод. Оригинал заимствован из корнского языка – *spurguon*, что означает «духи». Внешне данные существа схожи со скандинавскими

которая присутствует в другом англоязычном названии этого же существа. *Raw-Head* – существо, забирающее непослушных детей, придумано с целью устрашения и поддержания дисциплины.

***Bloody-Bones* – Кровавые Кости.** Калька, в переводе отсутствует дефис, который есть в оригинале, анафора сохранена. Другое название для *Raw-Head*.

***Kobold* – Кобльд.** Транскрипция с элементами транслитерации. Хозяин места. Разновидность *фейри*, требующий той или иной платы за пребывание на его территории или за благополучие на этой территории.

***Banshee* – Банши.** Транскрипция с элементами транслитерации. Существо, воющее у домов, в которых кто-то скоро умрет.

Для среднего русскоязычного читателя ирландский язык и ирландская культура достаточно далеки и слабоизучены. Персонаж *Сумасшедший Суини* воспринимается только непосредственно через текст, не вызывая ассоциаций со своим прототипом. Подобная, хотя и несколько иная ситуация складывается при встрече русскоязычного читателя с другими упомянутыми персонажами ирландского фольклора. Общая эрудиция, а также информация, данная непосредственно в романе, не позволяют читателю отнести *фейри*, *лепреконов* и прочих существ к классической или современной американской культуре. Поскольку популяризированный образ этих мифологических существ сильно искажен относительно исходного, у русскоязычного читателя может возникнуть чувство когнитивного диссонанса.

Эта ситуация подводит нас к разграничению понятия гибридности на **«близкую»** и **«далекую»**.

Близкая гибридность между культурами наблюдается, когда представители этих культур проживают на смежных территориях или на территории одной страны, и между ними постоянно происходит культурный обмен. Естественным результатом продолжительной близкой гибридности выступает окончательное смешение культур.

В случае **далекой** гибридности представители различных культур отделены друг от друга территориально и исторически, что сводит на нет естественный бытовой обмен культурным наследием. Встречая в тексте, нередко, в переведенном, упоминания далекой и малоизвестной культуры, реципиент не имеет никаких уже сложившихся ассоциаций как с самим термином, так и с обозначенным им объектом или явлением, что затрудняет донесение до него авторского замысла. В то же время подобный

взгляд со стороны представляет собой определенную ценность незамутненного восприятия, взгляда со стороны.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в соответствии со степенью близости гибридных культур восприятие реципиентов текста оригинала и текста перевода будут отличаться вне зависимости от перевода. Ниже мы рассмотрим интересный случай, в котором гибридность перевода оказывается более близкой, чем гибридность оригинала.

6. Славянская мифология

В романе присутствуют несколько представителей балтославянского пантеона: *Зоря Утренняя*, *Зоря Вечерняя*, *Зоря Полуночная* [Шестеркина 2010: 236–245], Чернобог и Белобог [Голан1993:188–191], которых в романе напрямую называют русскими.

“Are they gypsies?” asked Shadow.

“Zorya and her family? Not at all. They’re not Rom. They’re Russian. Slavs, I believe.” [Etextlib URL]

На лексическом уровне в романе наблюдается лишь незначительная гибридность между славянской и американской культурами, поскольку число использованных лексических единиц незначительно. Однако славянское божество *Чернобог* является одним из главных героев романа, активно взаимодействует с главным героем *Тенью Муном* (*Shadow Moon*) и играет значительную роль в его судьбе.

Чернобог (*Zcernebog*, *Zcerneboch*, в оригинале используется искаженная латинская передача) – в мифологии балтийских славян злой бог, приносящий несчастье, бог земли и преисподней. Представляет множество различных и противоречивых функций, из чего следует вывод, что *Чернобог* – образ собирательный. На это указывает и этимология имени. Черный цвет изначально ассоциировался не столько со злом, сколько с темным подземельем и подземным миром. Позже этот цвет стал символом зла и смерти, поскольку стало принято считать, что он исходит от смертоносного божества, обитающего в глубинах земли. Таким образом, *Чернобог* был связан с подземным миром, «миром под горой» [Голан, 1993: 188–191].

Вышеуказанные герои наделены многими качествами, характерными для русских эмигрантов в США (не самой благополучной их категории, учитывая особенности жизни персонажей). Тем не менее, герои не представлены в подчеркнуто стереотипном или пародийном виде. Образы героев достаточно хорошо

проработаны, многогранны и неоднозначны, что демонстрирует принятие американской культурой русских эмигрантов и достаточное взаимопроникновение между культурами.

В контексте данной статьи славянский пантеон в романе представляет для нас особый интерес. В оригинале автор использует транскрипцию для передачи имен богов на английский язык. Поскольку русский и английский язык достаточно далеки друг от друга, несмотря на то что оба принадлежат к индоевропейским языкам, среднестатистический англоязычный читатель не в состоянии интуитивно понять мотивацию наименования героев и определить их функции. Даже прочитав описания и характеристики (*Зоря Вечерняя* активна вечером, *Зоря Утренняя* – утром, *Зоря Полуночная* бодрствует лишь ночью, *Чернобог* олицетворяет силы зла, а *Белобог* – добра), англоязычный читатель сможет понять имена героев, только воспользовавшись двуязычным словарем.

В случае с русскоязычным читателем наблюдается совершенно иная ситуация: даже при чтении оригинала практически любой русскоязычный читатель поймет значение имен героев и без труда определит их функции и особенности их характеров. При этом следует отметить, что *Зори*, *Чернобог* и *Белобог* – далеко не самые известные и популярные языческие божества на территории современной России. Люди, интересующиеся мифологией, а также неоязычники гораздо чаще вспоминают *Перуна*, более позднее божество. По словам автора, он не мог ввести *Перуна* в повествование, поскольку его функции слишком близки к функциям скандинавского божества *Тора*.

<p>“We come over here together, long time ago.” All our countrymen go to New York. Then, we come out here, to Chicago. Everything got very bad. Even in the old country, they had nearly forgotten me. Here, I am just a bad memory. [Etextlib URL]</p>	<p>Мы приехали сюда вместе давным-давно. – Сперва мы приехали в Нью-Йорк, – продолжал Чернобог. – Все наши соотечественники едут в Нью-Йорк. Потом мы перебрались вот сюда, в Чикаго. Все стало совсем худо. Даже дома обо мне почти позабыли. Здесь же я просто дурное воспоминание. [Royallib.com URL]</p>
---	--

При передаче имен и описаний этих героев, переводчик столкнулся с неожиданной трудностью – избежать тавтологии и декларации очевидного: в оригинале автор использует множество намеков и описаний, чтобы пояснить функции героев читателю, которые в силу чисто лексических причин кажутся излишними читателю русского перевода. Например:

<p>“I am the youngest. Zorya Utrennyaya was born in the morning, and Zorya Vechernyaya was born in the evening, and I was born at midnight. I am the midnight sister: Zorya Polunochnaya. [Etextlib URL]</p>	<p>Я самая младшая. Зоря Утренняя родилась поутру, Зоря Вечерняя – вечером, а я родилась в полночь. Я – ночная сестра: Зоря Полуночная. [RoyalLib.com URL]</p>
--	--

Также переводчику не удастся, пользуясь средствами русского языка, воспроизвести затруднения, которые испытывает главный герой Тень, пытаясь выговорить или вспомнить странное для него имя.

<p>“You are Zorya Polu...,” he hesitated. “The sister who was asleep.” “I am Zorya Polunochnaya, yes.</p>	<p>– Вы Зоря Полу... – Он помялся. – Та сестра, что спала. – Да, я Зоря Полуночная.</p>
<p>He thought of Zorya...what the hell was her name? The midnight sister. [Etextlib URL]</p>	<p>Он подумал о Зоре... как, черт побери, ее имя? О полуночной сестре. [RoyalLib.com URL]</p>

Говоря о «близости» гибридности, мы можем утверждать, что славянские божества – достаточно «далекий» гибрид для американской культуры. Это обусловлено малой степенью родства между языками, географической отдаленностью стран, различными условиями исторического развития и политическими факторами. Тем не менее, в силу присутствия на территории современных США достаточного количества

людей, имеющих русскую национальную идентичность, и значительного распространения российского культурного достояния, данная гибридность является достаточно распространенной и вполне узнаваемой.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что при переводе романа Н. Геймана «Американские боги» на русский язык, гибридность, содержащаяся в именах русскоязычных персонажей, была практически утрачена в силу естественных, независимых от переводчика причин. Также можно предположить, что данное явление распространяется и на переводы данного романа на другие национальные языки, например, на шведский или ирландский. Это подводит нас к проблеме передачи репрезентации инонациональной языковой личности в переводе, которая заслуживает отдельного глубокого исследования.

В результате нашего исследования, мы пришли к следующим выводам:

1. При переводе произведения гибридные явления в нем претерпевают некоторые изменения, обусловленные различными культурными и лингвистическими факторами.

2. Переводчик не может нивелировать вышеуказанные изменения в гибридности, однако используя доступные ему средства выразительности языка, может создать полноценную замену оригинальному явлению.

3. Гибридность может быть «близкой» и «далекой», в зависимости от уровня родства между основными языком и культурой произведения и теми языком и культурой, с которыми создается гибрид. «Близость» гибридности также претерпевает изменения при переводе.

4. Перевод репрезентации инонациональной языковой личности на язык той национальности, к которой она (личность) относится, представляет интересную и своеобразную проблему для современного переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

Архив газеты «Континент» (2006-2014) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=485c5418a875c> (дата обращения: 10.10.2017).

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975.

Бахтин М. М. Собрание сочинений; т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – М., 1996.

Голан А. Миф и символ. – М. : Русслит, 1993.

Ивлева А. Ю. Смыслорождение культурного пространства художественного текста // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. Т. 4. № 4. С. 121–126.

Михайлова Т. А. Суибне-гельт: зверь или демон, безумец или изгой. – М. :Аграф, 2001. С. 440.

Шестеркина Н. В. Фольклорные тексты в структуре вербального мифологического осознания (лингвокультурологическое исследование на материале русского и немецкого языков). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 236– 45.

Шестеркина Н. В., Кисткина Ю. М. Антро-понимические номинации богов в переводе романа Н. Геймана «Американские боги» на русский язык // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина). – М. : ИИУ МГОУ, 2017. С. 111–113.

Etextlib электронная библиотека [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.etextlib.ru/Book/Details/35009> (дата обращения: 10.10.2017).

Native languages [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.native-languages.org/thunderbird.htm> (дата обращения: 11.10.2017).

RoyalLib.com электронная библиотека [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://royallib.com/book/Gaiman_Neil/amerikanskie_bogi_per_aakomarinets.html (дата обращения: 10.10.2017).

Snell-Hornby M. The space “In Between”: What is a Hybrid Text? // Across languages and cultures. – 2001. № 2. P. 208.

Zauberga I. Discourse interference in translation // Across languages and cultures. – 2001. №2. Pp. 265 – 266.

А. Н. Клюева

Ростов-на-Дону, Россия

**К ВОПРОСУ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
РАССКАЗОВ ДЖ. АПДАЙКА
(на примере визуального образа города Олинджер)**

АННОТАЦИЯ. В данной статье предпринята попытка рассмотрения пространственной и временной организации рассказов Джона Апдайка, с отражением культуры американских жителей. Материалом исследования послужили 11 рассказов из раздела «Olinger stories» в сборнике «The early stories: 1953–1975». В статье выявляется автобиографический мотив в творчестве Апдайка. Образ и облик города Олинджер формуруются субъектно-объектным континуумом в виде различных совокупностей культурной реальности, опыта автора и эмоционально-наполненных включений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Джон Апдайк, визуальный образ, город, рассказ, пространственная организация, хронотоп, культура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Клюева Анжела Николаевна, аспирант кафедры теории языка и русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный Федеральный Университет.

Адрес: 344006, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93.

E-mail: yoarlen@mail.ru

A. N. Klyueva

Rostov-on-Don, Russia

**TO THE QUESTION OF SPACE ORGANIZATION
IN J. UPDIKE'S STORIES
(based on the image of town Olinger)**

ABSTRACT. In this article, an attempt is made to reveal the spatial and temporal organization of the stories of the American writer John Updike, expressing the culture of Americans. The material of the study is 11 stories of «Olinger stories» from the collection «The early stories: 1953-1975». The analysis reveals an autobiographical motive in Updike's works. The image and appearance of the town

Olinger are formed by the subject-object continuum in the form of different sets of cultural reality, the author's experience and emotionally-filled inclusions.

KEY WORDS: *John Updike, visual image, town, story, space organization, chronotope, culture.*

ABOUT THE AUTHOR: *Klyueva Anzhela Nikolaevna, post-graduate student of the language theory and the Russian language department of Institute of philology, journalism and intercultural communication, Sothern Federal University.*

Сборник «Ранние рассказы: 1953–1975» («The early stories: 1953–1975») состоит из разных тематических разделов, каждый со своей пространственно-временной организацией рассказов. Первым из них является раздел под названием «Olinger stories». Как и другие разделы, Джон Апдайк написал его в автобиографическом ключе: место действия – маленький городок или ферма близ города в Пенсильвании, главный герой – единственный ребенок в семье в возрасте от тринадцати до восемнадцати лет.

Актуальность исследования заключается в том, что изучение художественного языка и вербализованных визуальных образов является важной составляющей в анализе культуры американцев. Джон Апдайк, являясь представителем данной культуры, дает в своих рассказах образ города Олинджер как связующего звена в пространстве 11 художественных текстов из раздела «Olinger stories».

Апдайк, будучи субъектом описания визуального образа города Олинджер, дает картину из собственного воображения, которую можно назвать обликом города, осмысленного автором. Облик города является его физической стороной, который содержит пространственно-временной континуум: родительский дом, ферма, школа, стадион, парк, церковь. Формируется данный континуум из субъективного восприятия, ассоциаций, совокупности культурной реальности и опыта автора. Поэтому образ города предстает читателю, как зеркало, генерирующее не только пространственную организацию, но и идеи и смыслы нарратора.

Пространство и время являются наиболее распространенными категориями в художественном произведении. Они бы-

ли изучены и описаны многими учеными. Так, М. М. Бахтин писал, что пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. И называет их хронотопом времени и пространства, которые несут ценностный характер в художественном произведении [Бахтин 1975].

Рассматривая хронотоп пространства в рассказах Джона Апдайка, следует отметить, что для интерпретации визуального образа города Олнджер служит не только пространство города из детства и юности самого писателя, но также пространство дома и домашнего быта, занятий в школе, игры в футбол, посещения церкви. Также отмечаются такие включения, как воспоминания и размышления персонажей, описание ретроспективных образов. Что касается хронотопа времени, то он основан на юношеских школьных годах персонажей, с незначительными временными отклонениями в прошлое посредством воспоминаний, рассматривания фотографий, с размышлениями над смыслом жизни, одиночеством и верой.

П. А. Флоренский, анализируя воспоминания героев, сознательно внедренными автором в текст рассказов, называл художественное пространство «своеобразной реальностью, насквозь организованной, нигде не безразличной, имеющей внутреннюю упорядоченность и строение» [Флоренский 1993: 94]. Воспоминания, мысли и рассуждения персонажей являются для него «в ракурсах заранее определенной перспективы» [Флоренский 1993: 94].

Примечательно то, что в одиннадцати рассказах, которые объединяются одним пространственным местом действия, городом Олнджер и его окрестностями, Апдаик не дает прямого детального описания города, а выражает дескрипцию через комплекс гармонично вписываемых событий, действий и поступков героев, мест, культуры и действительности.

Первый рассказ «You'll never know, dear, how much I love you» знакомит читателя с ежегодным событием, атрибутом культуры – карнавалом, – который наполняет улицы и дома тихого города: людьми, светом, весельем и праздником. С первых же строк автор описывает приготовления к долгожданному событию: «*Carnival! In the vacant lot behind the old ice plant! Trucks have been unloading all afternoon; the WhirloGig has been unfolded like a giant umbrella, they assembled the baby Ferris wheel with an Erector Set.*» [Updike 2003: 19]. Карнавал занимает все художественное пространство, при этом чувствуется его

влияние на окружающую действительность и жителей города – все и всё становится светлее, добрее и ярче, о чем свидетельствует частота употребления световых слов *lights, white, light, gold* в следующем отрывке: «*Now people multiply, crowd in from the houses of the town, which stand beyond the lot on all sides in black forbidding silhouettes like the teeth of a saw. **The lights go on; the faces of the houses flee. There is nothing in the lot but light,** and at its core, on the stage, three girls wearing **white** cowboy hats and **white** spangled skirts and **white** boots appear, and a man also in **white** and bearing a **white** guitar strung with **gold.**» [Updike 2003: 21].*

Пространственная локализация в рассказах Джона Апдайка основывается зачастую на следующих местах действия.

Во-первых, пространственная организация текста ограничивается стенами школы и занятиями на уроках, например, в рассказе «The alligators», в котором новая девочка, переехавшая в Олинджер, пытается привыкнуть к новому месту учебы и новым одноклассникам, что дается ей с трудом. Главный герой же принимает девочку такой, какая она есть, и не дразнит ее. В одном из совместных разговоров мы узнаем об отношении главных героев к городу: «*How do you like Olinger? – Oh, I think it's nice. – Nice? I guess. I guess maybe. Nice Olinger. I wouldn't know, because I've never been anywhere else.*» [Updike 2003: 31]. И этот ответ должен был прозвучать, так как он дан в рассказе, так как в действительности мальчику не с чем было сравнивать и он принимал свой родной город как должное, а новому человеку («новенькой» девочке) новое место всегда предстает в привлекательном свете: с надеждами, мечтами и верой в лучшее.

Во-вторых, хронотоп пространства имеет место на школьных футбольных матчах и ограничивается стадионом, как это дано в рассказе «In football season»: «*If we went to **the back row and stood on the bench there, we could look over the stone lip of the stadium down into the houses of the city, and feel the cold November air like the black presence of the ocean beyond the rail of a ship...***» [Updike 2003: 191]. Из отрывка видно, что автор подчеркивает и строго соблюдает границы пространственного образа, в котором стадион воображается огромным кораблем, идущим по таинственному океану. Для этого используются показатели пространственной ограниченности: «*the back row*», «*the stone lip of the stadium*» и «*the rail of a ship*».

В-третьих, автор часто выходит за границы города Олнджер и описывает его окрестности и жизнь на ферме, как например, в рассказе «Pigeon feathers», где мальчик Дэвид, живший всегда в городе, переезжает на ферму – в одиночество: «**A city boy by birth, he was frightened of the farm and seized any excuse to get away. The farm had been David's mother's birthplace; it had been her idea to buy it back.**» [Updike 2003: 36–37]. Тема одиночества подчеркивается не только местонахождением главного героя с родителями, но и частым употреблением слов и выражений: «*the lonely dirt road*», «*the silence*» и раскрывается в следующем отрывке: «**He was grateful for all the time his father wasted in Olinger. Every delay postponed the moment when they must ride together down the dirt road into the heart of the dark farmland, where the only light was the kerosene lamp waiting on the dining-room table, a light that drowned their food in shadow and made it sinister.**» [Updike 2003: 54], где Дэвид был рад каждой минуте, проведенной в Олнджере, так как именно там он чувствовал себя не одиноким.

В рассказе «The persistence of desire» автор акцентирует внимание на царившей атмосфере в городе и в душе главного героя Клайда: «*The maples, macadam, shadows, houses, cars were to his violated eyes as brilliant as a scene remembered; he became a child again in this town, where life was a distant adventure, a rumor, an always imminent joy.*» [Updike 2003: 143]. Отсутствие пейзажных описаний города автор компенсирует вербализацией эмоционально-психологических состояний героев в рассказах. Кроме этого, облик города Олнджер существует в пространстве и времени, которое формирует авторское восприятие города скорее как условный нереальный объект или как фантазируемая реальность: как город из сказки – «*it was betranced, like a town in a fable*» [Updike 2003: 193], как мифологическое, вымышленное место – «*the entire town seemed ensnarled in my mother's myth*» [Updike 2003: 104].

В-четвертых, территориальная организация может ограничиваться церковным пространством, включающим саму церковь и церковные уроки для школьников, как это показано в рассказе «Pigeon feathers»: «*He had transferred from the catechetical class of the Lutheran church in Olinger, a humiliating comedown. In Olinger they met on Wednesday nights, spiffy and spruce, in a very social atmosphere.*» [Updike 2003: 36]. И дальше дается описание неприязни главного героя самого облика церкви и видимых ее

погрешностей: «*He tried to work backwards through the churches, from their brave high fronts through their shabby, ill-attended interiors back into the events at Jerusalem, and felt himself surrounded by shifting gray shadows, centuries of history, where he knew nothing.*» [Updike 2003: 36].

Особенностью интерпретации визуального образа города Олинджера является его таинственность как для читателя, так и для самого автора. Описание дается не прямое, а скрытое и завуалированное, из которого читателю самому приходится рисовать в воображении облик города: «*There was a gang, boys and girls both, that met Saturdays ... and took hikes and played touch football together, and in winter sledged on Hill Street, and in spring bicycled all over Olinger and did together what else he couldn't imagine.*» [Updike 2003: 26] (рассказ «The alligators»). Отсюда сразу создается картинка небольшого города, с прекрасными окрестностями и с одноименной улицей, расположенной на холме. Вот еще пример из рассказа «The Happiest I've Been»: «*The moon-sized clock of a beer billboard said ten after six. Olinger was deathly still. The air brightened as we moved along the highway; the glowing wall of my home hung above the woods as we rounded the long curve by the Mennonite dairy.*» [Updike 2003: 129]. Здесь автор хочет обратить внимание читателя на утренний пробуждающийся город – тихий, светлый и приглашающий в новый день.

Образ города Олинджера, представленный на обозрение читателю, «живет» в сознании Апдайка как вариативная среда. Линч в своей работе «Образ города» объяснял, что представляет собой визуальный образ города в сознании человека – общий ментальный рисунок физического мира города [Lynch 1990]. Джон Апдайк, в свою очередь, строит город Олинджер на основе субъективных и объективных характеристик, пронизывая его автобиографическими нитями личностного опыта, переживаниями и подтекстами. Благодаря этому у читателя одноименного раздела “Olinger stories” создается самодостаточный, полный визуальный образ типичного небольшого американского городка с обычаями, культурой американцев и вечными проблемами, психологическими переживаниями жителей города в лице главных героев рассказов. А ценностным моментом выступает авторская визуализация всех составляющих образа города, присваивая ему статус сказочного, а значит с долей вымышленного, надуманного.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975.

Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Концепция хронотопа М. М. Бахтина в аспекте проблемы взаимодействия языка и мышления // Когнитивные исследования языка. – 2016. № 25. С. 817–823.

Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М. : Прогресс, 1993.

Lynch K. The image of the city. – Twentieth Printime, 1990.

Updike J. The early stories: 1953–1975. – N.Y. : Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc, 2003.

А. Н. Мищенко, Н. А. Сегал
Симферополь, Россия

ПЕСЕННЫЙ ДИСКУРС КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена установлению метафорического потенциала песенных текстов при их реализации в русскоязычном медиадискурсе. Взаимопроникновение различных сфер позволяет акцентировать внимание на универсалиях, ценных для той или иной лингвокультуры, использовать культурные коды, зафиксированные в песенных текстах, на страницах газет.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *песенный дискурс, песня, метафора, метафорическое моделирование, медиатекст, СМИ.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Мищенко Анна Николаевна, аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таурической академии (структурное подразделение), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.*

Адрес: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. академика Вернадского, 4.

E-mail: anutik-anutik18@mail.ru

Сегал Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Таурическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.

Адрес: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр. академика Вернадского, д. 4.

E-mail: natasha-segal@mail.ru

A. N. Mishchenko, N. A. Segal
Simferopol, Russia

THE SONG DISCOURSE AS A SOURCE METAPHORICAL MODELING

ABSTRACT. *The article is devoted to the establishment of the metaphorical potential of song texts during their implementation in the Russian-language media discourse. Interdependence of various spheres allows to focus attention on universals, valuable for this or*

that linguocultural, to use cultural codes fixed in song texts on the pages of newspapers.

KEY WORDS: *song discourse, song, metaphor, metaphorical modeling, media text, media.*

ABOUT AUTHORS: *Mishchenko Anna Nikolaevna, post-graduate student of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Taurida Academy (structural subdivision) of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.*

Segal Natalia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Taurida Academy (structural subdivision) of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Современный медиадискурс аккумулирует и организует систему языковых средств, заимствованных из различных сфер-источников, одним из которых, бесспорно, является корпус популярных русских песен. Анализ песенного дискурса подтверждает факт о том, что известные в определенной культуре песни отражают общественно-исторический опыт, реалии социально-политического устройства конкретной страны или региона, а также отражают события, значимые для мира в целом. Исследователи справедливо подчеркивают, что «в современном мире песни играют скорее развлекательную роль, но, с другой стороны, они являются частью той или иной эпохи и поэтому меняются вместе с нашими взглядами на жизнь» [Найденова 2013: 98]. Именно в песенном дискурсе может создаваться особый мир, характерный для той или иной эпохи, со своей измененной семантикой, метафоричностью, двусмысленностью, языковой игрой. Особенно явно подобного рода «мир смыслов» обозначен при реализации в медиасфере. Такой «мир смыслов», как утверждает В. А. Маслова, – «это мир продуктов человеческой мысли, царство человеческого разума, он безграничен и необъятен. Следовательно, культурой, которая образуется человеческой деятельностью, охватывается и сам человек как субъект деятельности, и способы деятельности, и многообразие предметов (материальных и духовных), в которых опредмечивается деятельность, и вторичные способы деятельности, распредмечивающие то, что находится в предметном бытии культуры, и т.д.» [Маслова 2001: 19].

Одной из уникальных особенностей песенного дискурса является тот факт, что он представляет собой «креализованный продукт», иными словами, «текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013: 22]. Применительно к песенному дискурсу креализованный текст характеризуется как «комбинация вербального текста, оформленного в письменной или устной форме, и музыкального компонента, является продуктом социально и ситуативно обусловленной коммуникации, находится под влиянием экстралингвистических параметров ситуации общения» [Шевченко 2009: 244]. В современных лингвистических исследованиях утверждается, что «интенция автора, зафиксированные в продукте песенного дискурса, в свою очередь, направлены на формирование социальной позиции и ценностной ориентации слушателя. Песенный дискурс глубоко аксиологичен и субъективен, отражая ценности и антиценности [...] через специфические образы, стиль жизни, своеобразие мироощущения» [Шевченко 2009: 87]. Именно функциональный потенциал песенного дискурса сближает его с медиадискурсом, целью которого является формирование конструктивного или дискредитирующего образа политического субъекта (для текстов социально-политической направленности), товаров и услуг (для текстов экономической направленности и рекламных текстов).

Целью данной статьи является установление метафорического потенциала песенных текстов при их реализации в русскоязычном медиадискурсе. Особое внимание в работе уделяется метафорическому потенциалу языковых единиц, реализующих значение «перемещение по воздуху», поскольку, как показал анализ, единицы, реализующие данное значение, способны создавать яркие эффекты, передающие особенности социально-политической ситуации той или иной страны в целом или ее отдельных субъектов.

Появление и развитие транспортных средств с интегральным компонентом 'перемещение по воздуху' имеет свою давнюю историю. Как известно, русское название летательной машины «самолет» появилось сначала в сказках (ковер-самолет), затем становятся известными чертежи парашюта, крылатого аппарата, вертолета Леонардо да Винчи (конец XV века). Братья

Ж. и Э. Монгольфье соорудили воздушный шар, А. Жиффар построил дирижабль. В 1884–1885 годах русский морской офицер А. Ф. Можайский первым в мире спроектировал и запатентовал самолет, который имел все основные черты современного самолета: фюзеляж, крыло, оперение, шасси, управление, силовую установку. Начало XX века охарактеризовалось бурным развитием самолетостроения во многих странах и продолжается по сегодняшний день. Самолет представляет собой сложную систему деталей, где каждый элемент конструкции был намного сложнее, значительно больше, вместительнее, объемнее, чем соответствующие составляющие созданной до него техники. Конструкторы соперничают в изобретении новых видов самолетов, страны стремятся изобретать новые действия, направленные на предмет конкуренции (создание новых авиадеталей), летчики ведут борьбу в военных конфликтах между государствами. Это касается и политической сферы, поскольку, как справедливо замечает А. П. Чудинов, политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира [Чудинов 2006: 13]. Весьма активно комплекс составляющих воздушно-транспортных средств в масс-медийных текстах транслируется через фрагменты из популярных песен.

Ключевая единица **самолет**, входящая в группу «воздушные транспортные средства», в денотативном значении определяется как «летательный аппарат тяжелее воздуха с двигателем и неподвижными крыльями». В медиатекстах данная единица реализуется в исходном или трансформированном виде в фрагменте из песни «*Первым делом самолеты*» из к/ф «Небесный тихоход» (1946). Так, конструкция реализуется применительно к политическим вопросам, связанным с авиацией различных государств, а именно:

1) реализация ключевой единицы «самолет» в прямом значении: Петр Порошенко: **Первым делом, первым делом самолеты... украинский авиастроительный концерн «Антонов» продемонстрировал свою новейшую разработку – многоцелевой транспортный самолет «АН-132D»** (<http://job-sbu.org>, 28.12.2016); **Первым делом самолеты: Украинская «Мрия» подлежит декоммунизации** (<http://linkis.com>, 24.05.2016); **Первым делом самолеты: мечты Порошенко об Ан-132 «разбиваются» о реальность** (<http://newnform.org>, 29.12.2016). По-

следний пример делает акцент не на самолетах, а на первой части конструкции *первым делом*, так как речь идет о рекордных сроках сборки первого украинского самолета, выполненного без российских деталей. Данная разработка была первоочередным обещанием президента Петра Порошенко, что подтверждает следующий контекст: *Как там раньше пели: «Первым делом самолеты...». В исполнении Порошенко эта песня звучала бы как «Первым делом пиар...». Хотя бы и на самолетах* (<http://stuki-druki.com>, 08.01.2015).

2) реализация ключевой единицы «самолет» в переносном значении:

а) образ авиакомпании: самолет в переносном значении (применительно к авиакомпании): *Первым делом – самолеты. Обострение отношений между Саакашвили и Яценюком произошло после того, как председатель Одесской ОГА в эфире «5 канала» обвинил премьер-министра в том, что тот удерживает на должности главу Государственной авиационной службы Дениса Антонюка. Саакашвили утверждает, что Антонюк при распределении назначений на авиамаршруты лоббировал интересы своего бывшего работодателя – авиакомпании «Международные авиалинии Украины», контроль над которой приписывают бизнесмену Игорю Коломойскому (Апостроф, 08.09.2016).*

б) крушение самолета: *«Первым делом, первым делом – самолеты...». В Шахтерском районе Донецкой области разбился самолет Boeing 777-200 компании «Малазийские авиалинии»* (ЖЖ, 18.07.2015).

в) авиация в целом: *Первым делом самолеты. Карельская власть намерена развивать авиацию* (aif.ru/politic, 29.03.2017); *Первым делом – самолеты: министр аграрной политики и продовольствия Украины отметил сюжет телеканала TV5* (tv5.zp.ua/news, 12.12.2015); *Первым делом – самолеты: авиабаза РФ в Белоруссии стала заложницей топливного спора* (riafan.ru, 03.2017); *Первым делом самолеты: 7 достижений украинской авиационной отрасли* (<https://hyser.com.ua>, 07.08.2016).

г) жалобы на отмену льгот авиапроизводителям, на туроператоров: *Первым делом – самолеты. Рогозин рассказал о планах по отмене льгот иностранным авиапроизводителям* (maxpark.com, 07.08.2017); *Первым делом, первым делом самолеты. После ряда банкротств крупнейших туристических*

фирм России, таких как «Нева», «Лабиринт» около 30 000 отдыхающих остаются за пределами страны, не имея возможности вернуться домой (Инфотекст, 05.09.2014).

д) зависимость от российских самолетов: **Первым делом – самолеты**. Российские самолеты стали темой последних дней, как у политиков Запада, так и у прессы, которая рассказала о зависимости НАТО от... русских самолетов. Не от тех, что «сближаются» с американскими кораблями, а от военно-транспортных (geo-politica.info, 24.05.2016).

е) вопросы, связанные с Днем Военно-воздушных сил: **Первым делом самолеты: в Минске отметили день ВВС Беларуси** (mir24.tv/news, 19.08.2017).

В политических медиатекстах весьма активно происходит расширение конструкции за счет глаголов действия **возродим, испортим, отменяем**, при этом наблюдается доминирующая роль компонента действия: **Первым делом возродим самолеты**. А что затем? Россия выкатила миру самолет XXI века. Создание нового пассажирского лайнера оставляет нашу страну в «высшей лиге» авиастроения (КП, 08.06.2016); **Первым делом мы испортим самолеты**. Постмайданная Украина продолжает обрывать последние ниточки военно-технической кооперации с Россией (<http://www.politnavigator.net>, 27.11.2016); **Яценюк: первым делом отменяем самолеты** (<http://newspol.ru>, 30.09.2012). В медиатекстах происходит замена субстантива конструкции **самолеты** на субстантив, также относящийся к сфере авиации: **Первым делом экипажи**. Большинство последних авиапроисшествий случились по вине летчиков (Взгляд, 20.09.2011).

Характерно, что возможным, но малоактивным является добавление в конструкцию отрицательной частицы **не**, которая снижает ценность и значимость самолетов и привлекает внимание к более важным социальным и политическим проблемам: **Первым делом не самолеты**. Основной темой вчерашнего заседания президиума правительства значился отчет о сборе урожая в стране, а также призывание предъявлять жесткие требования к авиакомпаниям по подготовке летного состава, а не устанавливать минимальное количество самолетов (<https://news.gambler.ru>, 06.10.2011). Перенос ключевой единицы «самолеты» во вторую часть конструкции с ее замещением в первой части единицей, номинирующей более актуальные для общества реалии: **Россия – Узбекистан: первым делом «голубое топливо», а самолеты – потом** (<http://www.toptj.com>, 07.03.2007).

В тестах политических СМИ активным является не название песни, а вся строка *«Первым делом, первым делом самолеты, ну а девушки, а девушки потом»*. Характерно, что в исходном виде данная конструкция не реализуется: в медиатекстах происходит трансформация второй части конструкции и, как правило, субстантив «девушки» замещается на субстантив с новой семантикой, характерной для сферы политики. Новые семантические оттенки реализуются посредством языковых единиц, входящих в различные тематические группы:

1. Политика в целом: *США: первым делом – самолеты, а политика – потом*. Крупнейшие американские авиакосмические корпорации «Боинг» и «Макдоннел-Дуглас» объявили о своем слиянии (zn.ua, 20.12.2016); *Первым делом самолеты, а политика потом*. Французские гражданские самолеты ATR 72-600s в количестве 20 штук начнут поступать в Иран в качестве первой партии. Сделка оценивается в сумму 536 миллионов (infotekst.ru, 14.04.2017). Данные контексты характеризуют действия политиков с иронической коннотацией посредством лексемы *самолеты* в прямом значении, так как именно самолеты становятся источником большой прибыли.

2. Летчики: *Первым делом самолеты, ну а летчики потом*. Восемь летчиков, осуществляющих перевозку первых лиц Российской Федерации, включая президента Владимира Путина, имели фальшивые лицензии пилотов и управляли самолетами без соответствующего разрешения (<http://politobzor.net>, 08.07.2017); Олег Сергеев: *Первым делом – самолеты, ну а летчики – потом*. Перефразируя песенку из кинофильма «Небесный тихоход», формирование новых войсковых структур проходило по принципу: *первым делом техника – самолеты (артиллерия, танки), ну а люди – летчики (артиллеристы, танкисты), – потом* (<http://viperson.ru>, 26.06.2009). Данные конструкции характеризуют отношения политиков к субъектам воздушного транспорта. Их основная задача – производить перевозку пассажиров, при этом самолет является главным средством транспортировки как для гражданских, так и для военных структур. Данный тезис подтверждается еще одним примером: *Первым делом самолеты. Ну а пешие? А пешие – потом!* Сирийский конфликт в отчетах (livejournal.com, 19.10.2015). В военных конфликтах воздушная пехота является основной силой.

3. Политические действия и процессы: Андрей Губин:

Первым делом – самолеты, ну а санкции – потом (<http://russiancouncil.ru>, 30.07. 2014); **Первым делом самолеты, ну а денежки потом.** Глава приднестровского Правительства прокомментировал итоги поездки в Москву (alfa24.online, 04.02.2017); **Первым делом, первым делом самолеты. – Ну а пенсии? – А пенсии –потом** (<http://www.shytok.net>, 25.09.2017).

Активной в медиатекстах видится метафоризация составляющих воздушных транспортных средств, при этом наиболее частотной является реализация фрагмента песни С. Гребенникова и Н. Добронравова «*Главное, ребята, сердцем не стареть*» (1962) «...под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги». Языковая единица *крыло*, в первом значении определяемая как «плоскость, служащая для образования подъемной силы самолета» [Ожегов 2009: 396], транслируется и в медиатексты. Характерно, что денотативное значение в медиатекстах является малоактивным, поскольку зачастую происходит нейтрализация архисемы «деталь самолета». Так, в текстах СМИ зафиксированы единичные случаи употребления лексемы в прямом значении: **Под крылом самолетов Туполева окажется весь мир** (Миртесен, 28.01.2017). В переносном значении лексема *крыло* определяется как «крайняя – правая или левая группировка какой-либо организации» [Ожегов 2008: 396]. Значимой при этом является языковая игра, которая строится на порождении нового смысла с помощью фразеологизма *взять под крыло* – окружать вниманием, заботой, опекать; оказывать покровительство кому-либо [Федоров 2008: 114]. Так, в медиатекстах основой метафоризации является и значение *брать под опеку, защищать*, и отсылка к денотативному значению:

1. Языковая игра на основе прямого значения: **Под крылом самолета Дональда Трампа был замечен летящий НЛО** (Вся правда, 23.01.2017). Как уже отмечалось, подобного рода конструкции в медиатекстах малоактивны, употребляются лишь с дополнительным субстантивом.

2. Языковая игра на основе фразеологизма: **Под крылом Путина. Куда и зачем летают кремлевские самолеты** (Собеседник, 08.12.2015); **Авиацию собирают под крылом государства. В России будет создана Объединенная авиастроительная корпорация** (КП, 22.02.2006); **Мир под крылом самолетов: российская военная авиация снова в деле** (Аналитика, 20.08.2017).

3. Языковая игра с реализацией дополнительных семантических компонентов (например, компонент «очень высоко»): *Цирк на небесах: солнце под крылом самолета, волшебные веревки* (КП, 12.06.2017); *Под крылом самолета. Саровчанам вернули возможность увидеть город с высоты* (Саров.нет, 08.09.2017).

Сочетание *под крылом самолета* реализуется в составе глагольных конструкций, создавая при этом новые образы с трансформацией исходного теста. Так, конструкция *под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги* в текстах политических СМИ используется в следующем виде: *под крылом самолета о чем-то поет суровое море тайги. Бывшего главу Американской торговой палаты выдворили из РФ* (ОД, 06.06.2015). Замена адъектива *зеленое* на *суровое* определяет новое метафорическое значение конструкции «строгое наказание на совершенный неправомерный поступок».

Ситуация пения, бесспорно, не является характерной для властных структур, поэтому происходит замена данного глагола на глагол из тематических групп, более близких для социально-политической реальности: *Под крылом самолета о чем-то бежит. Румыния отказалась пропустить через свою территорию самолет с Рогозиным на борту, вице-премьеру пришлось некоторое время перекантоваться за бортом* (beseder.ru, 01.08.2017); *Под крылом самолета кто-то крадет... Чиновники вспоминают об отечественном авиастроении в двух случаях: для создания телевизионной картинки и для реанимирования уже умершего пациента* (<https://zn.ua>, 16.06.2017). При реализации глагола «петь» в медиатекстах характерно использование односоставных неопределенно-личных предложений. Такая грамматическая форма указывает на обобщенность активных деятелей и их многочисленность: *Байнет шутит: под крылом самолета о чем-то поют... Российский рубль и баррель нефти все ближе к тому, чтобы уйти на дно...* (naviny.by rubrics, 28.11.2014).

Как показал анализ медиатекстов, фраза из песни группы Любэ «*Летят самолеты и танки горят*» в контекстах приобретает значение «участие в военных конфликтах» и, соответственно, фиксируется в текстах военной направленности: *Летят самолеты и танки горят. В Нагорном Карабахе снова полыхнуло. Конфликт вышел за рамки пограничного столкновения и на ряде направлений уже ведутся настоящие боевые*

действия (<http://newsmir.info>, 03.04.2016); **«Летят самолеты, и танки горят...»**. Осетинские ополченцы добивают грузинских солдат и дожигают грузинские танки (Живой журнал, 08.08.2008). Менее активно данная конструкция функционирует при описании социально-политических фактов: **Летят самолеты, и танки горят...Коротко на тему участившихся случаев гибели украинской боевой техники.** (<http://www.liveinternet.ru>, 22.03.2014); **Летят самолеты, и танки горят, а Порошенко уже командует** (Корреспондент, 27.05.2014); **«Летят самолеты и танки горят»...Подведены итоги седьмого городского конкурса объемных конструкций и макетов «И помнит мир спасенный...», посвященный Дню Победы** (<http://oniddtdm.blogspot.ru>, 11.05.2016).

Важной составляющей сферы воздушного транспорта является обучение полетам в воздушном транспорте. В тестах политических СМИ семантика обучения полетам транслируется с помощью фрагмента из песни Ю. Гуляева **«Мы учим летать самолеты»** и реализуется в контекстах, направленных на развитие образования в сфере авиации: **Мы учим летать самолеты: куда идут работать украинские пилоты** (<http://ukraina.ru>, 08.08.2017); **«Мы учим летать самолеты». 55 лет Школе летчиков-испытателей** (<http://testpilot.ru>); **Мы учим летать самолеты. В канун Дня Воздушного флота России Комсомольский авиационный завод имени Гагарина отпразднует свое 80-летие** (rigma.info, 13.08.2014).

К образовательной сфере в метафорическом переосмыслении относится название и строка из песни Ю. Гуляева **«Орлята учатся летать»** (1965). Как правило, в политическом тексте происходят разного рода трансформации и реализуются семантические компоненты «начинать», «вставать на ноги». Приведем пример структурно-семантической классификации:

1) трансформация конструкции без замещения субстантива с изменением семантики: **Орлята учатся летать. Политические противники Трампа всеми силами пытаются подрезать его соратникам крылья на взлете. Вчерашняя отставка советника по нацбезопасности Флинна показала, что одного из «орлят» Трампа сбить удалось** (ridus.ru, 15.02.2017). В данном контексте лексема «орленок» номинирует соратника, сподвижника по политической линии.

2) замещение субстантива **орлята** названиями государств с изменением семантики конструкции: **Северная Корея учится**

летать, а США не могут взлететь без России (bloknot.ru/obshhestvo, 09.03.2016); **Беларусь и Россия учатся летать вместе. Объединенная система ПВО России и Беларуси совместно с дальней авиацией провели самые масштабные в новейшей истории боевые учения** (naviny.by/rubrics, 06.04.2005).

3) замещение лексемы *орлята* другими зоонимами: **Цыплята учатся летать**. Свой пятый юбилей отметил созданный в рамках кыргызско-немецкого проекта «Политика рынка труда и занятость» Центр поддержки малого бизнеса (members.vb.kg, 14.11.2005); **Моржата учатся летать... самолетом МЧС России** (mchs.gov.ru, 25.06.2013).

4) замещение лексемы *орлята* неологизмами из социально-политической сферы с добавлением суффикса -ят-: **Кремлята учатся летать** (forum-msk.org/material, 15.04.2009); **«Хунтята» учатся летать... А ополченцы умеют метко стрелять!** (warfiles.ru, 21.09.2014).

Субъектами воздушного транспорта являются, прежде всего, люди, управляющие летательными аппаратами. В текстах политических СМИ через песенные инкрустации проводится ассоциативная связь между летчиками и политическими лидерами, действия которых ассоциируются с действиями героев из песен. Одной из актуальных для ассоциирования является песня В. Сюткина «*Любите, девушки, простых романтиков...*»: **Путин избирателям: «Любите, девушки, простых романтиков, отважных летчиков и моряков. Бросайте, девушки, домашних мальчиков, не стоит им дарить свою любовь»**. Одно из важных направлений идущей избирательной кампании Путина – грамотное конкурентное позиционирование, отстройка от образа Медведева. Медведев – «домашний мальчик», неженка-малыш, ботаник-знайка; сидит в кабинете, ведет скучные переговоры, отдыхает в резиденции, принимает Боно, ездит по заграницам, хомячит в Макдональдсе... (livejournal.com, 02.09.2010). Данный контекст выступает в роли антитезы со словами песни В. Сюткина. Образ Д. Медведева представлен противоположным образом отважного летчика; он – «домашний мальчик», который не предпринимает важных политических действий, поэтому не заслуживает «любви» избирателей.

При описании летчиков обращает на себя внимание низкая активность метафорического использования песен о летчи-

ках или лишь аллюзии на них: *Жириновский оценил работу Госдумы в 2014 на «тройку с тремя минусами». Для меня ЛДПР – это главное дело. Знаете, как название партии расшифровывается? «Лучшая демократическая партия России» или «Любите, девушки, простых романтиков»* (life.ru/t/новости, 01.01.2015). Так, В. Жириновский намекает на свою отважность, простоту, что является главной, по его мнению, причиной его лидерства в партии ЛДПР.

Интересным для ассоциирования является название марша авиаторов «*Все выше, и выше, и выше*», которое в медиатекстах становится предметом языковой игры. Это связано с наложением денотативного значения лексемы *выше* («за пределами, вне, сверх чего-нибудь» [Ожегов 2008: 157]) на значение *дороже, больше, лучше* (в контекстах о подорожании тарифов, увеличении доходов, повышении экспорта, росте прогресса), что отражает не перемещение в пространстве, а социально-политические изменения. Подчеркнем, что такие изменения могут быть как конструктивными, так и деструктивными: *Коммунальные тарифы: все выше и выше... С 1 июля увеличатся тарифы на тепловую энергию, водоснабжение и водоотведение* (i.ru/article, 29.04.2016); *Все выше и выше: газ для авто дорожает изо дня в день* (autocentre.ua, 23.08.2017); *Все выше и выше: доходы сенаторов от Коми выросли: Владимир Торлопов удвоил доход, Валерий Марков получил больше на 500 тысяч рублей* (komionline.ru, 21.04.2016); *Миранчук: сборная России продолжит подниматься все выше и выше* (sportfm.ru/news, 28.03.2016); *Заборы Шенгена: все выше, выше и выше... Европа тоже стоит перед выбором* (tvr.by/news); *Экспорт оружия – все выше, выше и выше* (go-cz.ru, 02.05.2016).

В современном воздухоплавании имеется множество средств передвижения, среди которых большой популярностью пользуется авиационный лайнер. В текстах политических СМИ это подтверждается словами из песни В. Кикабидзе «*Проводы любви*» «*По аэродрому, по аэродрому лайнер пробежал, как по судьбе*». Данная конструкция характерна для описания авиации в целом и ее отдельных компонентов (воздушных транспортных средств, действий субъектов, связанных с воздушно-транспортной системой): *По аэродрому по аэродрому лайнер пробежал как по судьбе. Аэропорт! Это слово навевает на разных людей разные же чувства* (<https://www.drive2.ru>). Харак-

терно, что лирический мотив песни сохраняется и в медиатекстах. Аэропорт может ассоциироваться не только с суетой, паспортным контролем, таможней и багажом, но и вызывать трепет, символизировать место встреч и расставаний. Как правило, данные строки из песни в медиатекстах актуализируют не романтические настроения, а проблемы авиатранспорта (аварии, задержки или отмену рейсов, авиационные вопросы и др.): **По аэродрому лайнер пробежал, как по судьбе. Кризис с Красэйро или необыкновенные приключения немцев в Томске. Отчего люди не летают как птицы?** (<https://flb.ru>, 06.09.2008); **Лайнер пробежал, как по судьбе...Последние дни выдались насыщенными авариями и стихийными бедствиями** (<http://versii.com>, 19.11.2013); **Лайнер пробежал, как по судьбе. В минувшее воскресенье выполнен последний рейс из Костаная в Германию** (<http://www.meta.kz>, 16.09.2008); **Лайнер пробежал, как по судьбе. Большая Россия проиграла маленькой Грузии, возобновив авиатранспортное сообщение между двумя странами** (РИА Новости, 26.03.2008); **Лайнер пробежал, как по судьбе. С понедельника самолеты РФ над нами не летают** (<http://newsmir.info>, 23.10.2015).

Таким образом, метафорический потенциал фрагментов песенных текстов при их реализации в медиадискурсе позволяет расширить и разнообразить систему образных средств, формирующих прагматику медиатекстов. Воздушные транспортные средства в денотативном значении включают в свое содержание интегральные компоненты 'перемещение' и 'скорость', значимые не только при характеристике транспортной сферы, но и при описании современной социально-политической и экономической ситуации. Именно такое взаимопроникновение различных сфер позволяет акцентировать внимание на универсалиях, ценных для той или иной лингвокультуры, экстраполировать зафиксированные в песенных текстах культурные коды на страницы газет, объективирующих социально-политические и экономические реалии.

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. – Екатеринбург, 2013. 168 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2001. 208 с.

Найденова Н. С., Мурадян А. А. К вопросу об исследовании песенного дискурса: лингвокультурный аспект // Вестник РУДН. – 2013. С. 96–100.

- Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Оникс, 2008. 1200 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М. : Астрель, 2008. 828 с.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / М. : Флинта, 2006. 254 с.
- Шевченко О. В. Лингвосомиотика молодежного песенного дискурса (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол.наук. – Волгоград, 2009. 220 с. .
- Шевченко О. В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2009. С. 242–249.

Н. Н. Николина
Екатеринбург, Россия

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена проблеме определения понятия «фоновые знания» и его значению в процессе межкультурной коммуникации. Анализируются различные подходы к определению понятий «реалии» и «фоновые знания», а также приводятся их классификации. Фоновые знания рассматриваются как способ приобщения к другой культуре.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *иностранные языки, языковая личность, языковая картина мира, межкультурная коммуникация, фоновые знания.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Николина Наталия Николаевна, бакалавр филологии, студент первого курса магистратуры филологического факультета, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
E-mail: nickolyasya@yandex.ru*

N. N. Nikolina
Ekaterinburg, Russia

BACKGROUND KNOWLEDGE ROLE IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

ABSTRACT. *The article is devoted to the problem of the definition of the notion “background knowledge” and its role in the process of cross-cultural communication. Different approaches to the definitions of such notion as “realias” and “background knowledge” are analysed and their classifications are presented. Background knowledge is considered as the way of enculturation.*

KEY WORDS: *foreign languages, language personality, linguistic world image, cross-cultural communication, background knowledge.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nikolina Natalia Nikolaevna, bachelor of philology, first-year master’s degree student, the Ural federal university, Ural state institute.*

Согласно Н. Д. Гальсковой, залогом формирования успешной вторичной языковой личности является развитие компетенции межкультурного общения наряду с развитием коммуникативной компетенции. Иными словами, подразумевается, что для успешного овладения иностранным языком и, в дальнейшем, межкультурного общения необходимо изучение не только самого иностранного языка на всех его уровнях, но и культуры изучаемого языка. Связано это с тем, что в рамках теории языковой личности одной из важных идей является идея о том, что язык в той или иной степени отражает «определенный способ восприятия мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 452], картину мира людей, говорящих на нем. Безусловно, представления о мире не могут полностью совпадать даже у всех носителей одного определенного языка, однако какие-то основные аспекты можно назвать общепринятыми. Говоря о русском языке, А. Д. Шмелев утверждает, что «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 452]. Но если представления о мире могут быть различны даже у носителей одного языка, то тем более они не конгруэнтны у носителей разных языков. Данный факт составляет одну из главных трудностей в процессе межкультурной коммуникации. Решением данной проблемы может выступать такой подход к изучению языка, при котором овладение иностранным языком означает не просто формальное его изучение, но и приобщение к другой языковой картине мира.

Таким образом, изучение иностранного языка подразумевает развитие языковой и концептуальной картины мира, то есть развитие когнитивных (интеллектуальных) аспектов личности. Данное развитие напрямую связано с овладением изучающими иностранный язык фоновыми знаниями.

Обращаясь к определению понятия «фоновые знания», стоит отметить, что на сегодняшний день существует несколько разнообразных подходов к проблеме фоновых знаний и, соответственно, несколько определений. Фоновые знания могут пониматься как вид «неявного знания» [Губанова 2010: 255] или

как «скрытая внеязыковая информация (имена исторических лиц, упоминания исторических событий, библейские, литературные и исторические аллюзии, подтекст)» [Томахин 1997: 130].

Наиболее часто упоминаемым является определение, данное О. С. Ахмановой, согласно которому фоновые знания (англ. *background knowledge*) – это «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [Ахманова 1966: 498].

О реалиях говорит и Г. Д. Томахин в своем учебном пособии «Реалии – американизмы». По мнению Г. Д. Томахина, именно реалии «являются компонентом фоновых знаний, необходимых для понимания иноязычного текста» [Томахин 1997: 5]. К реалиям Г. Д. Томахин относит «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [Томахин 1997: 5].

Однако, как указывает сам же Г. Д. Томахин, существует проблема двойного понимания реалии: «1) как предмета, понятия, явления, характерного для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, страны и не встречающегося у других народов; 2) как слова, обозначающего такой предмет, понятие, явление, а также словосочетания (обычно — фразеологизм, пословица, поговорка, присловие), включающего такие слова» [Томахин 1997: 11]. Несмотря на это, в переводоведении и лингвострановедении термин «реалия» укрепился в значении «слово», а не «предмет».

В данном значении, согласно Г. Д. Томахину, реалии являются безэквивалентной лексикой, и под ними следует понимать «слова, обозначающие предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны изучаемого языка, которые отличаются полностью или частично от лексических понятий слов сопоставляемого языка» [Томахин 1997: 6]. Таким образом, понятие «реалия» довольно обширно, так как охватывает несколько уровней жизнедеятельности представителей страны изучаемого языка. Это подтверждает и классификация реалий, которую приводит Г. Д. Томахин, в которой он выделяет:

1. Ономастические реалии:

а) географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации;

б) антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора;

в) названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и многие другие;

2. Реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой:

а) географические термины, обозначающие особенности природно-географической среды, флоры и фауны;

б) некоторые слова (в том числе, общеизвестные термины), относящиеся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, искусству, системе образования, производству и производственным отношениям, быту, обычаям и традициям, и другие.

3. Реалии афористического уровня (цитаты, крылатые слова и выражения).

Г. Д. Томахин также классифицирует фоновые знания по сфере их распространения:

1. Общечеловеческие знания (например, всем без исключения людям известны солнце, ветер, рождение, время и т.д.);

2. Региональные сведения (не все жители тропиков, например, знают, что такое снег).

3. Сведения, которыми располагают только члены определенной этнической и языковой общности (нации).

4. Сведения, которыми располагают только члены локально (жители данной местности) или социально замкнутой группы - в языковом плане это соответствует территориальным и социальным диалектам (например, названия местных географических объектов и связанные с ними ассоциации).

5. Сведения, которыми располагают только члены данного микроколлектива, такие как семья, учебная или производственная группа и т.п. (например, прозвища, известные лишь небольшому кругу людей, ассоциации, связанные с историей данного микроколлектива, происшествия, не выходящие за его пределы) [Карапетян, Мясковская 2012: 121].

По-другому к проблеме фоновых знаний подходят Е. М. Верещагин и Е. Г. Костомаров. В своей работе «Язык и культура» они говорят о лексическом фоне – «совокупности непонятных семантических долей (Сдолей)» [Верещагин, Костомаров 2005: 72-73]. Под семантическими долями авторы подра-

зумевают «элементарные понятия» [Верещагин, Костомаров 2005: 65]. Будучи производным от понятия «фоновые знания» (background knowledge), лексический фон является «компонентом лексической семантики, который ответствен за накопление, преобразование, хранение, а также отчасти и за активное производство национально-культурной информации» [Верещагин, Костомаров 2005: 73].

При этом исследователи подчеркивают, что лексический фон – это «явление общественного сознания», которое «устойчиво известно всем членам национально-культурной и языковой общности людей» [Верещагин, Костомаров 2005: 78].

Согласно Е. М. Верещагину и Е. Г. Костомарову, каждое слово вызывает у нас ряд ассоциаций, то есть обладает лексическим фоном, который и является хранителем знаний. Иными словами, каждое слово как «строевая единица языка» [Верещагин, Костомаров 2005: 147] является носителем знаний, то есть язык выполняет кумулятивную функцию. И эти накопленные знания передаются в процессе коммуникации.

Точку зрения Е. М. Верещагина и Е. Г. Костомарова о фоне разделяют и О. С. Ахманова и И. В. Гюббенет, но при этом они разводят два понятия: «фоновые знания» и «вертикальный контекст». Согласно их интерпретации, фоновые знания – это «социально-культурный фон, который характеризует воспринимаемую речь» [Ахманова, Гюббенет 1977: 47], а вертикальный контекст – это «историко-филологический контекст данного литературного произведения и его частей» [Ахманова, Гюббенет 1977: 49]. При этом фоновые знания относятся к объекту страноведения, а вертикальный контекст («историко-филологического минимума», определяемого знанием мифологии, произведений классиков древности, библии и произведений современников») – к объекту филологии [Сорокин 1998: 22].

А. Н. Крюков в своей работе «Фоновые знания и языковая коммуникация» выражает несогласие с таким разделением, настаивая на его искусственности, так как к вертикальному контексту могут относиться не только «образы литературных героев или героев мифологии, но и имена реальных исторических личностей» [Сорокин 1998: 22].

А. Н. Крюков полемизирует также и с Е. М. Верещагиным и Е. Г. Костомаровым. Прежде всего, А. Н. Крюков заявляет о несостоятельности понятия «лексический фон», так как его приходится объяснять через другое понятие – «семантические доли».

Он также не согласен с тем, что слово выполняет кумулятивную функцию: слово не «вместилище знаний» (по Е. М. Верещагину и Е. Г. Костомарову), «а лишь форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании» [Сорокин 1998: 27–28]. Продолжая свою мысль, А. Н. Крюков говорит о том, что одним и тем же знанием можно овладеть «в форме различных значений» [Сорокин 1998: 27–28].

Согласно выводам, сделанным А. Н. Крюковым, можно прокомментировать заявления, сделанные Е. М. Верещагиным и Е. Г. Костомаровым. Слово вызывает у говорящих определенные ассоциации, но чтобы эти ассоциации возникли, необходимо, прежде всего, овладеть невербальным знанием, которое после овладения либо входит в семантику слова, либо так и остается непривязанным к какому-то конкретному слову, то есть вообще не является языковым. Таким образом, прежде всего мы овладеваем знанием, а уже потом оно составляет семантику слова. Изначально такое знание является неязыковым, и, как утверждает А. Н. Крюков, «привязывание» фоновых знаний к лексеме методологически неправомерно» [Сорокин 1998: 25]. Однако порой экстралингвистическое знание «активируется» именно благодаря конкретному слову (или группе слов).

А. Н. Крюков призывает не ограничивать фоновые знания только лишь конкретными языковыми единицами: фоновое знание не должно обязательно быть привязано к какому-то определенному слову. Для примера он приводит роман индонезийского писателя Р. Муиса, в котором мать, убеждая сына жениться на девушке, особо подчеркивает тот факт, что он берет в жены дочь своего дяди. Далее для объяснения А. Н. Крюков использует термин «пресуппозиция», поэтому необходимо дать его определение. Согласно определению, данному в «Большом лингвистическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой, пресуппозиция (от лат. *proae* – впереди, перед и *suppositio* – предположение) (презумпция) – «термин лингвистической семантики, обозначающий компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически anomальное или неуместное в данном контексте» [Ярцева 1998: 396]. В данном случае пресуппозицией, которая эксплицируется в русском переводе, является тот факт, что такой брак является достойным. Как указывает А. Н. Крюков, данная пресуппозиция не привязана к какому-то конкретному слову,

«это факт смыслового уровня сознания, который хранится там, в данном случае, в виде обобщенного образа нормы поведения» [Сорокин 1998: 28].

Таким образом, можно сделать важный вывод о том, что фоновые знания не ограничиваются конкретными словами-реалиями (например, топонимами) – как это уже было указано ранее, но включают в себя знания, напрямую не связанные со значением конкретного слова (например, знание норм поведения при определенной ситуации).

В. С. Виноградов предлагает использовать понятие «фоновая информация», которое является более узким, чем понятие «фоновые знания», и определяется как «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Виноградов 2001: 36]. В. С. Виноградов подчеркивает, что фоновая информация – это «только те знания (сведения), которые отражены в национальном языке, в его словах и сочетаниях», не отрицая при этом, что фоновые знания могут быть и экстралингвистическими [Виноградов 2001: 36]. Помимо исторической и актуальной фоновой информации, он также выделяет долговременную и кратковременную, указывая, что именно кратковременная фоновая информация представляет сложность для понимания иноязычного текста, так как не отражается в словарях, в отличие от долговременной фоновой информации.

В данном подходе упор делается также на лингвистический характер фоновых знаний, поэтому более удачным определением понятия «фоновые знания», основанном на работах Е. М. Верещагина и Е. Г. Костомарова, Ю. Е. Прохорова, В. В. Сафоновой, кажется более подробное определение, которое дается в «Словаре методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина: фоновые знания – это «знания, характерные для говорящих на данном языке, обеспечивающие речевое общение, в процессе которого эти знания проявляются в виде смысловых ассоциаций и коннотаций, соблюдения норм речевого поведения носителей языка» [Азимов, Щукин 2009: 340].

Проанализировав существующие определения понятия «фоновые знания», можно выявить биполярную тенденцию, согласно которой фоновые знания характеризуются как знания лингвистические, то есть выраженные в языке, и экстралингвистические, то есть знания, которые содержатся в тексте импли-

цитно, не связанные с языковым значением какого-либо слова. Но фоновые знания не ограничиваются только какими-то конкретными словами (реалиями), они могут включать невербальные знания, то есть не выраженные в языке. Таким образом, определение понятия «фоновые знания» должно сочетать в себе две эти точки зрения, учитывать оба компонента. Создание такого определения может являться перспективой для дальнейших исследований в этой области.

Подводя итоги всему сказанному ранее, представляется возможным сделать вывод о важности фоновых знаний в процессе межкультурной коммуникации. Как указывает В. Н. Комиссаров, даже в условиях коммуникации представителей одной культуры «каждый из коммуникантов обладает своими фоновыми знаниями», которые, безусловно, являются для них общим, но не всегда конгруэнтны, поэтому «восприятие и понимание высказывания нетождественны» [Комиссаров 2002: 47]. Л. С. Бархударов, говоря об участниках коммуникативного акта, также указывает на то, что каждый из них «характеризуется наличием определенного опыта как лингвистического (знания об окружающем реальном мире), так и лингвистического (знание языка) характера» [Бархударов 1975: 33]. Если же мы говорим о межкультурной коммуникации, то, несмотря на то что представители разных культур обладают общими фоновыми знаниями, так как «существуют факторы, общие для многих или некоторых культур» [Комиссаров 2002: 71], процент общих фоновых знаний все же значительно меньше, что составляет определенную сложность для взаимопонимания коммуникантов. Важно также учесть, что необладание фоновыми знаниями может привести к не просто непониманию, но и искажению смысла высказывания, когда языковая картина мира одного из участников межкультурной коммуникации приписывается другому. В данном случае речь идет о лингвострановедческой интерференции, «в основе которой лежит перенос» одним из участников межкультурной коммуникации «навыков и сведений из привычной ему действительности во вторичную культуру» [Верещагин, Костомаров 2005: 118]. Владение фоновыми знаниями о культуре страны изучаемого иностранного языка поможет избежать данной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : ИКАР, 2009. 448 с.

Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. № 3. 47–54 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М. : Международные отношения, 1975. 240 с.

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Губанова Е. О. Неявное знание: сущность и виды // ЗПУ. – 2010. № 4. 253–256 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : Сборник статей. – М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Карапетян О. В., Мясковская Т. В. Сопоставительное лингвострановедение и фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Альманах современной науки и образования. – Тамбов : Грамота, 2012. № 4 (59). 120–123 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие. – М. : ЭТС. – 2002. – 424 с.

Сорокин Ю. А. Этнопсихоллингвистика / отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

Томахин Г. Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению : учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Высшая школа, 1988. 239 с.

Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь ; 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Т. П. Рогожникова

Омск, Россия

К ИСТОРИИ ДОКУМЕНТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОТ ПРОШЕНИЯ К ЗАЯВЛЕНИЮ

АННОТАЦИЯ. *В статье дается сравнительно-историческая характеристика текстов одной жанровой формы. Показаны жанровая и лингвостилистическая динамика документного текста, отражающая социокультурные условия его порождения.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *документный текст, жанр, коммуникативная ситуация, прошение, заявление.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Рогожникова Татьяна Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского». Адрес: 644077, г. Омск, проспект Мира, 55. E-mail: pmtr@mail.ru*

T. P. Rogozhnikova

Omsk, Russia

THE HISTORY OF DOCUMENTARY COMMUNICATION: FROM THE PETITION TO THE STATEMENT

ABSTRACT. *The article describes comparative historical characteristics of the texts of one genre type. Showcased the genre and formal dynamics of document text reflecting socio-cultural conditions of the generation.*

KEY WORDS: *document text, genre, communicative situation, petition, statement.*

ABOUT THE AUTHOR: *Rogozhnikova Tatiana Pavlovna, Doctor of Philology, professor, professor of chair of Russian, Slavic and Classical linguistics, Dostoyevsky Omsk State University.*

История документа как проблема документной лингвистики достаточно хорошо исследована в частных проявлениях, но слабо систематизирована. Методологически важными в этом отношении является постановка проблемы и выбор объекта исследования. Продуктивным представляется диахроническое изучение отдельных жанровых форм. Такой подход позволяет рассмотреть, с одной стороны, динамику жанра, а значит, затронуть такие внеязыковые сферы применения и бытования документа, как история культуры, социальная история, особенности коммуникативной ситуации при создании документа, с другой стороны – лингвостилистическую динамику, выводящую историю документного текста в область истории русского литературного языка, в частности истории функциональных стилей.

В качестве объекта исследования нами избран документный текст в жанре заявления, созданный в культурно-исторически и историко-лингвистически различных обстоятельствах. Жанровая форма, ее коммуникативно-прагматические особенности, языковые и стилистические признаки, документные свойства рассмотрены в сравнительно-историческом аспекте на примере жанра заявления, с выявлением специфики документа начала XX века, сравнением документов разных эпох в связи с изменением культурно-исторической ситуации, усилением стандартизации и унификации документного текста.

Переходя к истории жанра, определим основные понятия документной лингвистики, методически существенные для нашего исследования, из которых исходным следует признать документный коммуникативный процесс как систему действий по установленным правилам, действий, обеспечивающих обмен информацией и проходящих в формах, приемлемых для участников этого процесса. Участники последовательно осваивают ограничения, особенности и средства этого процесса.

Одним из центральных понятий документной лингвистики как особого направления в языкознании следует признать понятие типовой речевой ситуаций – устойчивой модели, включающей компоненты «адресат» (и связанные с ним «цель», «конвенциональность», «социальная роль», «самосознание», выбор принятых языковых средств) – «адресат» (и связанные с ним «цель», «конвенциональность», «социальная роль», «самосознание», выбор принятых языковых средств). Существенными

для типовой документной ситуации являются устойчивые отношения между характером ситуации и речевым поведением субъектов коммуникации; между однотипными ситуациями и выбором видовых групп знаковых средств; между повторяющимися реальными ситуациями и видами текстов; между сходными ситуациями и моделью или описанием такого речевого поведения, наиболее эффективных для участников в этих ситуациях [Кушнерук 2007: 22–28].

Результатом документной коммуникации является документный текст, принятый коммуникативным сообществом. При этом средства документного текста обладают специфическими свойствами: регулируемостью (унификация и стандартизация), ориентацией на письменную форму, неслучайностью (связь с конкретными ситуациями), консервативностью [Кушнерук 2011: 22–28].

Заявление как документный текст и часть документной коммуникации, реализуемая в типичной речевой ситуации, представляет собой внутренний служебный документ, предназначенный для доведения информации узкой направленности до сведения должностного лица.

История заявления в языковом и жанровом аспектах стала предметом исследования многих русистов [Качалкин 2003; Копосов 1991; Русанова 2012]. Особенно подробно этот вопрос освящается относительно ранних периодов истории делового языка (XVI–XVIII века). Результаты диахронических штудий позволяют представить движение заявления схематично – в виде поэтапных исторических изменений жанра: *жалобница*, *слезница* (XV–XVI века) – *челобитная* (конец XVI – середина XVIII века) – *челобитная*, *просьба*, *промемория* (XVIII век) – *прошение* (вторая половина XVIII – *заявление*, *прошение* (с начала XX века). Интересна история самих номинаций документа и его жанра: опираясь на этимологию названий жанра, можно проследить семантическую динамику от эмоций (цель – разжалобить) через просьбу с поклоном к просьбе и, наконец, заявлению (этимологически – ‘сделать явным, поставив в известность’).

Итак, к началу XX века сложилась схема заявления как документа с обязательными компонентами (адресат – заявитель – название документа – изложение сути вопроса – дата – подпись), системой реквизитов и рекомендаций по их расположению (наименование адресата, написание предлога *от*, положение названия документа, прописные – строчные буквы в наименовании документа, пунктуация после наименования, поло-

жения даты, подписи, приложений). В современном документо-ведении предложена также классификация заявлений в зависимости от коммуникативной цели: заявление – просьба, заявление – жалоба, заявление – объяснение, заявление – констатация [Чулкова: URL].

Однако стандартность документа в отношении его оформления касалась преимущественно его текстового вида, общей композиции и начального и конечного формуляра. Что касается основной части, шаблонность ее изложения и оформления к началу XX века не стала общепринятой нормой делового стиля. Характер документов этого времени наводит на мысль о существенной внеязыковой ситуации, повлиявшей на содержание прошений и форму его изложения.

Остановимся подробнее на одной из документных коммуникативных ситуаций, постепенно, как показывает современная документная сфера, ставшей типовой. Речь идет о ситуации восстановления утраченного документа об окончании учебного заведения и ходатайства о получении дубликата. Наша гипотеза заключается в том, что в связи с социально-историческими, культурными и языковыми изменениями развиваются языковые, жанрово-стилистические и прагматические способы и средства выражения компонентов ситуации – коммуникативных целей, адресанта и адресата.

Материалом для исследования послужили тексты документов из Государственного исторического архива Омской области, фонда, содержащего документацию Омской учительской семинарии, а также образцы документов с сайта Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Исторический документ – письмо-прошение воспитанника Омской учительской семинарии Андрея Шумакова, потерявшего свидетельство об успехах и поведении за 1913–1914 учебный год.

*Его высокородію Господину Директору
Омской учительской семинаріі*

*воспитанника приготовительнаго
класса Омской учительской
семинаріі Андрея Шумакова,*

покорнѣйшее прошеніе

*Получивши 27 мая с.г. предъ самымъ отъѣздомъ
свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи за 1913 – 14 учебный*

годъ, я какъ-то по-неосторожности его потерялъ. Въ настоящее время отецъ у меня его спрашиваетъ желая узнать о моихъ отмыткахъ. Краснѣя предъ Вами за свою неосторожность и въ то же время находясь въ неловкомъ положеніи предъ своимъ отцомъ, я покорно прошу Ваше Высокородіе не найдете-ли возможнымъ выслать мнѣ второе вышепоименованное свидетельство.

*Воспитанникъ Омской
учительской семинаріи
Андрей Шумаков
13 июня 1914 года*

Семинарист пишет директору Омской учительской семинарии письмо, которое в соответствии с современной жанровой классификацией деловой переписки относится к письмам-просьбам. Согласно исследованиям А. Н. Качалкина, «просительская документация» представляла особую группу в исполнительном делопроизводстве XIX – начала XX века, при этом по содержанию и оформлению выделяются *Прошения, Жалобы, Доносы, Отзывы*. В сравнении с прежними Челобитными у Прошений отмечается разновидности: *Исковые, Явочные, Встречные, Мировые* [Качалкин 2003].

Автор просит директора семинарии выдать повторно утерянное свидетельство об окончании очередного курса. В жанровом отношении просьба передается церковнославянским существительным *прошение*, сопровождаемым определением *покорнейшее* (что, впрочем, здесь не означает выделения особой поджанровой формы).

Структурно-композиционные признаки анализируемого текста в целом соответствуют правилам составления современного письма-ходатайства, заявления о чем-либо. В верхнем правом углу расположены реквизиты: адресат (директор семинарии) и адресант. В центре размещается самоназвание документа (*покорнѣйшее прошеніе*). Самоназвание документа выделено в тексте отдельной строкой. Далее следует основная часть, в которой воспитанник излагает свою проблему. Заключительная часть документа содержит реквизиты «адресант», «дата».

В начале текста воспитанник использует этикетное высказывание (вступительная форма вежливости) *Его Высокородію Господину Директору Омской учительской семинаріи*, соответ-

ствующее служебной иерархии и почтительным формам обращения к различным чинам в дореволюционной России. Кроме того, в самом названии документа содержится этикетное прилагательное *покорнѣйшее*, свидетельствующее об уважительном отношении к директору. Здесь проявляется общая тенденция языка деловой переписки: в предреволюционную эпоху деловой стиль в своем арсенале имеет большое количество церковнославянских языковых средств (*покорнѣйшее, воспитанника, семинаріи, прѣдъ*), в том числе в составе этикетных формул. Кроме этикетных церковнославянизмов следует отметить наличие деловой канцелярской терминологии (*вышешоименованный, в настоящее время, свидетельство*).

Между тем в основной части документа свободно излагается причина его написания, поэтому именно в этой части отмечаем меньшее употребление языковых штампов и большую свободу в выборе языковых средств. Просящий, имея своей целью добиться выполнения заявленной просьбы, при составлении документа пытается воздействовать на чувства того лица, к которому он обращается с просьбой. Здесь проявляется эмоциональная сторона прошения, поскольку просьба предваряется изложением сути дела, предмета просьбы – утери документа. Информативно избыточные компоненты (ссылка на отца – *въ настоящее время отецъ у меня его спрашиваетъ, желая узнать о моихъ отмыткахъ, находясь въ неловкомъ положеніи предъ своимъ отцомъ*; неопределенность в указании причины потери – *какъ-то по-неосторожности*), эмоционально-экспрессивные языковые средства (*краснея предъ вами, не найдете-ли возможнымъ*) необъяснимы с точки зрения стилистических норм функционального стиля).

Для объективности исследования подобных функционально-стилистических «отклонений» от стандартных официально-деловых норм необходимо учитывать социокультурные особенности коммуникативной ситуации порождения подобных прошений, выявленные при изучении архивного фонда учительской семинарии. Как явствует из документов, возможность получения бесплатного профессионального образования сделала учительские семинарии дореволюционной России особенно популярными среди малоимущих слоев населения. Вся жизнь семинаристов строилась в соответствии с религиозным календарем и православными ценностями. Образовательный процесс семинарии строился на регламентации и контроле, причем не только

во время учебных занятий, но и в свободное и каникулярное время. Контроль над поведением воспитанников осуществлял штат наставников: наставники-руководители, наставники-наблюдатели, наставники-дежурные. На заседаниях Педагогического Совета (о чем сообщается в протоколах заседаний педсовета) происходил подробный разбор проступков учащихся, за которые, в зависимости от их тяжести, накладывалось взыскание. Наказания варьировались от оставления после уроков в классе, снижения оценки за поведение, лишения стипендии на несколько месяцев, сообщения о проступке родителям, до радикальной меры – исключения из семинарии с обязанностью возратить стипендию за весь период обучения. Данное взыскание всегда применялась с резолюцией: *в виду нравственной испорченности или нет раскаяния и надежды на исправления*. Принадлежность воспитанников семинарий к малоимущим слоям населения не позволяла им рассчитывать на финансовую помощь родственников, уровень их жизни определялся размером стипендии. Регламентация жизни семинаристов, строжайшая дисциплина, ограничение связи с семьей и другие меры, направленные на предупреждение проступков, давали позитивный результат только в первые десятилетия деятельности учительских семинарий. Динамика проступков воспитанников старейшей в регионе Омской учительской семинарии показывает их тесную связь с общественными процессами предреволюционной поры, изменить которые не могла даже самая стройная система воспитания [Чуркина: URL].

Особые условия коммуникации (нетипичность ситуации утери, система наказаний, повышенный уровень ответственности) делают каждое информативно избыточное отклонение от стандарта, сообщающее заявлению-прошению жанровые признаки объяснительной записки, логически уместным, а церковнославянские единицы – уместными коммуникативно (выполняют убеждающую функцию).

Ситуация утери документа в ученической-студенческой среде по разным причинам становится типичной. Как именно эта тенденция отразилась на письме, показывает сравнительно-исторический анализ документных текстов разных эпох, составленных с временной разницей в столетие.

Современный документ – *заявление о выдаче дубликата* – представляет собой наглядный пример стандартизации и унификации документных средств. Это идеальная форма унификации –

бланк, представленный на сайте ОмГУ в разделе «Отдел кадров студентов», студенту необходимо только заполнить его. Типичный трафаретный формализованный текст, бланк-анкета, по определению нейтрализует всякие альтернативные толкования и состоит из частей, содержащих заранее известную информацию, и пробелов для вписывания меняющихся частей – постоянной и переменной. Заявление имеет набор реквизитов: адресат, адресант (*группа, дата рождения, гражданство, телефон, e-mail*), самоназвание, дата, подпись. Основная часть включает рубрики: «Прошу выдать мне дубликат» (варианты для выбора: *студенческого билета; зачетной книжки; диплома; приложения к диплому*); «в связи с» (*утерей; порчей; кражей; переменной личных данных*). Студенту необходимо всего лишь выбрать документ и указать причину, по которой он просит выдать дубликат. Следует отметить, что в строке «виза декана факультета» в бланк включена отметка *не возражаю*.

Сопоставление текстов двух эпох демонстрирует тенденцию к максимальной унификации документа как результата определенной коммуникативной ситуации. Прошения начала XX века демонстрируют переходный этап между трафаретностью (в обязательной части) и относительной свободой (содержание и форма основной части). В жанровом отношении письмо-прошение имеет более сложную структуру, нежели современное заявление, о чем говорит наличие в его составе таких речевых жанров, как информирование, извинение, просьба, мотивация просьбы, морально-этическая самооценка. В сравнении с прошением современное заявление в большей степени фактографично и информативно, стилистически нейтрально.

ЛИТЕРАТУРА

Качалкин А. Н. Названия документов в XIX веке // Русская речь. – 2003. № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vedi.aesc.msu.ru/russian/articles.php?id=6> (дата обращения: 23.09.2017).

Копосов Л. Ф. Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности. – М.: Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1991. 83 с.

Кушнерук С. П. Документная лингвистика. – М.: ФЛИНТА-Наука, 2008. 256 с.

Омская мужская учительская семинария Западно-Сибирского учебного округа, г. Омск // ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 732.

Русанова С. В. Челобитная в кругу региональных просительных документов XVIII в. // История регионального текста: жанр – стиль – язык. – Омск: Вариант-Омск, 2012. С. 56–72.

Чулкова С. Б. Лингвистические особенности документов разных жанров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/932739/> (дата обращения: 07.10.2015).

Чуркина Н. И. Уклад жизни воспитанников учительской семинарии Западной Сибири (вторая половина XIX- начало XX века) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/node/391> (дата обращения: 20 января 2016 г.).

Л. В. Попова

Миасс, Россия

**НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ НОМИНАЦИИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЖИ В ИСТОРИИ РУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. *Представлены результаты лингвокультурного анализа номинации юридической лжи в истории русского законодательства. Сопоставлены объективные термины и морально-оценочные номинации. Рассмотрено когнитивное содержание морально-оценочных номинаций, определена их связь с этнокультурными концептами. Этнокультурная специфика изучаемых номинаций подтверждена их неполноэквивалентностью при переводе на английский и немецкий языки.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *морально-оценочная номинация, неполноэквивалентная номинация, номинация юридической лжи, этнокультурная специфика юридической номинации, этнокультурный концепт.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Попова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Миасский филиал Челябинского государственного университета. Адрес: 456313, Челябинская обл., г. Миасс, ул. Керченская, 1. E-mail: mila_fil@mail.ru*

L. V. Popova

Miass, Russia

**NOT FULL-EQUIVALENCE OF NOMINATION OF JURIDICAL
LIE IN HISTORY OF RUSSIAN LEGISLATION:
ETHNO-LINGUO-CULTURAL ASPECT**

ABSTRACT. The article presents the results of the linguo-cultural analysis of nomination of juridical lie in history of russian legislation. Objective terms and moral-estimated nominations are compared. Cognitive contents of moral-estimated nominations is considered, their ratio to ethno-cultural concepts is defined. The ethno-cultural specifics of the studied nominations are confirmed with their not full-equivalence at the translation into the English and German languages.

KEY WORDS: moral-estimated nomination, not full-equivalent nomination, nomination of juridical lie, ethno-cultural specifics of juridical nomination, ethno-cultural concept.

ABOUT THE AUTOR: Popova Lyudmila Victorovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Philology, Miass Branch of Chelyabinsk State University.

Изучение истории русской юридической терминологии показывает, что полнота информации о семантике и функционировании профессиональных номинаций зависит от круга используемых источников. Так, при подготовке к публикации памятников права [Памятники... 1952–1961, Российское законодательство... 1984–1994] термины интерпретируются преимущественно с юридической точки зрения, с опорой на труды по истории государства и права. Семантические компоненты терминов и лексические варианты терминов, обладающие культурно-обусловленной функцией, не учитываются. В результате терминологические указатели к текстам позволяют составить представление о формальной стороне права, но не раскрывают его внутренней стороны (правосознания, правовой культуры).

Лингвокультурологическая информативность юридических текстов прошлого не вызывает сомнения у исследователей, непосредственно [Рогов 2006] или косвенно [Исаев 2001] изучающих правосознание и правовую культуру, отраженные в юридической лексике. Однако существующие работы этого направления пока не охватывают всего спектра терминологии и смежной с ней лексики. Недостаточно внимания уделяется созданию культурологического комментария к этноспецифичным номинативным единицам в сфере их функционирования. По нашему мнению, плодотворным будет совмещение юридической и лингвистической интерпретации для реконструкции лингвокультурного фона лексического слоя юридической речи. Результатом реализации такого подхода может стать осознание более широкой аудиторией (как профессионалов, так и непрофессионалов) исторической связи русского правосознания с национальной ментальностью. Верификация данной связи лежит в основе гипотезы нашего исследования.

Особое значение в этом исследовании имеют данные историко-лингвистической и лингвокультурологической лексико-

графии. Выявленные в ходе лексико-семантического и семантико-функционального анализа этнокультурные компоненты юридических номинаций должны иметь соотношение с категориями национального языкового сознания (или картины мира), описанными в лингвокультурологических словарях, а также в научной литературе. Кроме того, подтверждением этнокультурной специфики изучаемых терминов и их лексических вариантов может быть определение ограничения их межъязыковой эквивалентности. Данная работа является опытом межъязыкового анализа зафиксированных нами русских юридических номинаций, отличающихся от объективных обозначений наличием моральной оценочности.

Так, в номинативной группе «судебная ложь», наряду с объективными терминами *поклепный иск*, *нарядное дело*, *ложное челобитье*, *составные вымыслы / составные затѣйные отвѣты*, *воровство*, *неправда*, функционировали морально-оценочные номинации *лукавство* и *душевредство*.

Данный речевой феномен характерен для законодательства XVII века, основные нормы которого действовали вплоть до XIX века: Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года [Полное собрание... 1830, т. I, № 1], Указ Петра I от 21 февраля 1697 года «Объ отмѣнѣ въ судныхъ дѣлахъ очныхъ ставокъ, о бытіи вмѣсто оныхъ расспросу и розыску, о свидѣтеляхъ, объ отводѣ оныхъ, о присягѣ, о наказаніи лжесвидѣтелей и о пошлинныхъ деньгахъ») [Полное собрание... 1830, т. III, № 1572].

Термины *нарядное дѣло* (п. 179 гл. X), *поклепный иск* (п. 179, 186 гл. X), *поклепное дѣло* (п. 186, 187, 188 гл. X), *ложное челобитье* (п. 212 гл. X, п. 26 гл. XVI, п. 36 гл. XVII), *воровство* (п. 186, 188 гл. X) обозначали понятие «ложный иск» (как вид преступления и как преступление в целом) в главах X, XVII Уложения. Термины *неправда* (ложный иск, ложные показания и преступление в целом), *составные вымыслы / составные затѣйные отвѣты* (ложные показания ответчика и свидетелей) пришли на смену первой группе в Указе 1697 года. При этом в обоих нормативно-правовых актах (то есть на протяжении полувекового периода) заметное место в кругу данных терминов занимали предметно-процессуальные номинации *лукавство* и *душевредство* наряду с субъектными номинациями *лукавец* и *душевредец*. Детальный семантико-функциональный анализ позволил нам выявить признаки профессиональной адаптации данных лексем. Зафиксированы факты использования мораль-

но-оценочных номинаций 1) в дополнение к терминам, то есть в одном микроконтексте (в пределах того или иного пункта нормативно-правового акта); 2) в качестве заменителей терминов в семантически однородных контекстах; 3) в качестве предтерминов, то есть номинаций, предваряющих более поздние (XVIII век) термины с аналогичным значением 'клятвопреступление' (*лживая присяга, клятвопреступник*). В отношении к видовым терминам морально-оценочные номинации выступали семантическими эквивалентами, в отношении к родовым – семантическими уточнителями. Связь указанных номинаций с терминами не отражена правоведами в комментариях, терминологических указателях [Памятники... 1952–1961, вып. 6], терминологическом словаре [Исаев 2001].

Наряду с приобретенной в юридическом тексте терминологической функцией, адаптированные лексемы, по нашему мнению, сохраняли морально-оценочную функцию, закрепленную за ними этимологией (внутренней формой), семантикой и традицией употребления в неофициальных сферах коммуникации (бытовой, религиозной). Главными семантическими признаками лексем в исторических словарях русского языка названы следующие: *лукавство* – 'хитрость, изворотливость', 'коварство, зло', 'обман, неверность', 'неправедность, отступничество' [Словарь... 1789–1794, ч. III: 1328; Словарь... 1975, вып. 8: 299]; *душевердство* – 'нанесение душе вреда', 'неверность, клятвопреступление', 'обман', 'нарушение совести' [Словарь... 1789–1794, ч. I: 919; Словарь... 1975, вып. 4: 388–389]. Сопоставление выявленных сем позволяет обнаружить большую долю общности семантики двух лексем. Интегральными семами являются 'обман', 'злонамерение', которые соотносятся с гиперсемой 'недоброе совестность' (аморальность). Исходя из семантической структуры номинаций *лукавство* и *душевердство* можно описать лежащую в их основе когнитивную структуру: безнравственный человек, способный умышленно обманывать, предавать кого-либо для достижения личной выгоды, причинения вреда кому-либо. Этот образ, попадая в семантическое и когнитивное пространство юридической коммуникации, становится фоновым для образа преступника-лжеца, усиливая его негативную оценку моральным аргументом «ложь и предательство наносит большой вред душе не только лжеца, но и его жертвы». Облигаторность использования в юридической речи «неисконных» для права номинативных единиц свидетельствует об особом статусе вы-

ражаемых ими понятий в юридическом языковом сознании. Юридические понятия и нормы мыслились в тесной связи с моральными: безнравственность человека побуждает его к совершению преступлений.

«Неисконные термины», очевидно, создавали лингвокультурный фон юридической коммуникации, поскольку напрямую связаны с этнокультурными концептами «лукавство», «душа», «совесть»: *лукавство* – «хитрое криводушие, ловкость рук, запутывающая все обстоятельства, постоянный обман в делах и злонамеренность в помыслах»; «извилистый путь (*лука*) при совершении дела, и дело движется не душой и сердцем, а расчетом и недоброй волей»; *лукавство* «представлено как ущербность, как уклонение от честного пути <...>» [Колесов 2014: 419]; *душа* – «бессмертная жизнотворная сила человека в единстве разума, воли и чувства», «<...> та сила, которая стремлением к целостности, цельности и целостности личности объединяется с миром духовно и соборно, являясь воплощением духа в теле и определяя меру душевности – женской ипостаси духа <...>» [Колесов 2014, т. 1: 237–238]; *совесть* – «личное со-знание, нравственно оценивающее все проявления добра и зла в единстве чутья и чувства, души и духа, вызывая со-чувствие и активное соучастие в общем деле» [Колесов 2014, т. 2: 286]. Эти концепты, наряду с близкими им (*правда, праведность, добро* и др.), лежат в основе национального нравственного кодекса и, таким образом, своей актуализацией в когнитивном пространстве юридической коммуникации эксплицируют национальную специфику правосознания.

Для верификации выявленной этнокультурной специфики изучаемых юридических номинаций предпринята попытка их перевода на европейские языки. Получены следующие данные. *Лукавство* в английском и немецком языках имеет только неполные эквиваленты, которые соответствуют какому-либо одному значению русской лексемы, например: английские *slyness* 'хитрость', *dishonesty* 'нечестность', 'недобросовестность'; *insidiousness* 'коварство', *deception* 'обман', *fraud* 'мошенничество'; немецкие *die Schlauheit* 'хитрость', *die Unehrlichkeit* 'нечестность', *die Tücke* 'коварство', *der Betrug* 'обман', *die Gaunerei* 'мошенничество', *die Unzuverlässigkeit* 'недобросовестность'. Таким образом, русская лексема *лукавство* выражает уникальный комплекс семантических признаков, точно не передаваемый одной лексемой английского или немецкого языков. *Душевредство* в значе-

нии 'обман' имеет те же эквиваленты, что *лукавство*; 'клятвопреступление' – английское *perjury*, немецкое *der Meineid*; 'нарушение совести' – английское *violation (offence) of conscience*, немецкое *der Verstoß des Gewissens*; 'нанесение душе вреда' – *causing harm to soul, das Zufügen der Seele des Schadens*. Следовательно, русская лексема *душевредство* тоже уникальна, причем ее значения, прямо обусловленные национальными концептами «душа», «совесть», не передаются целостными лексемами и могут быть переведены только описательно.

Итак, комплексный анализ на данном этапе исследования подтверждает этноспецифичность номинации юридической лжи в истории русского законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М., 2001.

Колесов В. В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб., 2014.

Памятники русского права. Вып. 1–8. – М., 1952–1961.

Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. – СПб., 1830.

Рогов В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. – М., 2006.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – М., 1984–1994.

Словарь Академии Российской. – СПб., 1789–1794.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1975.

А. В. Сосипатрова

Кемерово, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКИХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена рассмотрению роли прецедентности при репрезентации феномена коррупции в российских средствах массовой информации. В настоящее время коррупционированность российского общества является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в современной массовой коммуникации. В исследовании демонстрируется разнообразие прецедентных текстов, иллюстрирующих феномен коррупции в российских средствах массовой информации (2000–2016 годы), выявляются значимые национально специфические для восприятия русского человека черты коррупции.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *медиадискурс, прецедентный текст, фразеология, литература, мифология, фольклор, концепт «коррупция».*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сосипатрова Алена Викторовна, студент второго курса магистратуры по направлению «Филология», Кемеровский государственный университет.*

Адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6.

E-mail: alena_cognitiv@mail.ru

A. V. Sosipatrova

Kemerovo, Russia

PRECEDENCE AS THE WAY OF JUDGEMENT OF THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN THE RUSSIAN MASS MEDIA

ABSTRACT. *Article is devoted to consideration of role precedence at representing a phenomenon of corruption in Russian mass media. Now corruption of the Russian society is one of the most actual and discussed subject matters in a modern mass communication. In research demonstrates various of precedences texts illustrating a phenomenon of corruption in the Russian mass media (2000-2016), come to light meaningful national specific to perception of the Russian person of feature of corruption.*

KEY WORDS: *discourse of mass-media; precedential text; phraseology; literature; mythology; folklore; concept of corruption.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sosipatrova Alena Viktorovna, Second Year Masters Degree Student in the Field of «Philology», Kemerovo State University.*

Современный дискурс СМИ отличается особой образностью и метафоричностью, стремлением максимально зримо представить информацию и воздействовать на читателя. В лингвистической науке активно изучаются изобразительные, стилистические особенности медиадискурса. Отсутствие жесткой цензуры, стремление к привлечению аудитории приводит к повышению выразительности медиадискурса: «Журналисты печатных изданий <...> форсируют выразительную сторону высказывания, “нарезая” новые слова, монтируя цитаты, обрушивая на читателя шквал “чужой” для публицистического стиля лексики» [Сметанина 2002: 42].

Однако выразительность современных СМИ достигается не только использованием различных коммуникативных стратегий и тактик, стилистических тропов, но и отсылкой к прецедентным текстам. Система прецедентных феноменов является одним из наиболее значимых инструментов трансляции национально-культурного наследия народа от поколения к поколению и одновременно способом объединения народа на основе его культурных ценностей и нравственных норм. Прецедентные феномены зачастую выступают в качестве нравственных эталонов нации, фиксирующих оценку реальности и восприятие ее представителей. Использование в масс-медиа прецедентных текстов не только повышает экспрессивность текста, но и апеллируя к глубинным структурам национального сознания, оказывает наиболее сильное и эмоциональное воздействие на читателя.

В научный обиход определение прецедентного текста ввел Ю. Н. Караулов, отметивший, что прецедентные тексты – это тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216].

Применительно к медиадискурсу можно говорить об использовании прецедентных текстов из разнообразных сфер: истории, литературы, киноискусства, музыки и т.д. Источниками прецедентных текстов могут также стать известные политические лозунги, литературные цитаты и цитаты из художественных фильмов, фразеологизмы, пословицы, поговорки, фольклор.

Объектом рассмотрения данной статьи является концепт «коррупция», **предметом** – прецедентные тексты, репрезентирующие коррупцию в современном медиадискурсе.

Проблема коррупции сегодня занимает особое место в российском государстве. Согласно данным международной неправительственной организации Transparency International, представляющей информацию об общем уровне коррупции различных стран в виде «Индекса восприятия коррупции» (ИВК), российское государство в рейтинге коррумпированности последние годы стабильно занимает низкие места, что свидетельствует о широком распространении коррупции в России.

При характеристике феномена коррупции современные СМИ часто обращаются к различным прецедентным для русской культуры текстам, что говорит о значимости данного явления и заинтересованности в нем общества. Анализ прецедентных текстов, участвующих в образном представлении коррупции в СМИ, позволит выявить базовые национально специфические для восприятия россиян черты коррупции.

Одним из видов прецедентных текстов, наиболее активно используемых российскими СМИ, выступают фразеологизмы, то есть «устойчивые обороты речи, идиомы» [Ожегов 2010: 686]. Так, например, фразеологизм **«Две стороны одной медали»**, употребляемый для характеристики двух противоположных, но неразрывно связанных явлений, иллюстрирует тесную взаимосвязь таких явлений, как коррупция и монополизм: *Как известно, монополизм и коррупция – две стороны одной медали* (Труд-7, 2005). Фразеологическое выражение **«бить по карману»** вошло в русскую лингвокультуру **из устного торгово-промышленного диалекта**. В современном русском языке фразеологизм относится к разговорно-фамильярному стилю устной речи и имеет значение «причинять убыток, ущерб кому-либо» [Молотков и др. 1978: 36]. Использование данного фразеологизма помогает СМИ акцентировать внимание читателей на разрушительном, пагубном влиянии коррупции для российской экономической

системы: Считаю, что **коррупция** в милиции еще сильнее **бьет по нашим карманам**, чем подорожавшее масло и сыр (Труд-7, 2007).

Важнейшим для мировой и отечественной культуры прецедентным текстом является Библия. Не удивительно, что Библия становится также богатым источником для различных высказываний и цитат, ставших впоследствии фразеологическими. Библейские фразеологизмы встречаются и в дискурсе о коррупции в СМИ, приобретая при этом дополнительные смысловые оттенки, не связанные с религиозным дискурсом. Так, например, фразеологизм **«камень преткновения»** восходит к тексту Ветхого завета и встречается в Книге пророка Исаии. Согласно Библии, Бог положил в Сионе камень преткновения (от церковно-славянского «преткнуться» – споткнуться), о который спотыкались все неверующие и несоблюдающие законы [Дубровина 2010: 285]. Выражение «камень преткновения» впоследствии стало обозначать непреодолимое препятствие, нерешенную проблему, серьезное затруднение в каком-либо деле: **Коррупция была камнем преткновения на пути в ЕС для Софии и Бухареста** (РБК Daily, 2007). Для некоторых стран в современном мире коррупция становится серьезным препятствием для вхождения в европейский союз.

В СМИ для иллюстрации феномена коррупции используется еще один библейский фразеологизм, встречающийся в Ветхом завете: **Потому что уже давно притчей во языцех стали истории из жизни разных отраслей нашей экономики о том, как украинские партнеры подвели или сознательно обманули иностранцев, или о гримасах отечественной коррупции (как социальной, так и элитарной)** (Бизнес (Киев, Украина), 2016). Слово «языцы» на церковно-славянском языке имеет значение «народы», «племена», а «притча» – это «иносказательный рассказ с нравоучением» [Ожегов 2010: 487]. Таким образом, фразеологизм **«притча во языцех»** обозначает то, что для всех людей в обществе служит предметом неодобрительных разговоров, сплетен и т.д. А поскольку коррупция в современном обществе широко распространена, стали привычными рассказы о различных ее проявлениях в разных слоях населения и на разных уровнях власти.

Современные СМИ эксплуатируют также устойчивый в христианском миропонимании образ «горькой чаши», который восходит к фразеологизму **«Испить горькую чашу»**. Данный образ символизирует страдания, жизненные испытания, которые

человек должен вытерпеть до конца, чтобы «очиститься» от грехов. Коррупция же выступает как одна из преград на пути человека к благополучной и праведной жизни: ***И хлебнули полную чашу неприятностей, свойственных российской глубинке: недоверие, подозрительность, коррупцию, наезды браконьеров и лесных воров...*** (Утро России (Владивосток), 2015).

Устное народное творчество составляет значительную часть прецедентных текстов в дискурсе о коррупции. Фольклор включает в себя русские народные сказки и пословицы, которые используются для репрезентации коррупции в СМИ. Так, например, фразеологическое выражение ***«молочные реки, кисельные берега»*** восходит к сказке о царе Горохе и символизирует беззаботную и свободную жизнь с изобилием всего желаемого: ***Впрочем, говорить о том, что коррупция закована в «граничные берега», а не течет «молочной рекой» по «киселю» правосудия, можно будет только тогда, когда Фемида начнет наказывать не только олигархов, но и тех чиновников, благодаря которым олигархи и появились*** (РБК Daily, 2004). В данном контексте сказочная формула демонстрирует ситуацию с коррупцией в современном мире: созданы все условия для беспрепятственного и широкого распространения коррупции в обществе. Глагол «заковать» в отношении коррупции подчеркивает необходимость ограничения ее распространения, однако для этого пока не приняты необходимые меры.

Иногда достаточно только опоры на структуру пословицы, так как формальное сходство вызывает необходимые ассоциации, подсказывает воспринимающему исходный вариант прецедентного текста: ***Предполагалось, что таким нововведением будут убиты как минимум два «зайца»: «серый» импорт и коррупция среди таможенных чиновников*** (Труд-7, 2001). Такое построение высказывания наталкивает читателей на исходный прецедентный текст. Это русская народная пословица ***«За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»***, возникшая благодаря практическому опыту охотников. Как и любая пословица, она имеет поучительный характер. Смысл пословицы заключается в том, что нельзя заниматься одновременно несколькими делами, потому что в таком случае не добьешься успеха ни в одном. Опыт борьбы с коррупцией также показывает, что необходим специальный государственный орган, направленный только на разоблачение и устранение коррупционных отношений в обществе и не решающий другие государственные вопросы.

Сходное смысловое наполнение имеет пословица **«У семи нянек – дитя без глазу»**, которая учит тому, что за каждое дело должен отвечать один конкретный человек. Если же за дело берется сразу несколько человек, то, вероятнее всего, дело завершить не удастся из-за несогласованности их действий. Каждый будет надеяться и перекладывать ответственность на другого при этом сам ничего делать не будет. Как показывает дискурс СМИ, так происходит и в деле борьбы с коррупцией: **У семи нянек – коррупция без глазу**, – попытался подколоть Игоря Владимировича обозреватель «АН» (Аргументы недели, 2015).

Меткое выражение **«Рыба гниет с головы»**, встречающееся впервые еще в сочинениях древнегреческого философа Плутарха, впоследствии стало общеизвестной пословицей, метафорический смысл которой сводится к тому, что все проблемы и беспорядки в какой-либо среде или коллективе начинаются, прежде всего, с управляющих лиц, то есть начальства: **Способен ли Путин изменить ситуацию, ведь рыба гниет с головы, и коррупция, судя по всему, начинается с его окружения?** («Красное знамя» (Республика Коми), 2012). С помощью данной пословицы журналистам удастся обратить внимание общества на существование коррупции в высшей законодательной власти, которая призвана бороться с коррупцией. Таким образом, чтобы устранить коррупцию, начинать нужно именно с первых лиц государства.

Большой корпус прецедентных текстов в дискурсе о коррупции основан на мифологии. В современной массовой коммуникации миф о непобедимости, древности и запущенности российской коррупции может реализовываться с помощью обращения к древнейшим мифологическим образам (Например, Горгона Медуза, Дракон, Лернейская гидра, Спрут, Левиафан и т.д.) [подробнее см.: Сосипатрова 2017: 79–85]. Одним из примеров обращения к мифологии является миф о древнегреческом герое Геракле, шестым подвигом которого было очищение конюшен Авгия, царя Элиды. Согласно мифу, скотный двор был переполнен навозом, так как не очищался 30 лет. С помощью своей хитрости и силы Геракл очистил конюшни за один день, направив через них воду двух рек. В настоящее время возникшее благодаря мифу устойчивое выражение **«авгиевы конюшни»** применяется для обозначения очень грязного помещения, сильного беспорядка, либо запущенности, нерешенности какой-либо проблемы: **В силовых структурах выявлен гигантский размах**

издоимства. Похоже, главная военная прокуратура и Следственный комитет при Генпрокуратуре всерьез решили **почистить «авгиевые конюшни» коррупции в армии и других силовых структурах** (Комсомольская правда, 2008). Мы видим, что миф помогает журналистам ярко и образно сказать о широкой распространенности и безнаказанности коррупции в некоторых государственных структурах.

При характеристике феномена коррупции наблюдается использование прецедентных цитат, имен, образов из художественной литературы. СМИ обращаются как к русской, так и к зарубежной литературе. Примером обращения к русской литературе может служить поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Имя данной исторической личности известно каждому члену русского лингвокультурного сообщества из курса истории России, а фраза **«живее всех живых»** из поэмы В. В. Маяковского, характеризующая В. И. Ленина, давно уже стала знаменитой: *Но все без толку. Коррупция по-прежнему живее всех живых. И как с ней бороться, никто до сих пор придумать не может* (Известия, 2006). Смысл, который поэт вкладывал в слова «живее всех живых», написанные в год смерти В. И. Ленина, заключался в том, что, несмотря на гибель вождя мирового пролетариата, его дело будет продолжено, а значит, и он сам будет «жить» вечно в памяти народа. Однако применительно к феномену коррупции данная фраза приобретает метафорический смысл, иллюстрируя непобедимость и устойчивость коррупции в государстве. Никакие существующие методы пока не помогают полностью устранить коррупцию в обществе. Таким образом, признается беспомощность человека перед коррупцией.

Примером обращения журналистов к зарубежной литературе является использование отсылок к роману **«Гаргантюа и Пантагрюэль»** французского писателя Франсуа Рабле, главным художественным методом которого являлся гротеск, то есть преувеличение. Гротеск помогал писателю в его сатирическом представлении действительности. Так, в романе существуют два главных героя-великана Гаргантюа и Пантагрюэль, имена которых ассоциируются в сознании у читателей с огромным размером, величием и мощью: *Остальное очевидно: гаргантюанская коррупция, теракты, кланы, горские обычаи, нефть, «Гюльчатай, открой личико»* (Комсомольская правда, 2005). Именно поэтому прилагательное «гаргантюанская», обра-

зованное от имени одного из героев романа, применительно к коррупции актуализирует признак огромного размера, широкой распространенности данного явления.

Прецедентными для русского человека являются также названия некоторых исторических документов, которые сыграли важную роль в историческом развитии страны. Таким документом, например, является «**Табель о рангах**», утвержденная царем Петром I и состоявшая из таблицы с перечнем всех существующих в обществе чинов, ранжированных по 14 классам. С появлением этого документа важным регулятором продвижения по службе стала личная выслуга, а не социальное положение человека. Однако в современной массовой коммуникации актуализируется только основное прототипическое значение – список в определенном порядке: *Лидируют в этой своеобразной табели о рангах коррупции гаишники* («Совершенно секретно», 2003). С помощью указания на данный прецедентный текст СМИ завуалировано внедряют в сознание читателей идею о том, что наибольшее количество случаев коррупции по сравнению с другими государственными органами зафиксировано в Госавтоинспекции.

Таким образом, с помощью обращения к прецедентным текстам журналисты успешно выполняют сразу две основные функции СМИ – информативную и суггестивную. Поскольку, с одной стороны, любой прецедентный текст отсылает читателей к какой-либо известной типичной ситуации и тем самым передает необходимую информацию, а с другой стороны – идея журналиста выражается не прямо и открыто, а в имплицитной, часто метафорической форме, что дает возможность «читателю интерпретировать происходящее самостоятельно (но в заданном массмедиа направлении), то есть, по сути, создает у читателя иллюзию объективности изложения, соответственно, процесс влияния на читателя становится неясным, а потому и более эффективным» [Кондратьева, Баумтрок 2017: 66].

Использование прецедентных текстов позволяет российским СМИ позиционировать коррупцию как укоренившееся разрушительное общественное явление, акцентировать внимание читателей на таких признаках коррупции, как ее глобальная распространенность и безнаказанность. Прецедентность в российских СМИ помогает также эксплицировать возможные причины появления коррупции, указать на ее связь с другими общественными явлениями в государстве, выявить существующие проблемы в современных методах борьбы с коррупцией.

ЛИТЕРАТУРА

Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М. : Флинта: Наука, 2010. 808 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. 263 с.

Кондратьева О. Н., Баумтрок И. А. Метафорическая репрезентация инфляции в российском медиадискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. № 7. С. 66–70.

Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под. ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереот. изд. – М. : Русский язык, 1978. 543 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс : Мир и образование, 2010. 736 с.

Сметанина С. И. Медiateкст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 383 с.

Сосипатрова А. В. Мифологизация коррупции в дискурсе российских масс-медиа // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник науч. ст. / отв. и науч. ред. Б. Я. Шарифуллин. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. Вып. 8 (17). 373 с.

Е. М. Усланова
Кемерово, Россия

ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРИКА В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале «Сокровища духовного,
от мира собираемого» Тихона Задонского)

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются особенности функционирования фитоморфных метафор в религиозном дискурсе. В качестве примера описаны метафоры в наследии Тихона Задонского. Фитоморфные метафоры выступают одним из важных способов представления различных аспектов религиозной жизни, акцентируют внимание на причинно-следственной взаимосвязи духовных процессов в религиозной жизни человека, призваны отразить идею естественности и непрерывности развития жизни, показать тесную взаимосвязь между человеком и природой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; метафорическое моделирование; религиозный дискурс; фитоморфная метафора; фрейм; слот.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: магистрант второго курса Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет.

Адрес: 650000, Кемерово, ул. Красная, д. 6

E-mail: elenka070892@mail.ru

E. M. Uslanova
Kemerovo, Russia

PHYTOMORPHIC METAPHOR THE RELIGIOUS DISCOURSE
(in the article "Spiritual Treasures from the world gather"
Tihon Zadonskij)

ABSTRACT. This article deals with the features of the functioning of phytomorphic metaphors in religious discourse. As an example, metaphors are described in the legacy of Tikhon Zadonsky. Phytomorphic metaphors are one of the important ways to represent various aspects of religious life, emphasize the causal relationship of spiritual processes in the religious life of man, are designed to reflect the idea of naturalness and the continuity of life development, to show the close relationship between man and nature.

KEY WORDS: *cognitive linguistics; metaphoric modeling; religious discourse; phytomorphic metaphor; frame; slot.*

ABOUT THE AUTHOR: Uslanova Elena Mikhajlovna, master's student 2 courses the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications Kemerovo State University.

Представление человека об окружающем его мире формируется посредством усвоения опыта предшествующих поколений, зафиксированного в языке. В связи с этим невозможно не обратить внимания на вопрос о функционировании метафоры и способах ее репрезентации в конкретном языковом сообществе. В настоящее время особое внимание уделяется описанию метафорических моделей с учетом специфики их функционирования в различных типах дискурса. Специфика национальной метафорической картины мира особенно ярко проявляется на материале текстов, относящихся к религиозному типу институционального дискурса. Именно религиозный дискурс оказал огромное влияние на формирование менталитета русской нации, поскольку является древнейшим типом институционального общения [Кондратьева 2012: 191].

Задача данной статьи – описать специфику фитоморфной метафоры в религиозном наследии Тихона Задонского, крупнейшего православного религиозного просветителя XVIII века, автора сборника «Сокровище духовное, от мира собираемое».

Одной из традиционных понятийных сфер для религиозной картины мира выступает фитоморфная метафора. По мнению А. П. Чудинова, в основе фитоморфных образов «лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором все имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен» [Чудинов 2001: 149].

Включение знаний о растительном мире в систему характеристики человека носит универсальный характер и по сути является закономерным этапом в развитии человеческого знания о самом себе, что тесно связано с поиском и расширением знаний о человеке, в сравнении с миром природы. Следовательно, растительная лексика способна охарактеризовать различные сферы человеческого бытия: внешний и внутренний мир человека, этапы жизненного цикла, а также систему взаимоотношений человека с Богом. Причины этого явления восходят к

определенному периоду в древности, когда сознание человека было предельно мифологизированным. Человек мыслил себя в неразрывной связи с миром природы, это во многом определяло восприятие и познание мира, а также способ мышления, который в настоящее время понимается исследователями как слитый, нерасчлененный – *синкретичный*. Многие события в жизни человека осмысливались через призму жизни растительного мира, и эта взаимосвязь неизменно отражалась в языке народа.

Древнерусская культура «также активно использовала метафорический потенциал растительной лексики для концептуализации различных сфер действительности» [Балашова 1998, Кондратьева 2005, Кропотухина 2011].

В процессе исследования было выявлено, что в авторской картине мира Тихона Задонского фитоморфная метафорическая модель представлена следующими фреймами: «Состав царства растений», «Жизненный цикл растений», «Места произрастания растений», «Части растения», «Выращивание растений».

1. Фрейм «Состав царства растений». Как правило, основным источником метафорической экспансии служат обобщенные наименования растений: *растение, трава, цветок, куст, дерево*, значительно реже встречаются наименования их конкретных разновидностей. Основанием для метафорического переноса служат типичные свойства растений.

На базе рассмотренного материала удалось установить, что для авторского сознания Тихона Задонского основным источником метафоризации религиозной жизни служит **концепт «Дерево»**. Связано это, прежде всего, с особым статусом «*дерева*», по сравнению с другими концептами данной сферы-источника, как для мифологии, так и для религии. Достаточно упомянуть об образе «*мирового древа*», являющегося мифологическим архетипом и объединяющим все сферы мироздания. В славянской мифологии «*мировое древо*» или «*древо жизни*» представляет собой мировую ось и выступает символом мироздания в целом.

В библейской традиции тоже есть упоминание о символических деревьях: «древо жизни» и «древо познания добра и зла», произрастающие в Эдемском саду. Деревья в этом саду несли в себе потенциал как благословения (бессмертия), так и проклятия (плод, ведущий к смерти) [Словарь библейских образов 2005: 264]. Следовательно, можно судить о двойственности символа древа в Библии.

Образ дерева используется Тихоном Задонским для осмысления фигуры человека в целом и христианина в частности. Как правило, автор осуществляет прямое сравнение человека с деревом на основании сходства основных жизненных этапов: рождение, рост, созревание, плодоношение и увядание. При этом основным приемом сравнения является параллелизм, жизнь человека уподобляется жизни растения, и в частности дерева: *Поэтому он [человек] уподобляется дереву, посаженному при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не отпадет; и во всем, что он ни делает, преуспеет.* Для осмысления фигуры человека автор использует образ дерева, при этом сравнение, как правило, основано на таких свойствах, как устойчивость, крепость, способность сопротивляться природным катаклизмам.

С целью создания образа честного, благородного человека, а также для акцентирования внимания на фигуре пастыря Тихон Задонский в качестве метафоры использует образ «высокого дерева»: *Будь [христианин] как дерево высокое, которое корень свой глубоко в землю пускает, и тем держится и не падает от ветра и бури.*

Для автора актуально сравнение на основании единичности – множественности (дерево – лес), а также положительных – отрицательных качеств человеческой природы (высокий – низкий). Здесь же нужно отметить слияние двух типов метафор: фитоморфной и пространственной. Как было отмечено основателями концепции когнитивной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, освоение мира человеком происходило посредством пространственных метафор, поскольку именно данный тип организовывал ориентацию в пространстве [Лакофф 1990: 25]. Отсюда и возможность осмысления нравственных категорий через сферы «высокого» и «низкого».

В рассмотренных контекстах пространственная метафора является первичной, с ее помощью происходит понимание нравственных поступков человека. Фитоморфная же метафора необходима автору для создания яркого, наглядного образа, который будет понятен прихожанам.

Совершенно очевидно, что пастырь, или достойный христианин, уподобляется «высокому дереву», здесь на первый план выходят такие характеристики, как избранность, укорененность в религии, способность противостоять соблазнам и искушениям. Напротив, подлые люди уподобляются «низкому лесу», по прин-

ципу многочисленности, неустойчивости в религии, гибкости (= изменчивости): **Как дерево высокое посреди низкого леса, так человек, в чести пребывающий, посреди подлых людей.** Тихон Задонский осознает, что любой человек может поддаться греху, однако масштаб последствий зависит от личности: **Когда высокое древо, стоящее посреди низкого леса, падает, то далеко слышно его падение и много низкого леса, близ себя стоящего, сокрушит.** Так и когда в великий грех впадает пастырь или иной какой властелин, далеко о падении его прослышат, и многих соблазнят; **Далеко будет слышно падение их [великих], как высоких упавших деревьев.**

В авторской картине мира Тихона Задонского благочестивый, духовно мыслящий христианин сравнивается с «добрым деревом»: **Что доброе дерево, то и христианин добрый, духовно мыслящий; Доброе дерево познается по добрым плодам его. Так и добрый христианин познается по добрым делам; Доброе дерево всем без разбора, домашним и чужим, плоды свои дарит. Так и добрый христианин всем, друзьям и врагам, знакомым и незнакомым, добро творит.**

Концепт «дерево» в авторской картине мира Тихона Задонского используется при осмыслении образа «сердца», который в определенных ситуациях тождественен «душе». При этом сердце человека может быть сродни «прямому дереву», а может уподобляться «кривому дереву», подточенному изнутри червями: **Что прямое и кривое дерево, то правое и неправое сердце; Как червь внутри дерева, это зло внутри сердце твоё и душу твою будет снедать и мучить.**

2. Фрейм «Жизненный цикл растений». Зачастую фрейм «Жизненный цикл растения» метафорически представляет процесс развития субъекта или явления. Как правило, для реализации данной цели используется лексика, принятая для обозначения основных этапов жизни растения: *укореняться, прорасти, давать ростки, расти, цвести, созревать и приносить плоды.*

2.1. Слот «Завязывание и прорастание. Рост». Процесс зарождения, появления и роста регулярно уподобляется процессу укоренения или прорастания семени. В авторском сознании Тихона Задонского метафорически переосмысливаются следующие лексемы: *укореняться, углубляться, приниматься* (в значении укореняться), *вкорениться, возрастать, вырастать* и пр.

В своей основе авторской переоценке подвергается процесс духовного просвещения. Так «слово Божие», которое несет

в себе значение истины, духовного откровения, регулярно уподобляется семени, упавшему на сердце человека. Процесс познания божественного откровения может быть представлен в виде прорастания и укоренения этого семени. Однако данный процесс чрезвычайно сложен, поэтому человек должен приложить максимум усилий, чтобы знание прижилось в его сердце, а следовательно, и душе. Показательно, что процесс познания духовных истин происходит посредством *сердца*, а не *разума*. Это, в свою очередь, отражает недопустимость рационального осмысления «слова Божия», которое человек может только прочувствовать: *Слово Божие, упавшее на сердцах человеческих, но не углубленное и не укоренившееся, хотя и с радостью принимается, однако от нашего искушения, печали и гонения, лишается сладкого своего плода, и так бесплодно бывает; Слово Божие, услышанное или прочтенное, нужно углубить и укоренить в глубинах сердца, и в нем день и ночь поучаться.*

Отметим, что процесс зарождения в авторской картине мира имеет не только положительный вектор, поскольку прорасти и укорениться в человеческом сердце могут «греховные страсти», оказывающие негативное воздействие на человеческую душу: *Рождается всякая злая страсть, пока еще не вкоренилась в сердце и не застарела, без труда от человека изымается; Застарелая страсть, в сердце человеческом глубоко вкоренившаяся, с великим неудобством и трудом исторгается.*

Как и процесс познания, процесс избавления от страсти требует от человека волевых усилий. В рассмотренных контекстах *страсть* сравнивается с молодым или застарелым ростком, как следствие, процесс избавление от страсти также представлен посредством фитоморфных образов: *Исторгай страсти и похоти из сердца твоего, пока они еще молоды и не возросли, — да не умертвят, вырастая, душу твою; Застарелая страсть, в сердце человеческом глубоко вкоренившаяся, с великим неудобством и трудом исторгается.*

2.2. Слот «Плодоношение». Метафорическое значение в пределах данного слота развивают лексемы *плодоносить* и *плод*. Метафоры плодоношения являются наиболее частотными в религиозном дискурсе, и, как правило, отражают результат духовной работы человека: *Так и слово Божие, когда слышат его «добрые сердца», плод свой получает, и от него при-*

носят плод «одни во сто крат, другие в шестьдесят, иные же в тридцать; Потому желающим принести плод слова Божиего нужно терпение; Поэтому желающему и старающемуся принести плод слова Божиего, надо усердно молиться, чтобы Сам Господь плод слова Своего в сердцах наших творил и совершал.

2.3. Слот «Увядание». Зачастую процесс увядания растения выступает метафорой духовной смерти. Так или иначе, слот «увядание», в контексте религиозного дискурса несет в себе негативную нагрузку, поскольку передает идею отступления христианина от церковных догматов или же от веры в целом. Средством метафорической репрезентации в рассмотренных контекстах выступают лексемы с процессуальным значением **иссыхать, погибать** и пр.

Человек, оторванный от Христа и христианского вероучения, обречен на духовную гибель: *Христианин, отторженный от Христа, всю духовную свою живность губит и духовно иссыхает; Христианин, отторгнувшийся от Христа и иссохший, вечному предаётся огню.*

Как уже было отмечено ранее, при помощи фитоморфных метафор переосмыслению подвергается процесс принятия или непринятия человеком «слова Божия». Таким образом, процесс познания напрямую соотносится с процессом роста и развития растения. Увядание и гибель растения метафорически отражает, что «слово Божие» не было принято человеком: *Так и слово Божие, проповеданное сердцам человеческим, по которым, как по пути, различные мысли проходят, погибает и бесплодно бывает, ибо «духи лукавые», как птицы, похищают его, «чтобы люди, уверовав, не спаслись; Если не чувствуешь, то это знак того, что семя слова Божиего в тебе погибает.*

3. Фрейм «Части растения». В пределах религиозного дискурса фрейм «части растения» является достаточно частотным. Исследователи также отмечают структурированность данного фрейма в пределах фитоморфной метафорической модели. Традиционно в пределах фрейма «Части растения» функционируют такие концепты, как «корень», «стебель», «ветка», «лист», «цветок», «плод» и пр. Однако в авторской картине мира Тихона Задонского подобная структурированность отсутствует. Данный фрейм представлен двумя слотами: «ствол и его части», а также «плод и семя».

3.1. Слот «Ствол и его части». Источником метафорической экспансии в пределах слота, как правило, выступают концепты «ствол», «стебель», «ветка», «лист». Однако в рассмотренном материале отражены концепты **«лоза»** и **«розги»**, выступающие как единое целое и функционирующие в пределах одного контекста.

В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля приведено следующее толкование данных лексем: **Лоза – ствол** кустового деревянистого растения, особенно винограда. **Розга – ветвь**, ветка древесная, хворостинка, прут [Толковый словарь В. И. Даля, электронный ресурс]. Исходя из вышесказанного, образ «лоза и розги» в смысловом отношении является тождественным образу «ствола и ветвей», однако различия в стилистическом отношении более очевидны.

Бог, по мысли Тихона Задонского, подобен лозе, христиане – розгам. Отсюда очевидна взаимосвязь двух элементов, как ствол питает ветви, так и Бог питает верой христиан: *Он (Бог) – Лоза, они (христиане) же – розги; Но Христос Господь просвещает разум наш и подает нам силу и крепость, чтобы желать и делать, как лоза сок свой сообщает розгам; Без Христа быть добродетельными и добрые дела творить не можем, ибо розги приносить плоды без лозы не могут.*

Принципиально важной для автора становится возможность показать, что именно Бог является «истиной лозой»: *Обратиться к Господу и покаянием и слезами омыть себя, и так ко Христу, Лозе истинной, прилепиться.* Следовательно, контекст имплицитно задает противопоставление Бога и Дьявола как истиной и ложной лозы.

Показательно и то, что беззаконные христиане уподобляются иссохшим розгам, они оторваны от лозы истиной веры и обречены на духовную смерть: *Ибо они – как розги иссохшие.*

3.2. Слот «Плод и семя». Образ семени является одним из древнейших символов, встречающийся не только в христианской мифологии, но и в языческой. Однако для нас первостепенную важность имеет непосредственно христианская картина мира. Здесь «семя» выступает и символом христианской веры в целом, при этом подчеркиваются малый размер зерна, которое впоследствии может принести духовный плод. В известном смысле «семя» противопоставлено «плевелам», если первое Бог заронил в душу человека, то второе – «враг рода человеческого», и только впоследствии по плодам можно определить, что

взросло в человеческой душе. Именно по плодам оценивается качество семени, поэтому образ «плода» и «семени» рассматривается нами в неразрывной связи.

Также христианская мифология рассматривает семя в контексте его ценности, что позиционируется в едином образе «семена слова Божия». Семя слова Божия имеет абсолютную ценность для христиан, которая неоспорима. Однако «семя слова Божия», как и любое другое, нуждается в уходе и подпитке, чтобы оно не погибло, а принесло плоды. Данная символика наиболее разработана в текстах Тихона Задонского, подробно можно проследить на примерах: **Божие слово, как семя, на земле сердце человеческих сеемое, подобный себе плод рождает. Божие слово – семя духовное, доброе, небесное, святое, животворящее. Посеянное на сердце человеческого, рождает человека подобным себе, то есть делает его духовным, добрым, небесным, святым, живым; У христиан от семени слова Божия духовные семена рождаются христиан семена — покаяние, печаль о Боге, вздыхание, слезы, молитва, благодарение, пение, дела милости, терпение и прочее; Иначе семя Божиего слова будет бесплодно.** Показательно, что контексты актуализируют еще один символический пласт образа семени, это так называемые «христианские семена», зачастую они отражают различные добродетели и моральные качества человека.

Как было отмечено ранее, семена символизируют некую первопричину, источник каких-либо процессов и явлений. Иногда выступают как метафора духовного возрождения, роста или самосовершенствования. Процесс прорастания семени, рассматривается как Божье благословение: **Услышанному слову Божию, чтобы не было оно без плода, нужна Божия благодать, согревающая и орошающая; Но что в руки нищих влагается, то не погибнет, а сторичный плод принесет, как семя, павшее на добрую землю, не погибает, а сеявшему плод приносит; Трудись и ты и сей ныне, сей с верой и надеждой. Не бойся: семя не погибнет.**

Символика семени как ученичества также встречается в трудах Тихона Задонского. При этом процесс воспитания уподобляется посеву семени, которое в дальнейшем принесет плоды: **От воспитания, как от семени плоды, все остальное время жизни зависит.**

Если «семя» является причиной каких-либо явлений, то «плод» выступает последствием каких-то действий: **Так и каж-**

дый в мире этом трудится не просто, но прежде взирает на результат, ради которого труд начинает, и на плод, от труда последующий, и так начинает трудиться.

Символика плода также обширна, как и символика семени. Зачастую, «плод» метафорически передает идею духовного роста, созревания, имплицитно данная идея встречается практически во всех контекстах. Наиболее очевидным является деление всех плодов на хорошие и плохие, подобное находим и в Библии, к примеру «запретный плод» или же слова Иисуса в «Нагорной проповеди», которые достаточно часто цитируются многими священнослужителями церкви, Тихон Задонский в этом отношении не исключение: *О горнем помышлять, слово Божие слышать и его плод приносить; Христианин, который не приносит плода доброго, отторгается от Христа; Доброе дерево добрые плоды изнутри рождает. Так и добрый христианин изнутри, от сердца, и неліццемерно добрые дела творит.* Обратим внимание на последний контекст, здесь достойный христианин подобен «доброму дереву», соответственно, «добрые плоды» при помощи параллелизма проецируются на «добрые дела», которые творит человек.

Нельзя обойти стороной метафорические образы *плодородия и бесплодия*. Символика бесплодия в христианской картине мира связана с уклонением христианина в ересь: *Слово Божие равно всем проповедуется, но не во всех сила и плод его бывает в них слово Божие бесплодно бывает.*

Напротив, образ плодородия предполагает правильное поведение со стороны христианина, а именно молитву и покаяние: *Хотя христиане и приносят плод добродетелей, однако приписываются они Христу, Сыну Божию; Прежде всего должно во Христе насадиться и так плоды добрых дел приносить – нужно прежде всего сделаться добрым и тогда добро творить; Так и христиане Небесным Отцом наказываются, чтобы больший и приятнейший плод добродетелей принесли.*

4. Фрейм «Места произрастания растений». В рамках данного фрейма, как правило, метафорически переосмысливаются такие концепты, как «поле», «нива», «лес», «сад», «почва» и пр. Однако рассмотренный материал не позволяет произвести детального структурирования фрейма, поскольку обнаруживает весьма ограниченное употребление метафор данного вида. Так, в структуре фрейма «места произрастания растений» выделено два слота: *«окультуренные места произрастания растений»* и *«заросшее / ухоженное место произрастания растений»*.

4.1. Слот «Окультуренные места произрастания растений». В рассмотренных контекстах сердце человека предстает как освоенное место произрастания растений. Основной концепт, реализующий данный слот – «поле». Так, сердце человека уподобляется «земляному полю», на которое упало «семя слова Божия»: *Слово Божие посеянное на сердце человеческом, рождает человека подобным себе, то есть делает его духовным, добрым, небесным, святым, живым; Земляное поле – сердце человеческое – с небесным семенем не может совокупиться и принести плод.*

4.2. Слот «Заросшее / ухоженное место произрастания растений». Поскольку основным местом произрастания «семян слова Божия» выступает сердце человека, подобное полю, соответственно, оно требует определенного ухода. В рассмотренных нами контекстах отсутствует метафора ухоженного места, основу же составляют метафоры неухоженности. Зачастую в качестве сорняков или терний, терзающих человека, выступают «прихоти этого мира», по сути любые временные, суетные переживания: *Слово Божие слышат многие люди, но «печалью века сего и лестью богатства», как тернием, объятые сердца имея, никакого плода не приносят; Так как прихоти этого мира, как терни семя, подавляют слово Божие, в сердце посеянное.*

По мысли Тихона Задонского, каждый человек должен работать над собой, чтобы избавить от сора и бурьяна свое сердце и дать возможность зерну веры взрасти: *Так как прихоти этого мира, как терни семя, подавляют слово Божие, в сердце посеянное, то надо эти вредные тернии из сердца искоренить.*

5. Фрейм «Выращивание растений». Одним из основных видов деятельности человека с древних времен является земледелие, это «основное традиционное и наиболее ритуализированное занятие славян... Для общеславянской традиции характерно представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти – князя» [Петрухин 1999: 312]. В пределах фрейма «Выращивание растений» духовная жизнь человека метафоризируется в знакомых человеку с древнейших времен образах «посева» и «жатвы».

5.1. Слот «Посев». Основным источником метафор посева выступает евангельская притча о сеятеле, где в качестве сеятеля выступает Иисус, семенем является его слово, а почвой – слуша-

тели. В религиозном дискурсе в качестве сеятелей предстают: священнослужители, пастыри, духовные наставники, проповедующие слово Божие. Однако обычные христиане, также, могут выступать в качестве сеятелей, при этом их семенем являются традиционные христианские добродетели: *У христиан есть подходящее время, когда должны сеять свои семена, – это время настоящей жизни; Так и христиане трудятся и сеют с надеждой на духовный плод, милостивое воздаяние от Бога.*

Следует сказать о метафорической взаимосвязи двух процессов – «посева» и «жатвы». По мнению Тихона Задонского, человеческое время на земле и есть время посева – «настоящее время». Именно в это время человек должен посеять как можно больше «семян добродетели». Метафора жатвы, как правило, отражает образ «Суда Христового», то есть времени, когда каждый человек предстанет перед лицом господина: *Разумные и мудрые христиане не пропускают времени настоящей жизни, но трудятся и сеют свои семена, каются, творят дела покаяния, творят дела милости, и прочее. Нынешнее время – это только время посева, а в будущем веке этого не будет; Христиане, которые более духовных семян в настоящей жизни сеют, те в последний день, в день Суда Христового, в который всякого и все дела явятся, более плодов пожнут, а которые скудно сеют, скудно и пожнут.*

Поскольку в авторской картине мира Тихона Задонского присутствует образ благочестивого христианина, который «сеет в свое время», соответственно должен быть образ диаметрально противоположный: *Христиане несмышленные, нерадивые, небрежные, которые ныне духовных семян не сеют, при кончине века и воскресении из мертвых никаких плодов не пожнут, но бесплодными явятся перед Господом.*

Однако в качестве семени в религиозном дискурсе выступают не только «слово Божие» и добрые дела, но и различные грехи и пороки: *Намного больше берегись падение его другим открывать и клеветой соблазн сеять; Чтобы сеялся соблазн, и так бы всякое нестроение и замешательство было бы в обществе христианском.*

5.2. Слот «Сбор урожая и жатва». Закономерным следствием посева «духовных зерен» является сбор урожая или жатва. Как правило, метафоры данного типа отражают результаты духовной работы: *Христиане, видя и собирая плоды своих трудов и семян, возрадуются; Так и христиане пло-*

ды своих трудов и семян пожнут при кончине века и воскресении из мертвых; Христиане, любящие роскошь, и гуляки при кончине века и воскресении из мертвых – тогда будет христианская жатва, – постыдятся и посрамятся, заплачут и зарыдают тогда, когда увидят добрых христиан, поживающих плоды своих семян, себя же увидят бесплодными, в крайней нищете.

Таким образом, проанализировав метафорическую модель с исходной понятийной сферой «царство растений», стало возможным утверждать, что метафоры данной группы выступают одним из важных способов представления различных аспектов религиозной сферы. Данная группа метафор акцентирует внимание на причинно-следственной взаимосвязи духовных процессов в религиозной жизни человека, также растительные образы активно используются с целью отражения основных этапов человеческой жизни.

Подводя итог исследования фитоморфной метафорической модели в религиозном дискурсе, следует подчеркнуть ее ключевые особенности: во-первых, традиционность использования растительной метафоры в рамках религиозного дискурса; во-вторых, детальная структурированность в пределах изучаемой метафорической модели позволяет выделить пять фреймов: «Состав царства растений», «Жизненный цикл растений», «Места произрастания растений», «Части растения», «Выращивание растений»; в-третьих, отсутствие негативной эмоциональной направленности, зачастую растительные образы призваны отразить идею естественности и непрерывности развития жизни, а также показать тесную взаимосвязь между человеком и природой.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.). – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. 217с.

Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование в религиозном дискурсе // Научный диалог. – 2012. № 8. С. 191–207.

Кондратьева О. Н. Фитоморфные признаки в структуре концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы научной конференции. Институт языкознания РАН, Российская ассоциация лингвистов-когнитологов / под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. С. 75–83.

Кропотухина П. В. Когнитивное исследование фитоморфной метафоры в современных политических дискурсах России и Великобритании : дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011. 262 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. 25 с.

Петрухин В. Я. Земледелие // Славянские древности : этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 312.

Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб. : Библия для всех, 2005. 1424 с.

Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. Даль // Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=36734> (дата обращения: 14.03.2015).

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001.

Н. В. Шестеркина, Е. С. Белоусова
Саранск, Россия

**ДЕРЕВЕНСКИЙ ПЕЙЗАЖ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК**

АННОТАЦИЯ. В результате анализа немецкого перевода описаний деревенских окрестностей на основании шести номинантов выявлено преобладание асимметрии компонентов поверхностной и глубинной структур номинативного поля исследуемого образа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: перевод, деревенский пейзаж, номинативное поле, номинанты, асимметрия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Шестеркина Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.

Адрес: 430000, Саранск, ул. Большевикская, 68, корп. 1, каб. 655.
E-mail: nvshest@mail.ru

Белоусова Екатерина Сергеевна, студентка факультета иностранных языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.

Адрес: 430000, Саранск, ул. Большевикская, 68, корп. 1, каб. 655.
E-mail: nvshest@mail.ru

N. V. Shesterkina, E. S. Belousova
Saransk, Russia

**RURAL LANDSCAPE IN THE GERMAN TRANSLATION
OF THE L.N.TOLSTOY'S NOVEL "WAR AND PEACE"**

ABSTRACT. As a result of the analysis of the German translational descriptions of rural surroundings based on six nominants the predominance of asymmetry of components of surface and profound structures of nominative field of an investigated image is revealed.

KEY WORDS: translation, rural landscape, nominative field, nominants, asymmetry.

ABOUT THE AUTHOR: *Shesterkina Natal'ya Viktorovna, the candidate of philological sciences, Associate Professor of the Theory of Speech and Translation, Ogarev Mordovia State University, Saransk.*

Belousova Ekaterina Sergeevna, student of the Faculty of Foreign Languages, Ogarev Mordovia State University, Saransk.

Предлагаемая вниманию статья является продолжением исследования перевода на немецкий язык фрагментов описания деревенских окрестностей в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» [Шестеркина, Белоусова 2014, 2015]. Сопоставление фрагментов текста оригинала и перевода осуществляется по методике Е. А. Огневой в трех направлениях:

1) условия симметричной / асимметричной передачи стиля оригинала на переводной язык;

2) симметричная / асимметричная передача плана содержания знака текста оригинала в тексте перевода;

3) способы и предпосылки перекодировки плана выражения единиц исходного текста (ИТ) и переведенного текста (ПТ) при адекватном, эквивалентном переводах, а также при нивелировке и усилении смыслового значения единицы перевода как частных приемов преобразования [Огнева 2004: 67].

Взаимосвязь компонентов переводческого кода характеризуется следующим образом:

1) полная симметрия планов содержания и выражения единиц оригинала и переводного текста. Симметрия планов способствует симметричной передаче стиля как одного из компонентов переводческого кода с ИЯ на ПЯ;

2) частичная симметрия планов единиц оригинала и текста перевода, возникающая при перекодировке. Для симметричной передачи стиля и содержания языковой единицы ИТ переводчиком в плане выражения осуществляется ряд преобразований, а именно лексические и грамматические трансформации и транспозиции грамматических категорий и частей речи. Асимметрия плана выражения единиц оригинала при его перекодировке обусловлена стремлением переводчика достичь большей степени как адекватности, так и эквивалентности переводных текстов на разных языках;

3) частичная симметрия / асимметрия планов: асимметрия плана содержания и симметрия плана выражения единицы ИТ и ПТ возможна при ее стилистической симметрии;

4) симметричная перекодировка стиля информации ИТ, что возможно при асимметричной передаче плана содержания и плана выражения единицы с ИЯ на ПЯ;

5) полная асимметрия компонентов текста при передаче стиля оригинала в ПТ его плана содержания и плана выражения. Это языковое явление прослеживается при вольном переводе литературно-художественных текстов;

6) асимметричная передача стиля, плана содержания единицы перевода ИТ в ПТ и симметрия ее плана выражения;

7) частичная симметрия / асимметрия планов единиц ИТ при их передаче на ПЯ в следующем соотношении: асимметрия стиля оригинала и перевода и плана выражения единицы при симметричной передаче плана ее содержания. Данная взаимосвязь компонентов переводческого кода проявляется при переводе пословиц с ИЯ на ПЯ;

8) симметричная передача плана содержания и плана выражения единиц оригинала в тексте перевода при его перекодировке, а также явление асимметрии стиля перекодируемой информации в переводном тексте [Огнева 2004: 77].

Преобразования планов языковых единиц направлены на адаптацию информации оригинала к восприятию иноязычным реципиентом в процессе косвенной коммуникации, источники которой – художественные тексты. В них пейзаж выполняет различные функции, среди них основные:

1) иллюстративная (пейзаж является фоном, на котором происходят различные события в произведении);

2) эмоционально-психологическая функция (пейзаж служит средством раскрытия характера героя, предвещает те или иные события в жизни персонажа, создает определенное настроение);

3) воздействие природы на формирование личности героя;

4) символическая функция, позволяющая воплощать философские взгляды автора на мир и человека [Лингвокультурологический... URL]. (О функции пейзажа в художественном произведении см. также: [Мещеркова 2015, 2016]).

Для сопоставления в данной статье мы выбрали фрагмент текста романа, где также дается описание деревенских окрестностей, в частности, картина *засеянных полей*. Мотивы злаковых культур являются важной этносоставляющей концептосферы художественного произведения Л. Н. Толстого «Война и мир». Злаковые культуры в романе, кроме *гречихи*, не кон-

кретизируются, автор лишь обращается к обобщенному образу хлебов, используя понятия *зеленя, озимые, яровое жнивье*. Образы растений в мире русских поэтов и писателей становились символами жизни, красоты, нежности [Щербаков 2012: 31]. Адекватная передача русских «пейзажных» этнонимов чрезвычайно важна для правильного формирования образов русской природы у иноязычных читателей. Рассмотрим детально следующее описание:

Уже были зазимки, утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю, уже зеленя уклочились и ярко-зелено отделялись от полос буреющего, выбитого скотом, озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречихи. Вершины и леса, в конце августа еще бывшие зелеными островами между черными полями озимей и жнивями, стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленых озимей [Толстой 2007: 324].

Содержащиеся в выбранном нами примере такие элементы, как *воздух, дождь, мороз, растительность, рельеф, лес* составляют картину комплексного пейзажа. Словоупотребление *утренние морозы* относится к воздушно-пространственной перспективе (воздух). С изменением внешних условий, в том числе температуры, меняется его плотность, прозрачность, соответственно, воздух оптически меняет и внешний вид объектов, что, безусловно, оказывает большое влияние на картину описываемого пейзажа.

Когнитивный анализ исследуемого отрывка показал, что описание деревенских окрестностей представлено совокупностью из шести номинантов, из которых три вербализованы глагольными конструкциями (N-2, N-3, N-6), один номинант выражен словосочетанием существительное + прилагательное (N-4), один номинант представлен существительным в форме обстоятельства времени (N-1) и один номинант, N-5, включает в себя причастный оборот.

Обратимся к описанию, представленному в немецком переводе произведения Л. Н. Толстого:

Der Winter rückte schon heran; die Morgenfröste schlugen die vom Herbstregen durchweichte Erde in Bande; schon hatte sich die Wintersaat verfilzt und hob sich hellgrün ab von den Streifen der braun gewordenen, vom Vieh zertretenen Winterstoppel und der hellgelben Sommerstoppel und den roten Streifen von Buchweizen. Die einzelnen Baumwipfel und die Parzellen von Laubholz, die Ende

August noch grüne Inseln zwischen den schwarzen Wintersaatfeldern und den Stoppelfeldern bildeten, lagen jetzt als goldige und hellrote Inseln mitten unter den hellgrünen Feldern mit Wintersaat [Tolstoj URL].

Когнитивно-сопоставительный анализ номинативного поля исследуемого сегмента концептосферы выявил следующие результаты адаптации образа засеянных полей при переводе номинантов на немецкий язык.

– N-1 уже *были зазимки* адаптирован на немецкий язык асимметрично в плане выражения: *der Winter rückte schon heran* («уже приближалась зима»), данное преобразование следует рассматривать как модуляцию, поскольку в немецком языке отсутствует однозначный эквивалент, соответствующий лексеме *ззимок* (в «Большом толковом словаре современного русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова определяемой как «первые морозы, заморозки, первый снег»).

– N-2 *утренние морозы заковывали смоченную осенними дождями землю* передан симметрично в плане содержания: *die Morgenfröste schlugen die vom Herbstregen durchweichte Erde in Bande*. Произведено синтаксическое преобразование глагола *заковывали* в словосочетание *schlugen in Bande*, что следует, по всей видимости, переводить как «заключили в оковы», поскольку одним из значений глагола *schlagen* («бить, разбивать») является значение «приводить в какое-л. состояние / положение». Прилагательное *смоченный* транслировано с помощью приема лексико-семантической замены прилагательным *durchweicht* («размякнувший, пропитанный»).

– N-3 уже *зеленя уключились и ярко-зелено отделялись от полос буреющего, выбитого скотом, озимого* передан на немецкий язык асимметрично на уровне поверхностной структуры: *schon hatte sich die Wintersaat verfilzt und hob sich hellgrün ab von den Streifen der braun gewordenen, vom Vieh zertretenen Winterstoppel*. Поскольку понятие *зеленя* представляет собой «молодые всходы хлебов», хотя и обычно – «озимых», то подобный перевод следует рассматривать как конкретизацию значения: *Wintersaat* («озимые»). При лексико-семантической замене глагола *уключивать* («взбить, всключить, взъерошить ключьями, вспушить») глаголом *verfilzen* («сбивать в войлок, спутывать, взъерошивать») отмечаем общность некоторых сем, позволивших провести такую замену. Причастие *выбитый* передано с помощью семантической замены причастием *zertreten* («растоп-

тать, раздавить»). Существительное *озимые* передано существительным *Winterstoppel* (досл. – «зимнее жнивье»). Исходя из когнитивного анализа данного номинанта можно сделать вывод, что такие этнокультурные элементы, как *зеленя* и *озимые* адаптированы не в полной мере верно.

– N-4 *и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречихи* транслирован на немецкий язык симметрично на уровне глубинной и поверхностной структур: *und der hellgelben Sommerstoppel und den roten Streifen von Buchweize*. Этно-символизм пейзажных единиц, представленных в номинанте, передан в полном объеме.

– N-5 *вершины и леса, в конце августа еще бывшие зелеными островами между черными полями озимей и жнивами* передан асимметрично в плане выражения: *die einzelnen Baumwipfel und die Parzellen von Laubholz, die Ende August noch grüne Inseln zwischen den schwarzen Wintersaatfeldern und den Stoppel-feldern bildeten*. Переводчиком произведены следующие преобразования: а) конкретизация существительного *вершины*, использование в немецком переводе существительного *Baumwipfel* («верхушки деревьев»); б) добавление прилагательного *einzelnen* («отдельный»); в) при передаче существительного *леса* произошла его замена словосочетанием *die Parzellen von Laubholz* («небольшие участки лиственного леса») и тем самым некоторое смещение значения, так как, во-первых, переводчик совершил необоснованную конкретизацию, используя лексику *Laubholz* («лиственный лес»), и, во-вторых, при употреблении лексики *Parzellen* («мелкий участок земли») оказались уменьшены объема леса – в переводе занимаемое лесом пространство явно сократилось. Также отмечаем симметричную передачу этнокультурных элементов как *поля озимых* и *жнивы*.

– N-6 *стали золотистыми и ярко-красными островами посреди ярко-зеленых озимей* транслирован асимметрично на уровне поверхностной структуры: *lagen jetzt als goldige und hellrote Inseln mitten unter den hellgrünen Feldern mit Wintersaat*, где наблюдаются такие преобразования, как: а) лексико-семантическая замена глагола *стали* глаголом *lagen* («лежали»); б) синтаксическая замена существительного *озимей* словосочетанием *Feldern mit Wintersaat* («поля с озимыми») с использованием приема генерализации.

Полученные результаты когнитивно-сопоставительного исследования образа засеянных полей в оригинальной и перевод-

ной версиях отражены в таблице 1, где приняты следующие условные сокращения: Sm – симметричная передача плана содержания номинанта при переводе, Sf – симметричная передача плана выражения номинанта при переводе, Am – асимметричная передача плана содержания номинанта при переводе, Af – асимметричная передача плана выражения номинанта при переводе.

Таблица 1

Степень симметрии глубинной и поверхностной структур номинативного поля образа засеянных полей в текстах оригинала и перевода на немецкий язык

	N-1	N-2	N-3	N-4	N-5	N-6
Dt	Am	Sm	Sm	Sm	Sm	Sm
	Af	Af	Af	Sf	Af	Af

Данные, содержащиеся в таблице, иллюстрируют равное сочетание симметрии и асимметрии при переводе компонентов поверхностной и глубинной структур номинативного поля исследуемого образа засеянных зерном полей. Четыре номинанта из шести демонстрируют частичную асимметрию, представленную лишь при передаче плана выражения. Один номинант полностью симметричен в обоих планах, и один номинант передан на немецкий язык асимметрично как в плане выражения, так и в плане содержания. В целом мы можем говорить, что этнонимизм номинативного поля исследуемого образа передан не в полном объеме, что негативным образом сказывается на восприятии немецкоязычными читателями переведенного русского романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

ЛИТЕРАТУРА

ЛКТ – Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php#course3>.

Мещерякова О. А. Поэтика пейзажа в рассказе И. Бунина «Над городом» // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: материалы научной Всероссийской конференции. – Орел, 2015. С. 192–196.

Мещерякова О. А. Описание природы в художественном тексте // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: материалы I международной научно-практической конференции. – М., 2016. С. 192–195.

Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода : монография. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 228 с.

Толстой Л. Н. Война и мир: Роман в четырех томах [Электронный ресурс] // Мировая классика. – М. : АСТ ; Фолио, 2007. Т. 1–2: Война и мир. Книга 1. 395 с. – Режим доступа: http://royallib.ru/get/doc/tolstoy_lev/voyna-i_mir_kniga_1.zip.

Шестеркина Н. В., Белоусова Е. С. Комплексный пейзаж российской деревенской окрестности в зеркале перевода: на материале перевода романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на немецкий язык // Социокультурные проблемы перевода : сборник научных трудов. Вып. 11. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 121–130.

Шестеркина Н. В., Белоусова Е. С. Пейзаж российской деревенской окрестности в зеркале перевода (на материале перевода романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на немецкий язык) // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй научно-практической конференции. – М. : МГИМО–Университет, 2015. Т. 2. С. 653–658.

Щербаков С. А. Растительный мир как природный, историко-культурный и духовный феномен в русской поэзии XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012. 38 с.

Tolstoj L. N. Krieg und Frieden : ein Roman in fünfzehn Teilen mit einem Epilog [Elektronische Ressource] // Übertragen von Hermann Rohl: 3 Bände. Leipzig : Insel-Verlag, [1915 oder 1916]. 1446 S. Zugangsweise: <http://upload.studwork.org/order/71112/Tolstoj,%20Lev%20Nikolaevic%20-%20Krieg%20und%20Frieden.pdf>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

11 (2017)

Выпускающий редактор Ворошилова М. Б.
Верстка Мухиной Ю. А.